М. Басина

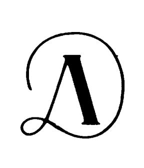
ГОРОД ПОЭТА

Издательство «Детская литература»

М. Басина ∞ Город поэта

П О Д О Р О Г И М М Е С Т А М

ГОРОД ПОЭТА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Ленинград
«Детская литература»
1975

8Р1 (092)
Б 27

Издание второе

Двенадцатилетним мальчиком был привезен Александр Пушкин в Царскосельский Лицей. Шесть лет провел он в этом новом, небывалом в России учебном заведении. Здесь он жил и учился, увлекался вместе с товарищами литературными занятиями — выпускал рукописные журналы, начал сочинять и печатать свои стихи. В Лицее он навсегда подружился с Иваном Пущиным, Антоном Дельвигом, Вильгельмом Кюхельбекером. Из живого шаловливого мальчика, участника всех лицейских происшествий и проделок, превратился в поэта, имя которого стало известно далеко за пределами Царского Села.

О жизни Пушкина в Лицее, его учителях, его товарищах, о прекрасной лицейской дружбе, Царском Селе того времени и рассказано в книге «Город поэта».

Говорится в ней и о том, каков сейчас город Пушкин.

$Б \frac{70803-144}{М101(03)-75} 415-75$

ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ ШАГ В ДУШЕ РОЖДАЕТ
ВОСПОМИНАНЬЯ ПРЕЖНИХ ЛЕТ...

А. С. Пушкин
«Воспоминания в Царском Селе».

„Для помещения в оном Лицея“

Всю дорогу от Петербурга до Царского Села архитектор Василий Стасов был погружен в свои мысли. Изредка бросал он рассеянный взгляд на покрытую снегом однообразную болотистую равнину, по которой пролегали двадцать пять верст дороги, соединяющей столицу и Царское Село, и вновь думал о своем.

Ему — молодому зодчему, немало построившему в Москве, — дано было первое поручение от петербургского начальства. Надобно было составить проект внутренней переделки дворцового флигеля в Царском Селе. И вот по какому случаю. Во флигеле этом по приказу императора Александра решено было разместить вновь открываемое учебное заведение — Лицей.

Стасову припомнились слухи, что ходили в петербургском обществе по поводу Лицея, или Ликея. Никто толком не знал, как следует произносить это слово — на французский или на греческий манер.

Слухи были разные. Одни говорили, что император задумал воспитывать своих младших братьев, четырнадцатилетнего Николая и двенадцатилетнего Михаила, «общественно», вместе с отпрысками знатнейших фамилий. Посему повелел он разместить в Царском Селе у себя под боком особенный Лицей — для избранных.

Другие (в большинстве это были дамы) полагали, что императору, «любящему нежный детский возраст» и не имеющему собственных детей, захотелось видеть вблизи себя «невинных и веселых отроков», и он повелел устроить для них в своем летнем дворце Лицей.

Третьи — без всяких сантиментов — считали, что все это от вольнодумства. Все это злостные затеи семинариста Сперанского, который из дьячков пробрался в статс-секретари, вошел в доверие к государю и подбивает его на опасные и вредные реформы.

Вид на Большой Царскосельский дворец и парк.
Литография А. Мартынова. Около 1820 года.

Но что бы ни толковали в столичном обществе, а в августе 1810 года на «Постановлении о Лицее» царь написал: «Быть по сему. Александр».

И вот ему, зодчему Стасову, предложено было незамедлительно отправиться в Царское Село, осмотреть предназначенное для Лицея здание и решить, как наилучшим образом приспособить его для нужд будущего учебного заведения.

Близ Пулковой деревни дорога пошла в гору. Лошадь, впряженная в крытые сани, бежала медленней. Проехали еще верст пять, и вдали, будто нарисованные на сером небе, показались черные силуэты огромных ветвистых деревьев, золоченые купола церкви Большого дворца. По расчищенной дороге сани въехали в прямую широкую улицу. Замелькали веселые домики с садами, казенные строения. Миновали заснеженный парк и громаду нового Александровского дворца — творение зодчего Кваренги.

Зимою в Царском Селе бывало пустынно и тихо, не то что в летнюю пору, когда сюда из столицы переселялся царь со своим двором. Тогда тихий зеленый городок становился «Петербургом в миниатюре».

Новый флигель, который приехал осматривать Стасов, стоял возле дворца как отрезанный ломоть. Он был огромен, но узок. Его строгая громада со скупыми украшениями как бы подчеркивала затейливую роскошь Большого дворца. Строил флигель при Екатерине II архитектор Илья Неелов.

Екатерина терпеть не могла своего курносого бешеного сына Павла. Втайне мечтала она, обойдя его, посадить на престол старшего внука — Александра. И его, и младших детей Павла держала при себе. Для них и велела возвести этот «чертог», соединенный крытой галереей с ее собственным дворцом.

Теперь флигель пустовал. Шаг за шагом обошел Василий Стасов

Ворота, построенные в Екатерининском парке по проекту В. П. Стасова. *Фотография.*

все четыре этажа его. В первом и в четвертом потолки невысокие, окна небольшие. Во втором потолки гораздо выше, а в третьем совсем высокие. Обширные комнаты, парадные залы. Стены обтянуты голубым, малиновым, зеленым штофом. Мебель (она также передавалась Лицею «на первое обзаведение») по большей части старинная. Многое рассохлось, выцвело, обветшало...

Гулко отдавались шаги в пустынных дворцовых покоях, где ныне надлежало разместить полсотни «веселых отроков». Здесь должны они жить, учиться, отдыхать. Классы для занятий, библиотека, гимнастический зал, столовая. Одних только спален пятьдесят — у каждого воспитанника своя.

Переделки предстояли значительные, а времени оставалось мало. К осени, когда начнутся занятия, все должно быть готово.

Вернувшись в Петербург, не мешкая, подал Стасов по начальству «Опись переделкам и поправкам Царскосельского бывшего дворца их императорских высочеств великих князей, для помещения в оном Лицея».

Вскоре Министерство народного просвещения заключило с подрядчиком Иваном Пробкиным контракт на производство строительных работ. Нагнал в будущий Лицей подрядчик Пробкин умельцев мужиков: каменщиков, штукатуров, маляров, печников, плотников — и работа закипела.

„И мы пришли...“

К началу октября 1811 года все в Лицее было готово для приема воспитанников. Здание внутри перестроено и заново отделано. Старая мебель приведена в порядок, изготовлена и приобретена кой-какая новая. Для воспитанников, профессоров, служителей сшита форменная одежда. Закуплены книги и учебные пособия.

В первом этаже бывшего дворцового флигеля разместились хозяйственное управление Лицея, квартиры инспектора и гувернеров; во втором этаже — гардеробная, столовая, буфетная, больница с аптекой, малый конференц-зал, канцелярия; в третьем этаже — большой зал, классы, физический кабинет, газетная комната, в галерее — библиотека; в четвертом этаже — комнаты-спальни воспитанников.

Четвертый этаж, по проекту Стасова, подвергся самой основательной переделке. Втиснуть в один этаж полсотни спален оказалось не-

Большой дворец и Лицей.
Литография А. Тона. 1822 г.

легко. Для этого ранее существовавшие внутренние стены были разобраны, двери заделаны. Вместо них возвели шесть поперечных капитальных стен с проходами-арками. Арки образовали сквозной коридор. И по обе стороны коридора появились пятьдесят две крохотные комнатки-спальни с оштукатуренными дощатыми стенами. Эти стены-перегородки делили окна пополам, так что в большинстве спален было по половине окна. Для «чистоты комнатного воздуха» перегородки не доходили до потолка. Для этой же цели потолок всего этажа был приподнят на один аршин. В каждую комнату вела из коридора небольшая дверь, окрашенная желтой масляной краской «под дуб». Вверху каждой двери — «для сообщения воздуха и света» — находилось окошечко с железной сеткой. Полы были дощатые, а не паркетные. Над каждой дверью висела черная дощечка с номером комнаты и фамилией воспитанника.

Лицейские гувернеры и некоторые профессора заранее переселились в Царское Село в специально отведенные для них квартиры.

Директору предоставлен был стоящий через переулок против Лицея каменный дом.

Два каменных строения по Певческому переулку, рядом с домом директора, тоже были переданы Лицею. Там разместились кухня, прачечная, баня, погреба.

В ожидании прибытия воспитанников в лицейской кухне уже хозяйничали повар Иван Веригин и смотрительница над кухней и съестными припасами «майорская дочь» София Скалон.

В гардеробной наводила порядок кастелянша — «жена отставного придворного скорохода» — Надежда Матвеева.

В помощь служителям-дядькам еще в августе прислана была «инвалидная команда» — унтер-офицер и шесть солдат-инвалидов.

Директор Лицея Василий Федорович Малиновский отдавал последние распоряжения эконому Эйлеру и надзирателю по учебной и нравственной части Пилецкому.

Музей Лицей. Коридор четвертого этажа и спальни лицеистов. *Фотография. 1974 г.*

В. Ф. Малиновский.
Портрет работы неизвестного художника. Начало XIX века.

И вот с утра девятого октября 1811 года возле директорского дома началось оживление. Казалось, хозяин принимает гостей. Со стуком подъезжали кареты, из которых степенно выходили подростки-мальчики в сопровождении родных. Но лица детей были грустны и растерянны, а лица взрослых торжественно серьезны. Они приехали не в гости. Это начали съезжаться будущие воспитанники Царскосельского Лицея.

Кто привез Александра Пушкина — неизвестно. Возможно, его

Пушкин в возрасте 11-12 лет.
Акварель неизвестного художника.

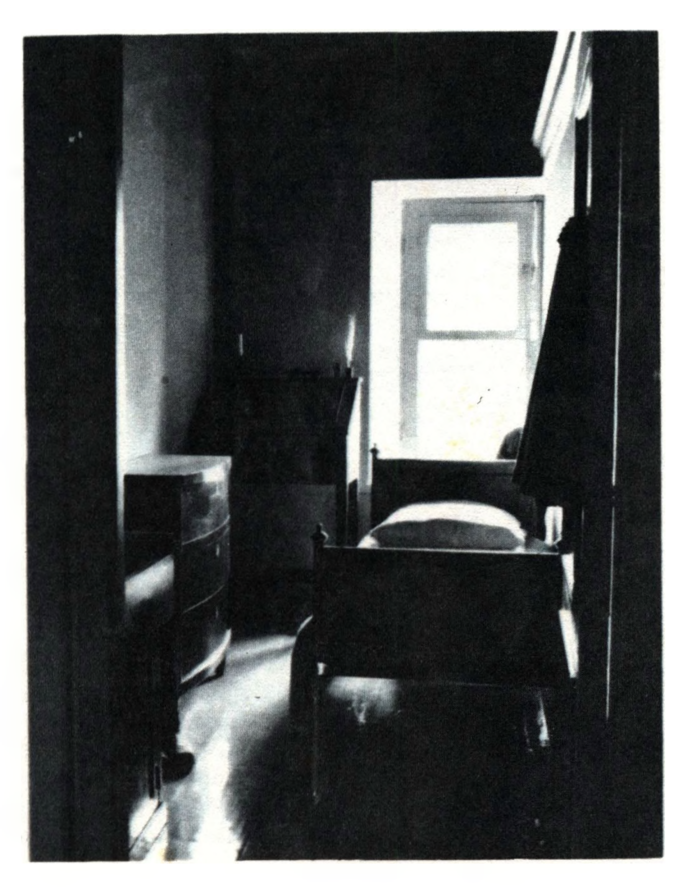
дядя Василий Львович. А может быть, старинный друг семьи Пушкиных, добрейший Александр Иванович Тургенев, благодаря влиянию которого и удалось поместить двенадцатилетнего Александра во вновь открываемое учебное заведение.

Встречал приезжающих сам директор — Василий Федорович Малиновский. Было ему уже за сорок. Его открытое лицо с благородными чертами говорило об уме и доброте. Держался он скромно, просто, приветливо. Он прекрасно понимал, что творилось в душе привезенных к нему мальчиков, и старался их ободрить, успокоить, рассеять.

«Новобранцы» прибывали по одному. Отобедали тут же, у директора. Сопровождающие не задерживались, не желая продлевать тягостные минуты расставания и памятуя пословицу: «Долгие проводы — лишние слезы».

Родные уехали, и воспитанники остались с гувернерами и инспектором.

После вечернего чая всех повели переодеваться. В несколько минут мальчики преобразились. Сброшены неказистые домашние курточки, панталоны, башмаки. На каждом синий двубортный сюртук со стоячим красным воротником, с красным кантом на манжетах, с блестящими

Музей Лицей. Комната № 14 — спальня Пушкина.

Списокъ кандидатамъ удостоеннымъ по экзаменѣ принятія въ число воспитанниковъ Лицея.

	чьи дѣти.
1. Павелъ Юдинъ. — „ — „ —	Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.
2. Александръ Бакунинъ. — „ —	Дѣйствительнаго Камергера.
3. Князь Александръ Горчаковъ. — „ —	Генералъ-Маiора.
4. Графъ Сильверій Бролье. — „ —	Иностраннаго Графа.
5. Вильгельмъ Кюхельбекеръ. — „ —	Статскаго Совѣтника.
6. Александръ Корниловъ. — „ —	Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.
7. Иванъ Малиновскій. — „ — „ —	Статскаго Совѣтника.
8. Петръ Саврасовъ — „ — „ —	Коллежскаго Совѣтника.
9. Константинъ Данзасъ. — „ —	Генералъ Маiора.
10. Фридрихъ Стевенъ. — „ — „	Коллежскаго Совѣтника.
11. Семенъ Есаковъ. — „ — „ — „	Коллежскаго Ассесора.
12. Баронъ Модестъ Корфъ. — „ —	Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.
13. Константинъ Гурьевъ. — „ —	Надворнаго Совѣтника.
14. Александръ Пушкинъ. — „ —	Чиновника 7го класса.

«Список кандидатам, удостоенным по экзамену принятия в число воспитанников Лицея». 1811 г.

гладкими пуговицами, синий суконный жилет, длинные прямые панталоны синего сукна, полусапожки.

Мальчики бросились к зеркалу, разглядывали друг друга, вертелись. Одни уже воображали себя министрами, другие сенаторами, третьи просто наслаждались своим парадным видом. Довольны были все.

Время близилось к десяти. Пора и на покой. Поднялись на четвертый этаж и по длинному полутемному коридору разошлись по своим комнаткам, где удушливо пахло непросохшей краской.

«Новобранцы» осмотрелись. Тускло освещала свеча скромное убранство: узкая железная кровать с бумазейным одеялом, конторка, стул, умывальный столик с зеркалом, комод. За окном непроглядная осенняя ночь, ветер, шум деревьев в роще. И не у одного будущего сенатора и министра вдруг почему-то защипало в горле и потекли по щекам непрошеные слезы.

Александру Пушкину досталась комната под номером 14. Над дверью уже висела дощечка с его фамилией. Оставшись наедине, он не заплакал. Он давно уже не плакал. Последний раз, пожалуй, лил слезы тогда, когда гувернантка сестры схватила его тетрадку с начатой поэмой и отдала гувернеру Шеделю: «Посмотрите, каким вздором занимается Александр, вместо того чтобы готовить уроки». Шедель начал читать и захохотал. И тут Пушкин заплакал, вырвал тетрадку, швырнул ее в печь. С тех пор он не плакал.

Пушкин оглядел свою комнату. Убогость обстановки не тревожила его, он не был избалован. Приметил все — в дверях окошечко с сеткой, мерные шаги дежурного дядьки в коридоре — и подумал с усмешкой: «Решетка, часовой... Будто в тюрьме».

Девятого октября в Лицей кроме Пушкина приехали Кюхельбекер, Вольховский, Илличевский, Ломоносов, Ржевский, Матюшкин, Брольо, Корсаков, Гурьев. На другой день привезли еще четверых. А тринадцатого октября директор Лицея сообщил министру просвещения графу А. К. Разумовскому, что все воспитанники уже съехались, все они довольны своим содержанием и веселы, все уже одеты в казенные мундиры и снабжены обувью, «потому что многие из них приличной одежды не имели».

В Лицей было принято тридцать человек. Царских братьев среди них не числилось. Назревали грозные политические события — война с Наполеоном, царю было не до братьев. К тому же не понравился императорской фамилии состав принятых воспитанников. Были они в большинстве дети незнатных, небогатых и нечиновных родителей — неподходящая компания для великих князей.

19 октября 1811 года

отя воспитанники съехались, занятия в Лицее еще не начинались. Все — от директора до шумливых обитателей четвертого этажа — деятельно готовились к девятнадцатому октября — дню торжественного открытия Лицея.

Приезжал брюзгливый надменный старик — министр просвещения граф Разумовский. Все осмотрел и приказал провести в его присутствии репетицию предстоящего торжества. В большом зале ему поставили кресло. Он сел и, приблизив к глазам свой неизменный лорнет, сумрачно наблюдал, как ввели воспитанников в парадных мундирах, построили и, вызывая их по списку, обучали кланяться почтительно и изящно тому месту, где будет сидеть царь и его семейство.

Большой зал Лицея, где происходила репетиция, был не очень велик, но красив. Светлый (по обеим сторонам его широкие окна), с четырьмя колоннами, поддерживающими потолок, со стенами, окрашенными под розовый мрамор, блестящим паркетом, зеркалами во всю стену и малиновыми штофными портьерами с шелковыми кистями. Именно здесь предполагалось устраивать публичные экзамены, выпускные акты и другие торжества. Зодчему Стасову приказано было, чтобы это помещение имело не только «приличное», но и парадное обличье. И под присмотром Стасова мастер Набоков искусно расписал стены зала клеевыми красками «под лепное». Воинские доспехи, знамена, одноглазые орлы, аллегорические фигуры, сцены из античных времен казались не нарисованными, а вылепленными, выпуклыми. Роспись украшала и потолок, и четыре арки, через которые входили в актовый зал.

Мебели в зале не полагалось, так как воспитанники должны были здесь заниматься фехтованием и другими физическими упражнениями, а по вечерам играть.

Но накануне торжественного дня открытия сюда снесли лучшую мебель со всего Лицея.

Посредине зала между колоннами раздвинули длинный складной стол, покрыли его красным сукном с золотой бахромой. Поодаль от стола все пространство зала уставили рядами кресел.

И вот долгожданный день девятнадцатого октября наступил. Гости начали съезжаться с утра. Зима в том году была ранняя. Уже выпал снег, и приглашенные прибывали из Петербурга в крытых санях.

Снова, как во время репетиции, в актовом зале по правую сторону стола в три ряда построились воспитанники в парадной форме. При них — бледный от волнения Василий Федорович Малиновский, инспектор, гувернеры. По другую сторону стола — профессора и чиновники Лицея.

Актовый зал Лицея.
Литография П. Иванова по рисунку лицеиста второго выпуска В. Лангера, выполненному в 20-е годы XIX века.

Вокруг переговаривались и раскланивались друг с другом министры, сенаторы, члены Государственного совета и «прочие первенствующие чины», придворные, педагоги из Петербурга. Сверкали шитые золотом мундиры.

Напрасно вглядывались «новобранцы» в блестящую толпу — родителей их на торжество не допустили.

Александр Пушкин никого не искал. Отец и мать его были в Москве. Но когда в нескольких шагах от себя он заметил добродушную физиономию Александра Ивановича Тургенева, его черный фрак со звездой, обрадовался и почувствовал себя не так одиноко.

Гости собрались, и министр просвещения граф Разумовский при-

гласил царя. Царь вошел. На его пухлом лице, как всегда, блуждала неопределенная, ничего не выражающая улыбка. Обе царицы — его жена и мать — сопровождали Александра. За ними шла великая княжна Анна Павловна и удивительно похожий на своего отца наследник престола — великий князь Константин Павлович. «Августейшее семейство» уселось. Царь подал знак, и церемония началась.

Первым вышел немолодой сановник — директор департамента народного просвещения И. И. Мартынов. Два профессора держали перед ним «дарованную» императором Лицею грамоту — Устав.

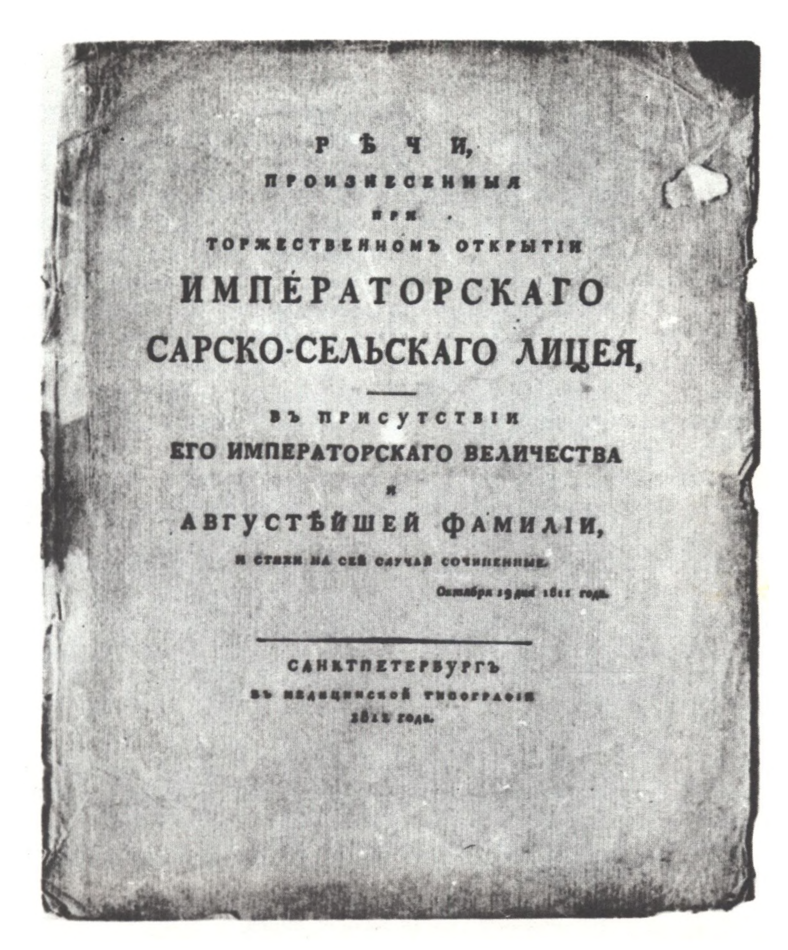
«Учреждение Лицея, — надтреснутым тонким голосом читал Мартынов, — имеет целию образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной. . .»

Пушкин и его товарищи слушали вполуха. Их не столько интересовало содержание читаемого, сколько занимал внешний вид Устава. А вид его действительно был роскошен. Устав походил на большую книгу в расшитом шелками и сверкающем золотом глазетовом переплете. Витой серебряный шнур с толстыми кистями скреплял переплет. На концах шнура, скрытая для сохранности в позолоченном футляре, мерно покачивалась государственная печать.

Те из воспитанников, что стояли поближе к Мартынову, изо всех сил вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть многочисленные рисунки, украшавшие все двенадцать пергаментных листов Устава.

Устав Лицея.

РѢЧИ,
ПРОИЗНЕСЕННЫЯ
ПРИ
ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ОТКРЫТІИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
САРСКО-СЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ,

ВЪ ПРИСУТСТВІИ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
И
АВГУСТѢЙШЕЙ ФАМИЛІИ,
И СТИХИ НА СЕЙ СЛУЧАЙ СОЧИНЕННЫЕ.
Октября 19 дня 1811 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ
1812 года.

Речи, произнесенные при торжественном открытии Лицея 19 октября 1811 года.
Изданы в Петербурге в 1812 году.

Мартынов кончил. Вышел директор Лицея Василий Федорович Малиновский. Он побледнел еще больше и читал свою речь прерывающимся тихим голосом. Ему было не по себе. Если бы ему дозволили, разве стал бы он бубнить все эти витиеватые пустопорожние фразы о преданности престолу и «благорастворенном воздухе» Царского Села! Но его не спросили. Вручили готовую речь и велели прочитать.

После Малиновского вышел профессор Кошанский и прочитал списки служащих и воспитанников Лицея.

Лучше всех в этот день говорил молодой адъюнкт — профессор Александр Петрович Куницын. Его нисколько не смущало ни присутствие царя, ни холодное любопытство блестящего собрания. Он вышел быстро и смело, обернулся в сторону своих будущих питомцев и, глядя на них и только на них, заговорил. Его речь предназначалась для этих мальчиков. Она так и называлась: «Наставление воспитанникам». Обращаясь к ним, юным гражданам России, он говорил о великой роли просвещения, обличал невежество, предрассудки, неправоту тех, кто достоинства человека измеряет чинами и знатностью, а не гражданской доблестью и благородством поступков. «Раздался глас отечества, в недра свои вас призывающего, — говорил Куницын.— Из родительских объятий вы поступаете ныне под кров сего священного храма наук... Здесь сообщены будут вам сведения, нужные для гражданина, необходимые для государственного человека, полезные для воина... Любовь к славе и отечеству должны быть вашими руководителями».

Странно звучали среди надменного собрания будоражащие слова: «граждане», «отечество», «народ», «общественная польза».

Звонкий голос молодого профессора наполнил весь зал, воцарилась необычайная тишина. Куницына слушали, и еще как слушали!

Царь прикрыл глаза и весь подался вперед. Даже обычная улыбка сползла с его пухлого лица.

А те, к кому пламенно взывал Куницын — подростки в синих мундирчиках, — они так и замерли, покоренные искренним пафосом обращенных к ним слов. Навсегда запомнились Александру Пушкину эти минуты: притихший зал, сверкающий золотом мундиров, и пылкая речь молодого Куницына.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей...

Речи окончились, и воспитанников стали вызывать по списку:

— Малиновский Иван...

— Мартынов Аркадий...

— Матюшкин Федор...

— Мясоедов Павел...

Сейчас его очередь. Пушкин весь подобрался. Почему-то противно екнуло и забилось сердце.

— Пушкин Александр!

А. И. Тургенев.
Акварель П. Соколова. 1816 г.

Он вышел — быстроглазый, курчавый, смуглый, — довольно ловко отвесил установленный поклон и с явным облегчением вернулся на место.

Церемония подходила к концу. Царь, как любезный хозяин, пригласил гостей осмотреть здание Лицея.

А «виновников торжества» повели в столовую, чего они уже давно с нетерпением ожидали.

Педагогов лицейских и петербургских угощал в одном из классов Василий Федорович Малиновский. Для «знатных персон» министр про-

свещения устроил особый «фрыштык». По словам И. И. Мартынова, «фрыштык» этот обошелся Разумовскому в баснословную сумму — одиннадцать тысяч рублей.

Вечером, когда гости уехали, мальчикам разрешили наконец снять парадные мундиры и выйти погулять.

Было уже темно, но вокруг здания Лицея ярко горели плошки, а на балконе сверкал разноцветными огнями вензель царя — огромная буква «А» с единицей. Иллюминацию устроили в честь торжества.

Забыв обо всем на свете, выбежали будущие «столпы отечества» (так назвал их в своей речи Куницын) на пустынную улицу. Со смехом и криками сражались они в снежки, радуясь зиме, свежевыпавшему снегу и временно обретенной столь милой им свободе.

Через несколько дней после открытия Лицея Александр Иванович Тургенев встретил на Невском своего знакомого Филиппа Филипповича Вигеля. Рассказывая ему о лицейском торжестве, перечисляя воспитанников, упомянул он и сына Сергея Львовича Пушкина, двенадцатилетнего Александра. Этот мальчик всех удивлял своим остроумием и живостью.

Открытие Лицея состоялось в четверг. С понедельника начались регулярные занятия, потекла обычная лицейская жизнь.

„Жизнь наша лицейская"

ушкин проснулся от резких ударов лицейского колокола: «Бум... Бум... Бум...» Он открыл глаза, выпростал из-под одеяла смуглую руку. Бр-р... как сегодня холодно. Печи внизу, верно, только затопили, и из остывшего за ночь душника веет не теплом, а холодным ветром. На дворе еще темно.

Дверь приоткрылась, выглянула заспанная физиономия дядьки Фомы.

— Вставайте, господин Пушкин, вставайте...

— Который час?

— Шесть.

Так изо дня в день: ровно в шесть часов резкий звук лицейского колокола и — «Вставайте, господин Пушкин, вставайте...»

Вставать не хотелось.

— Да вы никак заснули?

— Встаю, встаю...

Почему-то вдруг вспомнилось, как гувернер будил проспавшего

Матюшкина, а тот, не разобравшись спросонок, послал его к черту. Стало смешно, и сон пропал.

Пушкин сдернул ночной колпак и принялся одеваться. В дверь снова сунулся дядька Фома. Ему, как и другим дядькам, надлежало следить за воспитанниками, за исправностью их одежды, убирать их комнаты...

Пушкин оделся, умылся, расчесал роговым гребнем свои темно-русые курчавые волосы и вышел в коридор, где собирались воспитанники. Все построились парами — «порядком» — и пошли за гувернером в зал читать утреннюю молитву.

Распорядок дня в Лицее был твердый, раз и навсегда установленный. Вставали в шесть утра и шли на молитву. С семи до девяти занятия — «класс». В девять — чай. До десяти прогулка. С десяти до двенадцати опять «класс». От двенадцати до часу — прогулка. В час обед. От двух до трех чистописание или рисование. От трех до пяти другие уроки. В пять—чай. До шести прогулка, потом повторение уроков — «вспомогательный класс». В половине девятого ужин. После ужина до десяти — отдых (рекреация). В десять — вечерняя молитва и сон.

Утреннюю и вечернюю молитвы читали по очереди вслух. Над благонравным и богобоязненным Моденькой Корфом, который молился с усердием, смеялись. Дали ему прозвище «дьячок Мордан». В «национальных» лицейских песнях, которые сочиняли собравшись все вместе, о Корфе распевали:

Мордан дьячок
Псалма стишок
Горланит поросенком.

Уже на молитве хотелось есть, и нелегко было дождаться, когда пройдут два урока и поведут в столовую.

Лицейская столовая во втором этаже — большая светлая комната с окнами на обе стороны, как и актовый зал.

Так как кухня была устроена отдельно, во флигеле директорского дома, то кушания носили через переулок и доставляли в столовую по особой служебной лестнице, которая доходила лишь до второго этажа.

В столовой распоряжался буфетчик — «тафель-декер». Кушанья раздавал дежурный гувернер.

Из соображений экономии вся лицейская посуда была не фарфоровой, а фаянсовой. Правда, ложки, ножи и вилки купили из серебра: будущим «столпам отечества» не пристало есть суп деревянными или оловянными ложками.

Каждому воспитаннику к утреннему чаю полагалась целая кру-

пичатая булка, к вечернему — полбулки. В дни своих именин те из лицеистов, у кого водились деньги, договаривались с дядькой, Леонтием Кемерским, и он, вместо казенного чая, ставил для всех кофе или шоколад со столбушками сухарей.

В будни обед состоял из трех блюд, в праздник — из четырех. За ужином давали два блюда. Каждый понедельник в столовой вывешивалась «программа кушаней», и возле нее заключались договоры на обмен порциями. Жаркое меняли на пироги, печенку на рыбу, бланманже на что-нибудь более существенное.

Кормили хорошо, но бывало всякое. Недаром в лицейских песнях имелись куплеты:

Вот пирожки с капустой,
Позвольте доложить:
Они немножко гнилы,
Позвольте доложить.

Лучшие места за обеденным столом, ближе к гувернеру, раздающему еду, занимали отличившиеся по поведению и успехам.

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе, —

сказал по этому поводу Александр Пушкин.

Надзиратель и гувернеры внушали воспитанникам, что вести себя в столовой надлежит «благопристойно», как если бы они находились в большом светском обществе, разговаривать тихо и «благоприлично». Но завтраки, обеды и ужины проходили шумно, весело.

Обычно в столовой директор объявлял о новых распоряжениях. Стоило ему появиться, как все умолкали. Не потому, что боялись. Он никогда не кричал, не распекал их начальственно. Он ненавидел муштру и гордился тем, что Лицей единственное учебное заведение в Российской империи, где детей не секут. Василий Федорович старался сделать так, чтобы «воспитывающие и воспитуемые составляли одно сословие», чтобы воспитанники чувствовали в педагогах не начальников, а друзей. «У нас по крайней мере царствует с одной стороны свобода (а свобода дело золотое), — рассказывал в письме из Лицея своему приятелю Фуссу воспитанник Илличевский. — С начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся». Малиновского не боялись, а любили, уважали. Очень скоро поняли, что он человек особенный. Главное для него не чины, не деньги, не расположение начальства, а Лицей, воспитанники. Он стремился их вырастить нужными для России, для «общего дела», «для общей пользы».

Однажды (это было вскоре после начала их лицейской жизни) во время вечернего чая дверь в столовую отворилась и вошел директор.

— Господа, — сказал он своим тихим голосом, — есть распоряжение министра. До окончания курса ни один из воспитанников не имеет права выезжать из Лицея. Но родные по праздникам могут вас посещать.

Сперва они не поняли. А когда поняли...

«Иные дети чувствительно приняли, что их никогда ни в какую вакацию домой не пустят», — записал Малиновский в своем дневнике.

В тот вечер в столовой никто не смеялся.

Но долго не горевали. Горевать было некогда: занятия, еда, прогулки — и дня как не бывало.

Гуляли в сопровождении гувернера и дядьки три раза в день во всякую погоду.

Возле самого Лицея гулять было негде. Там, где позднее разбили лицейский садик, в те времена была церковная ограда и березовая роща. В ней — стоянка для карет. Поэтому гуляли и играли в старинном парке Большого дворца.

Вырвавшись на волю, мальчики отводили душу.

Пушкин был одним из самых подвижных и ловких. Свою начитанность, прекрасное знание французского языка и французской литературы, за что ему дали прозвище «француз», ценил не высоко. А вот ловкостью, умением прыгать, бросать мяч гордился. Ему больше нравилось его другое прозвище: «обезьяна с тигром».

Он писал об этих днях:

В те дни, как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткой,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор...

Когда французом называли
Меня задорные друзья,
Когда педанты предрекали,
Что ввек повесой буду я...

Летом гуляли много, зимой меньше. Возвращались с прогулки отдохнувшие, веселые. Когда проходили близ дворца, где жил царь, гувернер уговаривал, чтобы шли тихо, чинно. Но его мало слушали. «Воспитанники Корф, Данзас, Корнилов, Корсаков и Гурьев, — записано было в «Журнале поведения», — во время прогулки отставали от своих товарищей и, идучи мимо дворца, рассматривали пойманных бабочек и производили шум. Слова и увещания гувернера Ильи Степановича Пилецкого, чтобы они сохраняли тишину и наблюдали порядок, нимало не имели на них действия».

Одна из записей в этом Журнале гласила: «воспитанники Малиновский, Пущин и Илличевский оставлены без ужина за то, что во

И. И. Пущин.
Рисунок Пушкина. 1825 г.

время прогулки они ссорились с Пушкиным и под видом шутки толкали его и били прутом по спине».

Возможно, это была только шутка, а может быть, и ссора.

Пушкин не сразу сошелся с товарищами. Характер у него был неровный, настроение часто менялось. Он сам вспоминал, что бывал очень разный:

Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив. . .

Ум, добродушие, веселость уживались в нем с насмешливостью, обидчивостью, вспыльчивостью. . . «Иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. . . — рассказывал о Пушкине Пущин. — Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить».

Многим лицеистам казалось, что бесшабашному, острому на язык «французу» море по колено. И только умный, добрый Жанно Пущин,

его друг сердечный, знал, как волновали, огорчали и мучили Пушкина самые незначительные размолвки с товарищами.

Все это обсуждалось по вечерам, когда ложились спать. С одной стороны четырнадцатого номера, где спал Пушкин, была глухая стена, с другой, за тонкой перегородкой — комната Пущина.

По лицейским правилам полагалось, «заняв свою постель, прекратить разговоры». Но Пушкин и Пущин разговаривали допоздна. «Я... часто, когда все уже засыпали, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня, — вспоминал Пущин, — тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывает какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось».

О чем, о чем только не говорили они в эти ночные часы!..

Тускло горят ночники в арках длинного коридора четвертого этажа, мерно вышагивает взад и вперед дежурный дядька. Все давно заснули... Только в номерах четырнадцатом и тринадцатом слышится приглушенный шепот.

— Ты чудак, Александр. Они и думать забыли...

— Ты полагаешь, Жанно?

— Не полагаю — уверен.

— Ты счастливец, Жанно. Тебя все любят. А я... У меня несносный характер.

Дядька останавливается, прислушивается, качает головой.

— Нехорошо, господин Пушкин. Извольте, сударь, спать...

Он протяжно зевает, крестит рот и проходит дальше.

Слабо потрескивает масло в ночниках. Мерно вышагивает дядька. Из четырнадцатого и тринадцатого номеров доносится ровное дыхание. Уснули... Тихо...

Лицей уснул до следующего дня.

Классы

лассы, где учились воспитанники, занимали в третьем этаже четыре комнаты. Самая большая из них — физический класс — была в шесть окон, три из которых выходили на дворец, а три — в противоположную сторону. Стены физического класса окрашены были в бледно-зеленый цвет, потолок расписан фигурами. На возвышении стояла кафедра. Перед нею — столы и шесть полукруглых скамеек на пять мест каждая. К физическому классу

примыкал физический кабинет. В нем — шкафы с различными аппаратами и приборами, такими, как «превосходной работы электрическая машина», «искусственное ухо... такой же глаз», изготовленные лучшим петербургским механиком; астролябия, глобусы земной и небесный, готовальня и тому подобное.

За физическим кабинетом находились еще два класса. Они шутливо описаны в лицейском стихотворении:

На кафедре, над красными столами,
Вы кипу книг не видите ль, друзья?
Печально чуть скрипит огромная доска,
И карты грустно воют над стенами...

В классах, как и в столовой, воспитанников рассаживали по поведению и успехам.

Блажен муж, иже
Сидит к кафедре ближе;

Музей Лицей. Класс.
Фотография. 1974 г.

Как лексикон,
Растолстеет он. . . —

так говорилось об этом в «национальных» песнях.

Все шесть лет первым сидел Владимир Вольховский. Лицейское его прозвище было Суворочка. И не случайно. Невысокий, тщедушный, он обладал железным характером, несгибаемой волей, и этим внешне и внутренне походил на Суворова. Вольховский решил стать военным и всячески закалял себя для будущих тягот. Чтобы больше успеть, он мало спал. Тренируя волю, по неделям отказывался от мяса, пирожного, чаю. Чтобы стать сильнее, взваливал себе на плечи толстенные тома словаря Гейма. Вырабатывая правильную посадку при верховой езде, готовил уроки сидя верхом на стуле. За все это и получил он свое прозвище Суворочка.

В. Д. Вольховский — лицеист.
Акварель неизвестного художника.

Лицеисты любили и уважали Вольховского. Кюхельбекер говорил, что в Лицее «почти одного его и слушал».

И Пушкину нравился этот маленький спартанец.

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой [1],
Пускай опять Вольховский сядет первый,
Последним я, иль Брольо, иль Данзас.

Последним в классе Пушкин никогда не сидел. Это поэтическое преувеличение. А Брольо и Данзас действительно сидели. Но места, занимаемые в классе, далеко не всегда соответствовали подлинному развитию, а тем более талантам воспитанников. Место Пушкина было ближе к последним. Между тем Иван Пущин рассказывал: «Мы все видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы не слыхали, все, что читал, помнил; но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказывать и важничать. . .»

---

[1] «Мысль о величайшем благоразумии, в баснословии древних, превратилась в лицо и в божество, которое греки назвали Афиною и Палладою, а римляне Минервою. . . Греки приписывали сей богине изобретение бесчисленных Искусств и Наук». *(Кошанский.)*

Учились лицеисты по-разному. Способности их и подготовка были также различны. Одни перешли в Лицей из Московского университетского пансиона, другие — из Санкт-Петербургской гимназии, третьи — из частных пансионов, а четвертые приехали прямо из дому.

Такие, как Вольховский, Пущин, Матюшкин, Кюхельбекер — способные и трудолюбивые, учились прекрасно, овладевали знаниями, мечтали о «высокой цели» в своей дальнейшей жизни. Других, как Горчакова, Ломоносова, Корфа, побуждало учиться честолюбие. Они

Лицеисты за приготовлением уроков.
Деталь литографии П. Иванова по рисунку В. Лангера.

мечтали о чинах и успехах, о служебной карьере. Чего только не делал заносчивый князь Горчаков, чтобы затмить Вольховского, занять первое место! Лицеист Илличевский писал своему приятелю Фуссу, который знал и Горчакова: «Горчаков благодарит тебя за поклон и хотел было писать, да ему некогда. Поверишь ли? Этот человек учится с утра до вечера, чтобы быть первым учеником».

Пушкина подобное честолюбие только смешило. Неспособный и ленивый, по отзывам педагогов, Антон Дельвиг был ему куда больше по сердцу, чем блестящий Горчаков.

В классах Пушкин и его товарищи изучали предметы, предусмотренные учебной программой.

Учебная программа, как и Устав Лицея, были выработаны не сразу и не одним лицом.

Устав... Он представлялся воспитанникам той роскошной книгой, которую они видели на торжественном открытии Лицея. Они и не подозревали, что было до того, как двенадцать страниц Устава переплели в глазетовый переплет!

Первый проект Лицея принадлежал М. М. Сперанскому. В начале своего царствования Александр I был не прочь на досуге потолковать о «свободах», которые он, возможно, дарует верноподданным. И вот, надеясь на «свободы», обещанные царем, в числе других проектов Сперанский разработал и проект «особенного Лицея», который готовил бы деятелей для обновленной России.

Ф. Ф. Матюшкин — лицеист.
Акварель неизвестного художника.

А. М. Горчаков — лицеист.
Акварель неизвестного художника.

М.М. Сперанский.
Гравюра Т. Райта с портрета работы Д. Доу.

Когда проект Лицея попал к министру просвещения Разумовскому, тот вознегодовал. Он ненавидел Сперанского и все его идеи. Особенно возмущало его то, что, по проекту, в Лицее должны были обучаться не только дворяне, но и «молодые люди разных состояний».

Разумовский начал действовать.

В те годы в Петербурге на российских хлебах проживал посланник низложенного сардинского короля, некто Жозеф де Местр. Человек весьма образованный, но иезуит и мракобес, он презирал приютившую его страну и имел наглость сомневаться, «созданы ли русские для науки». И вот ему-то на рассмотрение отдал Разумовский проект Лицея.

Понятно, что де Местру проект Сперанского не понравился. Он разругал его и заявил, что вообще наука в России «будет не только бесполезна, но даже опасна для государства».

Разумовский поспешил доложить об этом царю.

Царь отнюдь не собирался обучать в Лицее «молодых людей разных состояний». Но идея «особенного Лицея» для избранных ему нравилась. Он подумывал отдать туда и своих младших братьев.

После длительных рассмотрений проект Лицея попал наконец к И. И. Мартынову — директору департамента народного просвещения. И Мартынов, человек не чуждый передовых идей, сумел сохранить многое из того, что замыслил Сперанский.

Лицей был открыт. И как только его открыли, придворные подхалимы не замедлили приписать все заслуги царю. Мол, Лицей не что иное, как «собственное творение императора». «Училище сие образовано и Устав его написан мною, хотя и присвоили себе работу сию другие», — жаловался Сперанский в частном письме.

Хотя в правах и преимуществах Лицей был приравнен к российским университетам, он не походил на университет.

В университетах науки преподавались во всей их обширности взрослым, знающим людям, чтобы они в своей области «дошли до совершенства». В Лицее же «детей благородных родителей» готовили к особенной цели и преподавали им «главные основания» многих наук. Будущие государственные деятели должны были приобрести различные сведения, которые могли им понадобиться в дальнейшем. Поэтому программа Лицея была обширной и пестрой, включала множество предметов. Изучали языки — русский, латинский, французский, немецкий, риторику (теория красноречия), словесность (литературу), русскую и мировую историю, в большом количестве «нравственные науки», географию, статистику, науки математические и физические, «изящные искусства и гимнастические упражнения», то есть чистописание, рисование, пение, танцевание, фехтование, верховую езду и плавание.

Учились в классах по семи часов в день с большими перерывами. Уроки обычно бывали сдвоенные: один и тот же преподаватель занимался с воспитанниками два часа подряд.

Фехтованию и танцам обучались два раза в неделю — в среду и пятницу по вечерам.

Расписание в году почти не менялось.

Обучение в Лицее делилось на два курса. Первый назывался начальным, второй — окончательным. На каждом учились в течение трех лет. При переходе с курса на курс проводился публичный экзамен.

Александр Пушкин проходил вместе с товарищами начальный курс с октября 1811 года до января 1815 года; окончательный — с января 1815 года до июня 1817 года.

Наставники

Занятия по всем предметам вели в Лицее профессора, адъюнкты (помощники профессоров) и учителя.

Политические и «нравственные» науки преподавал Александр Петрович Куницын, российскую словесность и латинский язык — Николай Федорович Кошанский, историю и географию — Иван Кузьмич Кайданов, французский язык и словесность — Давид Иванович де Будри, немецкий язык и словесность — Фридрих Леопольд Август Гауэншильд, математику и физику — Яков Иванович Карцев.

Кроме Давида Ивановича де Будри, все лицейские профессора были людьми молодыми, не достигшими еще тридцатилетнего возраста. Но образование получили они основательное.

Лицейские профессора ищут милости у министра просвещения Разумовского. *Карикатура А. Илличевского.*

Трое — Куницын, Кайданов и Карцев — окончили Петербургский педагогический институт и, как особо отличившиеся, посланы были для усовершенствования за границу. Там, в Геттингене, Иене, Париже, слушали они лекции европейских знаменитостей.

Когда возвратились в Россию, зачислили их профессорами в Царскосельский Лицей.

Первый биограф Пушкина, Павел Васильевич Анненков, писал о Куницыне, Кайданове, Карцеве и Кошанском: «Можно сказать без всякого преувеличения, что все эти лица должны были считаться передовыми людьми эпохи на учебном поприще. Ни за ними, ни около них мы не видим, в 1811 году, ни одного русского имени, которое бы имело более прав на звание образцового преподавателя, чем эти, тогда еще молодые имена».

Русские педагоги, а не иностранцы преподавали в Лицее главные науки. Это было новшество, и новшество немалое.

«Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына», — рассказывал Пущин.

Александр Петрович Куницын был самым выдающимся и талантливым из лицейских профессоров. Умный, красноречивый, образованный, он держался независимо. Как-то воспитанник Илличевский нарисовал карикатуру: лицейские профессора ищут милости у графа Разумовского. Нарисован здесь и Куницын. Он стоит в стороне, повернулся к министру спиной и смотрит не на него, а в противоположную сторону.

На протяжении шести лет Куницын преподавал в Лицее те науки, из которых воспитанники узнавали о «должностях» (то есть обязанностях) человека и гражданина. Это были логика, психология, нравственность, право естественное частное, право естественное публичное, право народное, право гражданское русское, право публичное русское, право римское, финансы.

Куницын не случайно преподавал так много «прав», то есть юридических наук. Ведь чтобы перестраивать Россию, изменять законы, будущие государственные деятели должны были эти законы знать.

Курс «нравственных наук» начинался с логики.

Двенадцатилетний Александр Пушкин логику не жаловал. Ему казались смешными и странными все эти силлогизмы, фигуры, модусы.

— Я логики, право, не понимаю, — заявлял он товарищам.

Он не слишком старался, но учился успешно.

«Хорошие успехи. Не прилежен. Весьма понятен» — так записал в ведомости об успехах Пушкина по логике профессор Куницын.

Логику сменили другие «нравственные науки».

Живо, образно, со множеством примеров рассказывал молодой профессор о том, что такое человеческое общество, о разных формах

правления, об обязанностях правителей и правительств, о решающей роли народа в выборе образа правления и установлении законов.

Большинство воспитанников записывало лекции. «Первому писцу лицейскому» —Горчакову—товарищи подбрасывали насмешливые записочки: «О суета сует и всяческая суета, — о, когда выпадает перо из рук твоих, первый писец лицейский! — Глаза потеряешь, увы! тогда что будет с тобой!»

Пушкин мало что записывал. Он наделен был удивительной памятью, сообразительностью, понятливостью. С виду рассеянный и невнимательный, он усваивал из лекций гораздо больше тех, кто неутомимо строчил и строчил.

Куницын рассказывал, Пушкин слушал.

— Люди, вступая в общество, — говорил Куницын, — желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты.

Пушкин понимал — речь идет не о людях вообще, а в первую очередь о крепостных крестьянах, о тех, кто обречен в России на нищету и рабство.

Куницын «на кафедре беспрепятственно говорил против рабства и за свободу. . .»

Многое понял Пушкин из лекций Куницына. Потому с таким восторгом вспоминал он его:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена. . .

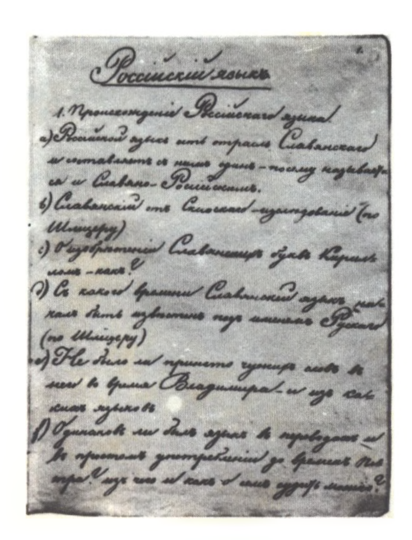
Профессора Кошанского, который преподавал российскую словесность и латинский язык, Пушкин не вспоминал столь восторженно, хотя это был и неплохой педагог. Несмотря на свою молодость (в 1811 году Кошанскому исполнилось двадцать шесть лет), он до Лицея преподавал уже в Москве в университетском Благородном пансионе. Был он широко образован, знал не только древние, но и новые языки, имел ученую степень доктора философии и свободных искусств. Не ограничиваясь преподаванием, он сотрудничал в журналах, печатая статьи, переводы, свои стихи. Издал несколько учебников и прекрасную хрестоматию «Цветы греческой поэзии». Уже служа в Лицее, написал латинскую грамматику, перевел и напечатал огромную «Ручную книгу древней классической словесности», басни Федра [1], сочинения Корнелия Непота [2]; всем этим пользовались его ученики.

Страстно любил Кошанский античный мир и знал его как мало

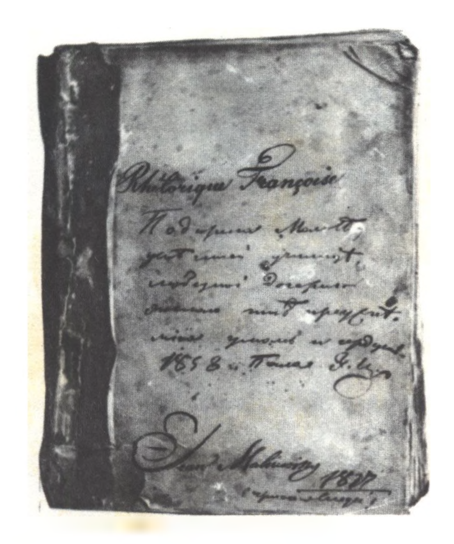
---

[1] Федр — древнегреческий баснописец.

[2] Непот — древнеримский историк и писатель.

Россійскій языкъ

Rhétorique Françoise

Тетради А. М. Горчакова и И. В. Малиновского с записями лекций по русскому языку и словесности профессора Н. Ф. Кошанского и французской риторике профессора Д. И. Будри.

кто в тогдашней России. Увлекательно рассказывал он на своих уроках о республиках Греции и Рима. Там при образе правления республиканском и вольном процветали науки, искусства, литература.

Величавые сказания Гомера, великолепные оды Горация, грозное красноречие Цицерона и Демосфена, блестящее остроумие Апулея, гражданские добродетели героев древности, приключения богов и богинь, населявших Олимп... Даже Дельвиг не дремал, а жадно слушал. Пушкин схватывал все и все запоминал.

Так бывало, если Кошанский говорил о римлянах и эллинах...

На уроках российской словесности бывало по-иному. Когда изучали отрывки из «образцовых писателей» — читали и разбирали оды Ломоносова и Державина, басни Хемницера и Дмитриева, — обнаружилось, что в русской литературе профессору Кошанскому нравится то, что уже отжило свой век, — высокопарность, витиеватость, трескучесть, то, над чем дома у Пушкиных откровенно потешались.

Пушкин посмеивался над старомодным вкусом профессора, но учился неплохо. В первый год учения Кошанский записал о нем: «Успехи его в латинском хороши; в русском не столько тверды, сколько блистательны».

В мае 1814 года Кошанский тяжело заболел, и его целый год

заменял молодой талантливый профессор Петербургского педагогического института Александр Иванович Галич. Он сразу полюбился Пушкину и другим лицеистам. Стоило ему появиться, как по всему Лицею слышалось:

— Галич приехал!

И в комнату первого этажа для приезжих профессоров набивалось полно народу.

Галич учил не по-школьному. Лекции его превращались в оживленные, шумные беседы. Читали стихи, задавали вопросы, спорили о литературе и об искусстве. И лишь только тогда, когда ожидалось начальство, Галич извлекал откуда-то Корнелия Непота и говорил своим юным слушателям:

— Ну, господа, теперь потреплем старика.

И они принимались переводить с латинского.

Пушкин видел в Галиче не «начальника», а доброго, умного друга. Когда Галич ушел из Лицея, Пушкину не хватало его. Он звал его обратно в Царское Село:

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.
Беги, беги столицы,
О Галич мой, сюда! . .
И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.

С интересом занимался Пушкин русской и всемирной историей и географией у добродушного украинца — профессора Ивана Кузьмича Кайданова. Однокашник Куницына по Педагогическому институту, Кайданов звезд с неба не хватал, но предмет свой знал и любил.

От него много нового услышал Пушкин о вещем Олеге, погибшем «от ужаления змея», о «ненасытном честолюбце» —царе Борисе Годунове, о деяниях великого преобразователя России — Петра I.

Политические взгляды профессора Кайданова были очень умеренными. Но в те годы вся Россия мечтала о свободах, ждала конституцию, которая ограничила бы гнет царской власти, и Кайданов в своих лекциях с сочувствием рассказывал о странах, где власть находится в руках сената или сейма.

Парламент, выборы депутатов, стремление народа к свободе... Воспитанники слышали об этом и от Куницына, и от Малиновского. Василий Федорович долго служил в русском посольстве в Англии. Он рассказывал, что там даже сам король подчиняется парламенту. И в

И. К. Кайданов.
Гравюра И. Фридрица с акварельного портрета его же работы.

Лицее появилась новая игра. Играли в парламент: произносили речи, спорили, решали вопросы государственной важности...

Лекции Кайданова обычно слушали с интересом. Но если шумели, болтали, добродушный профессор сердился. Тогда шли в ход «животины» — любимое бранное словцо Кайданова, которое попало и в «национальные» песни:

Потише, животины!
Да долго ль говорю?
Потише — Борнгольм, Борнгольм,
Еще раз повторю.

С хорошими учениками Кайданов был вежлив, лентяев немилосердно бранил. «Ржевский господин, животина господин, скотина гос-

подин!» — в сердцах восклицал он со своим своеобразным выговором. Вообще, обращаясь к воспитанникам, он слово «господин» почему-то ставил после фамилии: «Пушкин господин», «Вольховский господин».

Об успехах Пушкина на младшем курсе Кайданов записал: «Более дарования, нежели прилежания. Успехи довольно хороши». И еще: «При малом прилежании оказывает очень хорошие успехи, и сие должно приписать одним только прекрасным его дарованиям».

Лучшие отметки Пушкин получал по российской и по французской словесности. Французскую литературу знал он чуть ли не с пеленок и теперь охотно занимался ею у Давида Ивановича де Будри.

Уже в первый год учения профессор де Будри высоко оценил воспитанника Пушкина: «Считается между первыми во французском классе. Весьма прилежен. Одарен понятливостию и проницанием».

Заслужить подобную оценку у Будри было не так-то просто. Этот маленький старичок с выдающимся брюшком, в старомодном парике и засаленном жилете был прекрасным педагогом — строгим, дельным, знающим. Он умел приохотить к своему предмету, умел и требовать. Из года в год он учил своих питомцев не только говорить и писать по-французски, но и правильно мыслить, четко, логично излагать свои мысли. И добился многого. Его уважали, побаивались, на его уроках занимались.

Пушкина этот забавный с виду старичок интересовал чрезвычайно. Еще бы! Ведь настоящая фамилия Давида Ивановича была вовсе не Будри. «Де Будри» он стал именоваться по указу императрицы Екатерины II. А до этого звался он Давидом Маратом. Он доводился младшим братом знаменитому «другу народа» Жану Полю Марату, тому «ужасному якобинцу», имя которого приводило в трепет французскую и российскую знать.

Пушкину особенно нравилось, что Давид Иванович и не думал

17. Александръ Пушкинъ. При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго.

Характеристика Пушкина, написанная профессором И. К. Кайдановым в 1812 году. *Автограф.*

Учебные книги, составленные профессорами Н. Ф. Кошанским, И. К. Кайдановым, Д. И. Будри; по этим книгам учились лицеисты.

скрывать своего опасного родства. Напротив, гордился им. Он рассказывал лицеистам о французской революции, ее вождях. «он очень уважал память своего брата. . . — вспоминал позднее Пушкин, — сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам».

Интересно, что на карикатуре Илличевского, изображающей лицейских профессоров, ищущих милости у министра, Будри, как и Куницын, стоит в стороне, и Куницын обнимает его дружески за плечи.

А вот нарисованный на этой же карикатуре лицейский профессор

немецкого языка Фридрих Гауэншильд, или Фридрих Матвеевич, как называли его по-русски, не стоит в стороне, а опрометью несется прямо к Разумовскому. Скользкая наклонная доска для него не помеха. Видно, — он добежит и добьется своего.

Так и было в действительности.

Немец из Австрии, Фридрих Гауэншильд оказался среди преподавателей Лицея по желанию Разумовского. Но профессора из Вены привело в Петербург не благое намерение просвещать российское юношество. Для этого существовали иные причины. Гауэншильд состоял тайным осведомителем самого австрийского канцлера — князя Меттерниха. Попросту говоря, он был австрийским шпионом.

Приехав в Петербург, он огляделся и, чтобы заручиться поддержкой в незнакомой ему стране, перевел на немецкий язык несколько статей зятя Разумовского, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа — С. С. Уварова. Уваров и помог ему определиться в Лицей.

Для агента Меттерниха служба в Лицее имела то преимущество, что он постоянно находился вблизи императорского двора.

Педагогом Гауэншильд был никудышным. Говорил по-русски плохо и читал свои лекции по немецкой словесности на... французском языке. Результаты его деятельности не замедлили сказаться. «При всей остроте и памяти нимало не успевает», — так аттестовал Гауэншильд Александра Пушкина.

По вине Гауэншильда лицеисты не любили и неохотно изучали немецкий язык. Да и самого профессора они с трудом выносили. Заносчивый, скрытный и хитрый «австриец», подобострастный с начальством и грубый с воспитанниками, был им ненавистен, и чуть не в лицо ему безо всякого секрета распевали «национальную» песню, сложенную о нем:

В лицейском зале тишина,
Диковинка меж нами;
Друзья, к нам лезет сатана
С лакрицей [1] за зубами.
Друзья, сберемтеся гурьбой,
Дружнее в руки палку,
Лакрицу сплюснем за щекой,
Дадим австрийцу свалку.

Без большой охоты занимались лицеисты в классе профессора математических и физических наук Якова Ивановича Карцева.

Вначале дело кое-как шло. Решали задачи, учили формулы. Но скоро и этого не стало. Яков Иванович сердился, уговаривал, жало-

---

[1] Лакрица — солодовый корень, приторно сладкое «аптечное» лакомство. У Гауэншильда была привычка жевать лакрицу.

вался и, наконец махнув рукой, стал учить одного лишь Вольховского. Остальные же в математическом классе готовили другие уроки, читали романы, сочиняли стихи, занимались чем угодно, только не математикой.

Какие ж вы ленивцы!
Ну, на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховский,
Вы ересь понесли.
А что читает Пушкин?
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи.

В течение шести лет изо дня в день, кроме июля (июль был каникулярным месяцем), изучал Пушкин «главные основания» многих наук.

И хотя далеко не по всем предметам он учился хорошо и далеко не все профессора хорошо его учили, главное было в том, что в основе лицейского «способа учения» лежало прекрасное правило: «не затемнять ум детей пространными изъяснениями, но возбуждать его собственное действие». Их учили думать — думать самостоятельно, независимо и свободно. В этом и было главное. А если на многие вопросы не получали они ответов в лекциях своих профессоров, то искали ответы в книгах, у других наставников — «любимых творцов».

„Любимые творцы“

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.

часы досуга лицеисты много времени отдавали чтению. «Летом досуг проводим в прогулке, зимою в чтении книг», — рассказывал в письме из Лицея воспитанник Илличевский.

Пушкин с раннего детства любил читать. Он был самым начитанным из всех лицеистов. Пожалуй, один только Виля Кюхельбекер мог соперничать с ним.

«Пушкин (Александр), 13-ти лет... Читав множество французских книг, но без выбора, приличного его возрасту, наполнил он

память свою многими удачными местами известных авторов; довольно начитан и в русской словесности, знает много басен и стишков», — так характеризовал Пушкина инспектор Пилецкий.

В свободные от занятий часы Пушкин подолгу засиживался в лицейской библиотеке.

Библиотека размещалась в третьем этаже, в арке, соединяющей актовый зал Лицея с хорами дворцовой церкви.

Музей Лицей. Библиотека.
Фотография. 1974 г.

В этом узком, длинном, напоминающем светлый коридор помещении все было официально парадным. Стены выкрашены в голубоватый цвет, потолок расписан гирляндами, дубовый паркет навощен до зеркального блеска. На всех пяти окнах, обращенных в одну сторону, на Садовую улицу, — портьеры и шторы. Лицейские служители убирали в библиотеке с особенной тщательностью, ведь именно здесь мог пройти император, если бы ему вздумалось посетить Лицей.

Для читателей в библиотеке стояли ломберные столики и крашеные стулья с кожаными сиденьями. Книжное богатство хранилось в шести большущих шкафах, вытянувшихся вдоль стены напротив окон.

Днем в библиотеке бывало очень светло, вечерами, особенно зимой, темновато. Две висящие на стенах масляные лампы да несколько свечей давали мало света. Но это не отпугивало Пушкина. Пристроившись поближе к какой-нибудь из ламп, в своей любимой позе, поджав под себя одну ногу и подперев рукой голову, Пушкин читал.

Читая, забывал он про все на свете. Выражение лица его постоянно менялось. То он хмурился, надув толстоватые губы, то чему-то улыбался, то, запрокинув голову, обнажив белоснежные зубы, начинал хохотать. Хохотал так самозабвенно и звонко, что сидевшие в библиотеке другие лицеисты не выдерживали и тоже вдруг ни с того ни с сего принимались смеяться.

Что читал он здесь? Вольтера, Державина, Дмитриева, пятитомное собрание лучших русских стихотворений, изданное Жуковским, и многое-многое другое...

Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут...
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекший в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,

Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя...
Воспитаны Амуром
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок.)
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин.

Они стояли здесь рядышком на широких полках — его «любимые творцы» — писатели русские и иностранные. Они мирно уживались с толстенным словарем Гейма, французской грамматикой, написанной Будри, «Основанием всеобщей истории» Кайданова, «Ручной книгой древней классической словесности», изданной Кошанским, другими учебными руководствами, а также с журналами, иностранными и русскими. Малиновский выписывал их в большом количестве для лицейской библиотеки.

«Достигают ли нашего уединения вновь выходящие книги? спрашиваешь ты меня; можешь ли в этом сомневаться?» — писал своему приятелю в Петербург Илличевский. И, очевидно повторяя слова своих наставников, продолжал: «...Чтение питает душу, образует разум, развивает способности; по сей причине мы стараемся иметь все журналы — и впрямь получаем: Пантеон, Вестник Европы, Русской Вестник и пр. Так, мой друг, и мы также хотим наслаждаться светлым днем нашей литературы, удивляться цветущим гениям Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнедича. Но не худо иногда подымать завесу протекших времен, заглядывать в книги отцов отечественной поэзии, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитриева... Не худо иногда вопрошать певцов иноземных (у них учились предки наши), беседовать с умами Расина, Вольтера, Делиля...»

Они читали книги не только для развлечения. Пушкин и некоторые из его товарищей искали у «любимых творцов» объяснения того, что видели, решения очень важных для них вопросов.

Каковы они были, эти важные вопросы, можно судить по «Словарю» Кюхельбекера, который Пушкин называл «наш словарь». Из прочитанных книг Кюхельбекер делал выписки и самое интересное распределял в алфавитном порядке. В его «Словаре» были и «Образ правления», и «Обязанности гражданина-писателя», и «Свобода граж-

данская», и «Петр Великий», и «Сила и свобода», и так далее и тому подобное.

Он выписывал из сочинений Шиллера, Лессинга, Вольтера, Сенеки, Эпикура, Саади, Батюшкова, Ф. Глинки и даже дяди Пушкина — Василия Львовича. Но особенно много—из Руссо и Вейса. Книгу швейцарского политического деятеля Вейса, примкнувшего к французской революции, «Принципы философии, политики и нравственности» Кюхельбекер особенно любил.

Пушкин и Кюхельбекер дольше других задерживались в лицейской библиотеке.

Бывало, кончив читать, Пушкин не сразу уходил, а становился у окна и смотрел на убегающую далеко, к самому горизонту, прямую, как стрела, Садовую улицу. За окном шла обычная жизнь «казенного городка» — Царского Села. Шагали сменившиеся с караула солдаты. Из соседней Знаменской церкви, где отошла всенощная, расходились богомольцы. Почему-то в такие минуты вспоминалась родная Москва. Как-то там теперь? Что делают в этот час бабушка Мария Алексеевна, сестра Ольга, няня Арина?

Резкий звук лицейского колокола прерывал его мысли. Скоро спать. Он оглядывался. Библиотека опустела. Все уже разошлись. Один только Кюхля склонился над столом и уткнулся носом в толстенный фолиант. Что он делает? Верно, выискивает что-нибудь интересное для своего «Словаря». Так и есть. Выписывает из Вейса, на букву «р» — «рабство».

Что же такое рабство?

«Несчастный народ, находящийся под ярмом деспотизма, должен помнить, если хочет расторгнуть узы свои, что тирания похожа на ярмо, которое суживается сопротивлением. Нет середины: или терпи, как держат тебя на веревке, или борись, но с твердым намерением разорвать петлю или удавиться. Редко, чтобы умеренные усилия не были пагубны».

«Разорвать петлю или удавиться. . .» Занятно.

Пушкин на секунду задумывается. Затем кричит Кюхле:

— Не засни над Вейсом, Виленька!

Перепрыгивает через стул и убегает из библиотеки.

Спустя несколько минут он лежит уже в постели.

«Разорвать петлю или удавиться. . .» Молодец Кюхельбекер! Надо будет повнимательней почитать его словарь.

Перед тем как заснуть, Пушкин шарит под подушкой: Вольтер здесь? Здесь. Завтра до классов можно почитать.

Он сворачивается калачиком и моментально засыпает.

„Гроза двенадцатого года настала“

сли бы стены Лицея умели говорить, сколько интересного порассказали бы они...

Одну из самых волнующих историй рассказала бы, конечно, так называемая Газетная комната.

Бывало, набегавшись в зале, посидев в библиотеке, или сразу после классов, Пушкин заходил в Газетную комнату. Проходил через актовый зал, быстрой рукой откидывал тяжелую суконную занавесь на одной из арок и оказывался в Газетной.

В небольшой этой комнате, со стенами, расписанными под зеленый мрамор, стоял посредине круглый стол. На нем свежие газеты, журналы: «Вестник Европы», «Друг юношества», «Московские ведомости»,

Музей Лицей. Газетная комната.
Фотография. 1974 г.

«Северная почта», «Санкт-Петербургские ведомости», журналы немецкие, французские...

Пушкин пересматривал все, перелистывал страницы, разглядывал картинки.

Политические известия, статьи, стихи, моды... Множество самых разнообразных и интересных вещей.

Наступил уже 1812 год, и политические известия с каждым днем становились все тревожней. Тревога носилась в воздухе. Все — от императора всероссийского Александра Павловича до лицейских дядек — толковали о войне, о неминуемом нападении на Россию Бонапарта.

«Мы здесь постоянно настороже, — писал из Петербурга своей сестре император Александр, — все обстоятельства такие острые, все так натянуто, что военные действия могут начаться с минуты на минуту».

Обстоятельства действительно были острыми. Войска Наполеона неуклонно приближались к Неману и границам России. Поработитель Европы Наполеон Бонапарт задумал новый поход.

Война не была еще объявлена, а части русской армии двинулись навстречу врагу.

Однажды мглистым февральским утром лицеисты увидели: мимо самого Лицея по Садовой улице бесконечной темной лентой движется лейб-гвардии Гусарский полк. За ним двинулись и другие.

И вот то, чего ожидали с волнением и тревогой, свершилось. Семнадцатого июня в Петербурге и в Царском Селе узнали: Бонапарт с полумиллионной армией перешел Неман и вторгся в Россию.

Отечественная война началась.

Через Царское Село шли полки: драгуны, гусары, конные, пешие, отряды ополченцев с крестами на шапках, бородатые казаки с пиками... Они шли и шли, и подростки в синих мундирчиках выбегали им навстречу из здания Лицея.

— Прощайте, братцы!

— Побейте супостатов!

— Возвращайтесь с победой!

И в ответ слышалось:

— Небось, не оплошаем! Не положим на руку охулки! Только бы дойти до них!

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Что-то новое, необычайно значительное вошло в их жизнь.

«Жизнь наша лицейская, — вспоминал Иван Пущин, — слива-

ИЗВѢСТІЯ

О военныхъ дѣйствіяхъ изъ главной квартиры въ мѣстечкѣ Иказна отъ 25 Іюня 1812 года.

Нынѣшній день армія вступила въ слѣдующія мѣста:

Корпусъ Графа Витгенштейна въ Брасловъ.

Второй и третій Корпусы въ Дедину.

Четвертый въ Навлоки.

Пятый въ Милоши.

Шестый въ Норагроды.

Съ 21, движенія непріятеля усилились, что было поводомъ къ нѣкоторымъ ошибкамъ. Генералъ-Маіоръ Корфъ, командовавшій Арріергардомъ соединенныхъ втораго и третьяго корпусовъ отразилъ всѣ нападенія, дѣланныя на пути въ Дисну. Благоразумными распоряженіями онъ успѣлъ остановить непріятеля, не смотря на его превосходство въ семъ мѣстѣ Кавалеріи; и конная артиллерія подъ командою Генералъ-Маіора Графа Кутайсова принудила его отступить съ потерею. Мы взяли въ плѣнъ Подполковника Виртенбергской службы Принца Гогенлое-Кирхберга и тридцать рядовыхъ. Главнокомандующій отдаетъ похвалу Генералъ-Маіорамъ Корфу и Графу Кутайсову, равномѣрно храбрости, которую оказали въ семъ дѣлѣ Лейбъ-Козаки и Польскій Уланскій полкъ.

Генералъ-Лейтенантъ Графъ Шуваловъ по приключившейся жестокой болѣзни принужденъ оставить командованіе своимъ Корпусомъ. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше соизволилъ ввѣрить оный Генералъ-Лейтенанту Графу Остерману-Толстому, при Особѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА находившемуся.

Известие о военных действиях (реляция)
от 25 июня 1812 г.

ется с политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве».

Все внезапно переменилось. Казалось, рухнули крепкие лицейские стены, ограждавшие от жизни, и открылась им Россия — необъятная, огромная, ее города и села, ее бесконечные дороги, затерянные среди полей и дремучих лесов. И они, эти мальчики, вдруг почувствовали: они вместе со всеми, они тоже русские. Это на них ведет Бонапарт свои войска.

С первых же дней войны Газетная комната никогда не пустовала. Каждую свободную минуту проводили здесь.

— Есть реляция?

— Есть!

— Где?

— В «Северной почте».

— Читайте, читайте!

Кто-нибудь читал, а остальные, окружив его плотным кольцом, затаив дыхание слушали.

«. . . Генерал от кавалерии Тормасов, от 16 июля из города Кобрина доносит: «Имею щастие всеподданнейше поздравить Ваше императорское Величество с совершенным разбитием и забранием в плен, сего июля 15 числа, всего отряда Саксонских войск, занимавших город Кобрин, и с большим упорством девять часов оборонявших оный. Трофеи сей победы суть: четыре знамя, восемь пушек и большое число разного оружия; в плен взяты: командующий отрядом Генерал-майор Клингель, полковников 3, штаб-офицеров 6, офицеров 57, унтер-офицеров и рядовых 2234, убитых на месте более тысячи человек; потеря же с нашей стороны не весьма значительна».

Это было первое известие о победе русской армии.

По воскресеньям реляции — официальные известия из армии — привозили родные из Петербурга. Все собирались в зале, и профессор Кошанский читал эти сообщения о ходе военных действий с таким воодушевлением и пафосом, будто декламировал оды Горация или сатиры Ювенала.

Вечерами в лицейском зале играли в войну. Командовал войсками «генерал от инфантерии» Алексей Илличевский.

Подвиг генерала Н. Н. Раевского.
Гравюра Г. Карделли. 1812 г.

Однажды, зайдя в Газетную, Пушкин услышал, как Кюхельбекер о чем-то с жаром рассказывает Вольховскому.

— Ты о чем это, Виля? — поинтересовался Пушкин.

— О Раевском, Александр. Когда французы рвались к Могилеву, в разгар жестокого боя, генерал Раевский взял за руки двух юных сыновей своих и пошел с ними вперед... На батарею неприятеля. Он крикнул солдатам: «Вперед, ребята! Я и дети мои укажем вам дорогу». И батарея была взята. Понимаете, взята! Маменька мне сказывала, что дети Раевского не старше нас с вами. Они в бою, а мы-то здесь...— И Кюхля безнадежно махнул рукой.

Он не зря волновался. Шел уже июль, второй военный месяц, а русские армии все отступали да отступали. Кругом слышались толки: во всем виноват главнокомандующий генерал Барклай де Толли, он боится решительного сражения и велит отступать. Может быть, он трус, а может, и похуже — предатель. Лицеисты так и думали. Кюхельбекер откровенно писал об этом матери.

Тогда не только лицеисты не понимали Барклая, его осторожную, умную тактику. Неудовольствие было всеобщим, и в начале августа пост главнокомандующего занял ученик и соратник Суворова, почитаемый всеми престарелый Михаил Илларионович Кутузов.

Царь не любил Кутузова, мучительно завидовал его таланту полководца. Александру I очень хотелось, подобно Наполеону, самому руководить армией, но он был бездарен и под давлением общественного мнения вынужден был назначить именно Кутузова.

Тридцать первого августа лицеисты прочитали в «Северной почте» донесение Кутузова о героическом и кровопролитном Бородинском сражении.

Вскоре узнали и другое: чтобы сохранить русскую армию, Кутузов приказал оставить Москву. «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, — сказал он, — до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия».

Москва сдана... Многие лицеисты, узнав об этом, плакали.

Вечером того дня Дельвиг отозвал в сторону Пушкина и Кюхельбекера, протянул им исписанный листок и сказал:

— Вот что я написал...

На листке было выведено: «Русская песня».

Дальше шли стихи:

Как разнесся слух по Петрополю,
Слух прискорбнейший россиянину,
Что во матушку Москву каменну
Взошли варвары иноземныи.
То услышавши отставной сержант
Подозвал к себе сына милого,

Отдавал ему свой булатный меч
И, обняв его, говорил тогда:
«Вот, любезный сын, сабля острая,
Неприятелей разил коей я,
Бывал часто с ней во сражениях,
Умирать хотел за отечество
И за батюшку царя белого.
Но тогда уже перестал служить,
Как при Требио калено ядро
Оторвало мне руку правую,
Вот еще тебе копье меткое,
С коим часто я в поле ратовал.
Оседлай, мой друг, коня доброго;
Поезжай разить силы вражески
Под знаменами Витгенштейна,
Вождя славного войска русского.
Не пускай врага разорити Русь
Иль пусти его через труп ты свой».

Сражение при Бородине 26 августа 1812 года.
Гравюра С. Федорова по рисунку Д. Скотти. 1814 г.

Внизу было приписано: «Сию песню я сочинил тогда, когда услышал, что Москва взята французами, 7 сентября 1812 года».

— Дельвиг! — воскликнул Кюхля, когда Пушкин молча вернул Дельвигу листок со стихами, — Дельвиг, я ведь тоже. . . Я уже написал маменьке, что хочу идти в армию. К Витгенштейну или к кому другому — мне все едино, только бы в бой!

Как понимал друзей Пушкин! Как часто он видел себя там, на поле битвы, в мечтах переносился туда из мирного Царского Села.

И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты.
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската. . .
Трепещет бранью грудь моя,
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, — и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.

Не прошло и двух недель после оставления Москвы, как новое событие взволновало лицеистов. На дворе стоял сентябрь, а им неизвестно для чего приказали мерить шубы — овчинные тулупы, крытые полукитайкой. Явился бородатый, с мужицким обличьем, царский портной Мальгин, тот самый, что год назад шил им лицейские мундиры, и принялся примерять. На вопрос, к чему им такие удивительные малахаи, отвечал уклончиво.

И все же они дознались: в Петербурге боятся нашествия неприятеля, всем присутственным местам велено собираться. Возможно, что и им предстоит далекий путь — не то в Архангельскую губернию, не то в Финляндию, в Або. Их готовят в поход.

Их действительно собирали в поход. В письменном столе Василия Федоровича Малиновского лежало секретное предписание министра: «Как в настоящих обстоятельствах легко может случиться, что назначено будет отправить воспитанников Лицея в другую губернию, то необходимо принять заблаговременно нужные для сего меры».

Потому-то и шили им овчинные шубы, суконные рейтузы, покупали по петербургским лавкам «просторные сапоги», шерстяные чулки,

Крестьянин увозит у французов пушку в русский лагерь.
Патриотическая картинка И. Теребенева. 1812 г.

«рукавички с варежками», ременные пояса с пряжками, большие чемоданы, жестяную дорожную посуду.

Василий Федорович писал министру, совещался с инспектором. Составили списки профессоров, гувернеров и служителей, что отправятся с воспитанниками...

И вдруг радостное известие: «Неприятель, теснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, вынужден был очистить Москву». И еще: войска Витгенштейна, охранявшие подступы к Петербургу, взяли Полоцк, одержали победу под Лепелем.

Северная столица и Царское Село были вне опасности.

Всем стало ясно, что поход не состоится.

Как шумно и весело было теперь в Газетной комнате! Читая реляции, ликовали.

Газеты приносили новые и новые известия. Их дополняли рассказы приезжающих.

Война стала народной. Весь народ с ожесточением и ненавистью ополчился на иноземцев. Сами французы рассказывают, что при их приближении деревни превращаются или в костры, или в крепости. И нигде ничего: ни крова, ни хлеба, ни фуража для лошадей. Тысячи крестьян укрываются в лесах и в одиночку и отрядами донимают

пришельцев. Даже женщины сражаются. Подумать только, крестьянка Прасковья из деревни Соколово, что в Смоленской губернии, одна оборонялась от шести неприятельских солдат. Трех заколола вилами, трех других обратила в бегство. Про старостиху Василису, что захватила в плен не одного француза, рассказывали чудеса. Сколько было еще других никому не известных героев.

Как волновали и радовали Пушкина все эти вести, как он гордился своим народом!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья...

Особенно увлекательными были рассказы о подвигах партизан — «наездников», как их называли. Под Москвой действовал отряд бес-

Голодный француз, стреляющий ворон.
Рисунок Ф. Матюшкина. 1812 г.

страшного капитана Фигнера, под Вязьмой — другого удальца, подполковника Дениса Давыдова. Партизаны и казаки не давали неприятелю покоя ни днем ни ночью.

В своем лицейском дневнике Пушкин записал слышанный от кого-то анекдот про Дениса Давыдова и генерала Бенигсена.

«Давыдов является к Бенигсену: «князь Багратион, — говорит, — прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...»

«На каком носу, Денис Васильевич? — отвечает генерал. — Ежели на Вашем, так он уже близко, если на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать».

Давыдов был курнос, а нос Багратиона был весьма велик.

В Газетной комнате появилась большая ландкарта, и лицеисты внимательно следили по ней за ходом военных действий. «Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное», — вспоминал Пущин. Василий Федорович Малиновский, профессора Кайданов, Куницын, Кошанский немало времени проводили в Газетной, читали и обсуждали вместе с воспитанниками реляции, донесения, приказы по армии, манифесты, воззвания к народу, статьи и стихи, напечатанные в журналах.

Война подходила к концу. Не лавры победы, а позор поражения пожинал Бонапарт на полях России. Голодные, оборванные, замерзшие остатки разгромленной «великой армии» бежали на запад.

Двадцать девятого декабря 1812 года победоносная русская армия перешла через Неман, чтобы освободить от ига Наполеона Германию и другие европейские страны.

Гроза 1812 года отгремела.

„Мы прогоняем Пилецкого“

В том же тяжелом военном 1812 году началась в Лицее история, которая навсегда запомнилась воспитанникам. Через много лет в плане своей биографии, среди важнейших событий лицейской жизни, Пушкин записал: «Мы прогоняем Пилецкого».

Мартин Степанович Пилецкий-Урбанович состоял в Лицее в должности инспектора, или надзирателя по учебной и нравственной части. В его обязанности входило «блюсти порядок учебный и нравственный». В этом помогали ему гувернеры, над которыми он начальствовал.

М. С. Пилецкий.
Деталь карикатуры А. Илличевского «Процессия усопших» из журнала «Лицейский мудрец». 1815 г.

Странный это был «блюститель нравственности» — ханжа, святоша, иезуит. Сама внешность его отталкивала. Он был отвратителен «со своею длинною высохшею фигурою, с горящим всеми огнями фанатизма глазом, с кошачьими походкою и приемами, наконец, с жестоко-хладнокровною и ироническою, прикрытою видом отцовской нежности, строгостию. . .»

С самых первых дней лицейской жизни Пилецкий повел себя рьяно. Сочинил специальные правила для «господ гувернеров», поучающие, как надзирать за воспитанниками. Он учил гувернеров еже-

минутно «морально присутствовать» среди воспитанников, залезать им в души, проникать в их помыслы, подслушивать их «пошепты», подсматривать за ними, «читать у каждого в глазах и чертах лица». Все для того, чтобы предупреждать «соблазны», «обрабатывать» волю.

Гувернеры не слишком торопились воспользоваться иезуитскими правилами господина инспектора, но сам он неукоснительно следовал им.

Пушкин досадливо морщился, когда липкий взгляд Пилецкого останавливался на нем. А если слышалось вкрадчивое «друг мой» и начинались разглагольствования о грехе и пороке, послушании и смирении, посте и молитвах, Пушкина так и подмывало ответить инспектору что-нибудь озорное и дерзкое. Например, из Вольтера: о попах и ханжах. Позабористее, похлестче.

Все помирали со смеху, когда вечерами в лицейском зале «паяс» — Миша Яковлев, — сделав постную мину и вытянув руку с воображаемым крестом, удивительно похоже изображал Пилецкого.

Мишу Яковлева звали «паяс двести номеров». Он умел представлять великое множество лиц: профессоров, лицеистов, дядек, министра Разумовского, лицейского кучера Агафона, а также царскосельских «духовных особ» — отца Павла, второго лицейского попа, кузьминского попа, павловского попа, дьяконов, колченогого дьячка, «дьячка с трелями» и, конечно, Мартина Пилецкого.

Отвращение и ненависть к Пилецкому назревали у лицеистов постепенно, но прорвались как-то вдруг.

Зимою 1812 года в Лицей чаще обычного наезжали родные воспитанников. И тут многие услышали, как инспектор Пилецкий насмехался над приезжающими, давал им обидные прозвища.

Лицеисты возмутились. Больше всех — Пушкин, хотя его родные и не приезжали в Лицей.

И вот братец инспектора, гувернер Илья Пилецкий, донес по начальству, что в Лицее происшествие: Пушкин «за обедом вдруг начал громко говорить, что Вольховский г. инспектора боится, и видно от того, что боится потерять свое доброе имя, а мы, говорит, шалуны, его увещеваниям смеемся. После начал исчислять с присовокупившимся к сему г. Корсаковым сделанные г. инспектором родителям некоторых товарищей обиды, а после обеда и других к составлению клеветы на г. инспектора подстрекнул. Вообще г. Пушкин вел себя все следующие дни весьма смело и ветрено».

Против иезуита-инспектора был составлен целый заговор. Возглавлял его Пушкин.

Кюхельбекер, Дельвиг, Корсаков, сын Василия Федоровича — Иван Малиновский, Мясоедов, Маслов действовали с ним заодно.

Особенно бушевал Кюхельбекер. Его возмущало, что некоторые

воспитанники трусливо помалкивали и оставались в стороне. Кюхельбекер, по словам Ильи Пилецкого, «с ожесточением укорял и бранил явно подлецами Юдина, Корфа, Ломоносова и Есакова, что они не утверждали на инспектора того, что некоторые другие».

События развивались.

На уроке Гауэншильда вездесущий Илья Пилецкий вдруг заметил у Дельвига «бранное на господина инспектора сочинение» и кинулся отнимать. Тут вмешался Пушкин. Он вскочил. Глаза его блестели. Голос звенел от возмущения и гнева:

— Как вы смеете брать наши бумаги! Стало быть, и письма наши из ящика будете брать!

Вечером в зале происходило разбирательство.

Что-то отвечал на обвинения Мартин Пилецкий. Как-то уговаривал «бунтовщиков» Малиновский... Дело замяли, «бунтовщиков» утихомирили. Но ненадолго.

В марте 1813 года возмущение вспыхнуло с новой силой. На этот раз действовали более решительно. Все воспитанники собрались в конференц-зале, вызвали инспектора.

Он явился.

Ему предложили выбор: либо он, не мешкая, оставит Лицей, либо они сами подадут заявления об уходе.

Пилецкий раздумывал.

Своим пронзительным взглядом окинул он собравшихся.

Они стояли неподвижно и глядели на него. Смело. Без страха. С презрением и вызовом.

Он понял: слова их не шутка, не простая угроза.

— Оставайтесь в Лицее, господа! — бросил он хладнокровно и направился к выходу.

В тот же день он уехал из Царского Села в Петербург.

Графу Разумовскому ничего не оставалось, как дать согласие на увольнение Пилецкого из Лицея.

Когда же уволенного хотели наградить за усердие, выяснилось: он награжден уже чином в другом департаменте. В департаменте полиции.

Так закончилась в Лицее педагогическая карьера «пастыря душ» и полицейского агента.

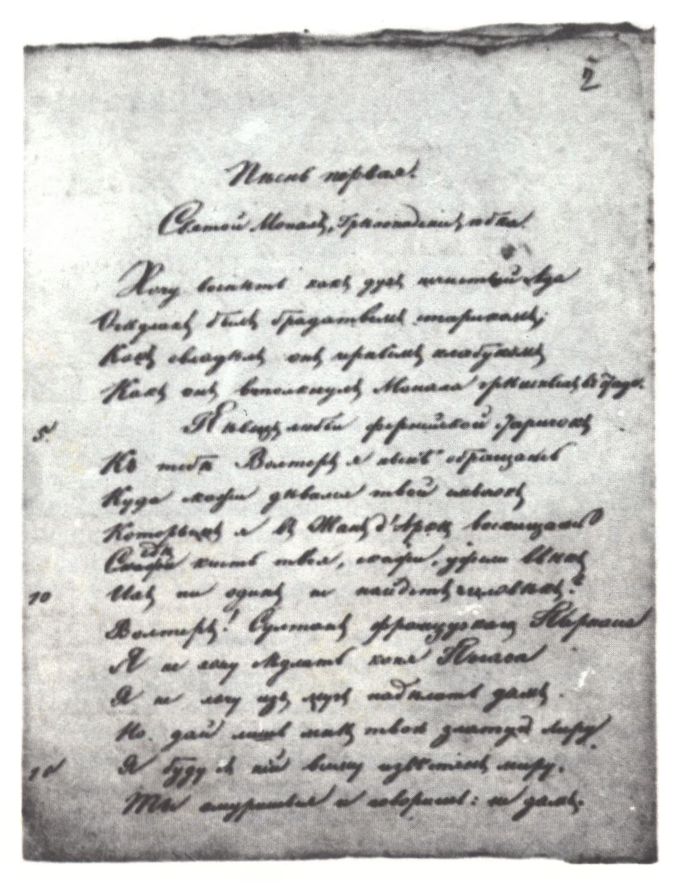
Долго еще фигурировал Мартын в лицейских карикатурах и сатирах. В стихотворной сказке «Деяния Мартына в аду» говорилось о том, как, попав в ад, Пилецкий вздумал окрестить повелителя подземного царства Плутона. Вот что из этого вышло:

Плутон, собрав весь ад,
Мартына стал катать,
Мартына по щекам;

Мартына по зубам;
Мартын кричит, ревет,
Из ада не идет.
Но наконец Мартын убрался, —
И окрестить Плутона отказался.

Сказочка эта была не без намека. Ад — дело десятое, а вот из Лицея-то святоше Мартыну действительно пришлось убраться.

Нет, ханжеские проповеди, лицемерная мораль были явно не по душе Пушкину и тем из лицеистов, кого духовно растили Малиновский и Куницын.

«Монах», поэма Пушкина.
Беловой автограф первой песни.

«Мы прогоняем Пилецкого»... Это был первый бой, данный Александром Пушкиным врагам света и разума.

Впереди его ждало много боев.

На лицейской скамье начал овладевать он для них грозным оружием — поэтическим словом.

Вскоре после того как прогнали они Пилецкого, Пушкин принялся за озорную и веселую поэму «Монах». В ней высмеивал тех, кто был сродни Пилецкому: церковников — монахов, попов.

„Являться муза стала мне“

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Так в восьмой главе «Евгения Онегина» Пушкин вспоминает о начале своего поэтического пути.

Пушкин начал писать очень рано. Сестра его Ольга Сергеевна рассказывала, что еще девятилетним мальчиком, до Лицея, пробовал он сочинять. Его первые опыты были по-французски. Он сочинял и разыгрывал перед сестрой маленькие комедии. Когда одну из них Ольга Сергеевна освистала, Пушкин не обиделся, а сам на себя сочинил по-французски эпиграмму:

— Скажи, за что «Похититель»
Освистан партером?
— Увы! За то, что бедняга сочинитель
Похитил его у Мольера.

Мольера, Лафонтена, Вольтера, Плутарха, Гомера Пушкин узнал и полюбил в раннем детстве. Едва научившись читать, он забирался в отцовский кабинет, доставал из книжного шкафа какой-нибудь томик в сафьяновом переплете и погружался в чудесный мир фантазии.

У Пушкиных была неплохая библиотека.

Сергей Львович прекрасно знал литературу, мастерски декламировал, писал в дамские альбомы изящные, легкие стихи. Брат его Васи-

С. Л. Пушкин.
Рисунок Сент-Обена. 1807 г.

лий Львович, дядя Александра, слыл недюжинным стихотворцем. В гостиной у Пушкина постоянно бывали писатели, говорили и спорили о литературе, декламировали стихи. Здесь видел маленький Пушкин знаменитых Николая Михайловича Карамзина, Ивана Ивановича Дмитриева, молодого Константина Николаевича Батюшкова, слышал о Державине, Крылове, Жуковском.

«В самом младенчестве, — вспоминал о сыне Сергей Львович, — он показывал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин — не то, что другие. Одним вечером Николай Михайлович был у меня, сидел долго; во все

Н. А. Корсаков — лицеист.
Акварель неизвестного художника.

М. Л. Яковлев — лицеист.
Акварель неизвестного художника.

время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему был шестой год».

Поздно вечером, когда маленького Александра уводили из гостиной в детскую и укладывали спать, няня Арина Родионовна принималась напевать ему песни, сказывать сказки. Про Бову-королевича и про Добрыню, про злых духов и про девиц...

Он засыпал под певучий нянин говор, и во сне ему виделись чудеса:

Волшебники, волшебники слетали,
Обманами мой сон обворожали,
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Творения великих писателей, разговоры в гостиной, сказки няни— все это западало в душу, впитывалось его удивительной памятью. И, приехав в Лицей, он привез с собой не только любимые книги, знание множества стихов, но и живой интерес к литературе, к поэзии.

Оказалось, что он не одинок в своем стремлении писать. И Алексей Илличевский, по-лицейски Олосенька, тоже сочинял стихи. «Что касается до моих стихотворческих занятий, — рассказывал Илличевский в письме к Фуссу, — я в них успел чрезвычайно, имея товарищем одного молодого человека, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрел много в поэзии знаний и вкуса».

Этим «молодым человеком» был Александр Пушкин.

Когда лицеисты перезнакомились, выяснилось, что пишут стихи и Корсаков, и «паяс» Миша Яковлев, и смешной нескладный Виля Кюхельбекер, и даже Антон Дельвиг. Это всех насмешило. Добродушный, ленивый Тосенька Дельвиг, который только и оживлялся, что для какой-нибудь шалости, и вдруг пишет стихи. Веселье было всеобщим.

Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!
Дельвиг пишет стихи!

Сочинили по этому поводу и «национальную» песню:

Полно, Дельвиг, не мори
Ты людей стихами;
Ждут нас кофе, сухари,
Феб теперь не с нами.
Разрешаю: век ленись;
Попусту хлопочешь,
Спи, любезный, не учись,
Делай, что ты хочешь.
В классах рифмы подбирай;
С чашкой здесь дружися.
С Вилей Клопштока читай,
С нами веселися.

Сначала сочинять лицеистам не разрешалось. «У нас, правду сказать, запрещено сочинять, но мы с ним пишем украдкою», — рассказывал Фуссу Илличевский про себя и про Пушкина.

Это длилось недолго.

Однажды в конце урока словесности профессор Кошанский сказал:

— Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами.

«Господа» призадумались. Лишь один только Пушкин вмиг сочинил и подал профессору четверостишие, которое всех восхитило.

В. К. Кюхельбекер.
Рисунок Пушкина. 1825 г.

А. А. Дельвиг — лицеист.
Акварель неизвестного художника.

А. С. Пушкин.
Автопортрет в лицейском мундире. 1816—1820 годы.

Запрет на сочинительство был отменен. В программу Лицея включили упражнения в стихах и в прозе, чтобы будущие государственные деятели научились легко и свободно излагать свои мысли.

Сочиняли и сами, и по заданию. Не обходилось без курьезов.

Как-то раз профессор Кошанский предложил описать в стихах восход солнца.

Заскрипели перья. Затем читали написанное. Дошла очередь до Павла Мясоедова, который славился в Лицее своей тупостью и спесью. Он встал и прочитал:

— Восход солнца.

Блеснул на западе румяный царь природы. . .

Это было все, что он написал. . .

Раздался громовый хохот.

— И это все? — удивился Кошанский.

— Нет, не все, — подхватил Илличевский и, давясь от смеха, выпалил:

И изумленные народы
Не знают, что начать.
Ложиться спать или вставать.

Как выяснилось позднее, и единственную строку своего «сочинения» Мясоедов похитил у поэтессы Буниной. Только у нее эти слова относились к закату солнца, а он, не разобравшись, приспособил их к восходу.

Пушкин не сразу занял первое место среди лицейских поэтов. Сначала пальму первенства оспаривал Илличевский. Он с удивительной легкостью писал эпиграммы, послания, басни, оды и даже письма в стихах. У него были поклонники и приверженцы. Гладкость, бойкость, умение срифмовать им казались поэзией. «По случаю дня рождения почтенного поэта нашего Алексея Демиановича Илличевского» был написан даже шутливо-восторженный «Хор».

Начинался он так:

Хор

Слава, честь лицейских муз,
О, бессмертный Илличевский!
Меж поэтами ты туз!
Все гласят тебе лицейски
Криком радостным: «виват!
Ты родился — всякий рад!»

Певец

Ты родился, и поэта
Нового увидел мир,
Ты рожден для славы света,
Меж поэтов — богатырь!
Пой, чернильница и перья,
Лавка, губка, мел и стол,
У него все подмастерья,
Мастеров он превзошел!

Прошло немного времени, и Илличевский сам понял, как далеко ему до Пушкина...

Пушкин рассказывал о себе: «Начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени». Тринадцать лет Пушкину исполнилось 26 мая (6 июня) 1812 года. Детские свои опыты до Лицея он в счет не брал.

Самые первые лицейские творения Пушкина не сохранились. Известно, что, состязаясь с Илличевским, сочинил он рыцарскую балладу наподобие баллад Жуковского. Написал роман в прозе «Цыган» и вместе с Мишей Яковлевым — комедию «Так водится в свете». Писал французские стихи: «Стансы», «Мой портрет».

Вы просите у меня мой портрет.
Но написанный с натуры;
Мой милый, он быстро будет готов,
Хотя и в миниатюре.

Я молодой повеса,
Еще на школьной скамье;
Не глуп, говорю, не стесняясь,
И без жеманного кривлянья...
Мой рост с ростом самых долговязых
Не может равняться;
У меня свежий цвет лица, русые волосы
И кудрявая голова.

Так звучат в переводе на русский язык строфы «Моего портрета».

Это было начало. Затем, с необычайной быстротой преодолев трудности российского стихосложения, Пушкин целиком перешел уже на русские стихи.

Стихи ему давались. Чем дальше, тем явственнее чувствовал он, как послушна ему рифма, как точны сравнения, как легко и естественно удается ему в стихах выражать свои мысли и чувства.

«Я поэт», — думал он с волнением и радостью. Это было совершенно новое, непередаваемое чувство — ощущать себя поэтом, творцом, человеком, способным создавать прекрасное. Он стал серьезнее, меньше шалил.

В те дни — во мгле дубравных сводов
Близ вод, текущих в тишине,
В углах лицейских переходов
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья,
Доселе чуждая веселья,
Вдруг озарилась — муза в ней
Открыла пир своих затей;
Простите, хладные науки!
Простите, игры первых лет!
Я изменился, я поэт,
В душе моей едины звуки
Переливаются, живут,
В размеры сладкие бегут.

Теперь «студенческая келья» — его крохотная комнатка на четвертом этаже — не казалась больше Пушкину такой неприглядной и унылой, как прежде. Ведь с ним была его муза — веселая, резвая, беспечная.

Его влекло в поэзии к «легкому и веселому». Он писал дружеские послания, эпиграммы, мадригалы, романсы, начинал шутливые поэмы. Он воспевал дружбу, любовь, дружеские пирушки, вино и другие радости жизни. Правда, знал он их пока лишь понаслышке, но, обладая живой фантазией, с легкостью выдавал воображаемое за сущее.

Ему нравились в поэзии простота и искренность. Он терпеть не мог распространенные в тогдашней литературе тяжеловесные, фальшивые, выспренные оды.

Старые липы в Екатерининском парке.
Фотография.

Сочиняя стихи на именины Горчакова, предупреждал этого юного честолюбца, чтобы он не ждал хвалебной оды:

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро,
И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить. . .
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.

Обитатель четырнадцатого номера старался писать по-своему, своим складом. Он уважал и любил своих литературных учителей — Державина, Жуковского, Батюшкова, но брал у них только то, что ему было нужно. Подражая другим поэтам, он нередко воспевал свою беспечность и лень, но в действительности много трудился. В его курчавой голове шла напряженная работа — теснились рифмы, созвучия будущих стихов.

Сочинял он повсюду. «Не только в часы отдыха от учения в рекреационной зале, на прогулках, но нередко в классах и даже в церкви ему приходили в голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось от улыбки, смотря по роду дум, его занимавших», — вспоминал один из лицеистов.

На младшем курсе, в 1813—1814 годах, Пушкин сочинил около трех десятков стихов, среди них — послания поэту Батюшкову и лицеисту Ломоносову, эпиграммы на Кюхельбекера, меланхолические подражания Оссиану и игривые «Рассудок и любовь», «Красавице, которая нюхала табак», начал поэмы «Монах» и «Бова».

Романс «Казак» он подарил Пущину. Надписал на листке, как заправский поэт: «Любезному Ивану Ивановичу Пущину. От автора». Подобные надписи он видел на книгах в отцовской библиотеке.

Однажды апрельским вечером 1814 года Пушкин сочинил длинное стихотворное послание «К сестре», где рассказал о своей лицейской жизни.

До Лицея Пушкин дружил со старшей сестрой. Затем они расстались. Дядя Василий Львович увез его в Петербург, Ольга осталась в Москве. Два с половиной года они не виделись.

О. С. Пушкина.
Рисунок неизвестного художника. 1839 г.

И вдруг в одно воскресное утро Пушкина вызвал гувернер:

— Ступайте в зал. Вас ждут. К вам приехали.

Пушкин бросился в зал и увидел мать и сестру Ольгу.

Оказалось, что Надежда Осиповна, пока одна, без мужа, приехала в Петербург, чтобы там поселиться. С Надеждой Осиповной приехали ее мать Мария Алексеевна, семнадцатилетняя Ольга и девятилетний Лев.

После долгой разлуки Александр и Ольга опять подружились.

Начиная с весны 1814 года в лицейских ведомостях в графе, где

Н. О. Пушкина.
Миниатюра К. де Местра. 1810-е г.

отмечались приезды к воспитанникам, раз, а то и два в месяц появлялась запись о том, что Александра Пушкина навещали «военная советница Пушкина с дочерью», то есть Надежда Осиповна с Ольгой.

Ольга просила брата, чтобы он ей писал. И он писал. Он любил с ней беседовать.

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт младой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окрыленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,
Где непрерывный мир. . .

Стоя возле конторки в своей крохотной комнатке, Пушкин сочинял длинное послание сестре.

Выполнить ее просьбу и мысленно перенестись из лицейского «монастыря» туда, где была она, в их новую петербургскую квартиру, ему было нетрудно: поэтическая фантазия делала его всесильным. Немного воображения — и сейчас он будет там.

Интересно, что делает Ольга в этот вечерний час?

Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой?..
Иль моську престарелу
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?

Но вот явился он. Они вместе, как в детстве. Будто не было разлуки.

Пушкин пишет, улыбается. Ему так живо представилась эта радостная встреча, он так увлекся ее описанием, что очнулся лишь тогда, когда кончилась страница.

Он отбросил перо и прошелся по комнате. Три шага туда, три обратно.

Сестра... Петербург... Мечты. А он по-прежнему один в своей лицейской келье. Не слишком-то здесь уютно.

Он лег на постель и рассеянно глядел, как колеблется пламя на оплывшей свече и причудливо освещает дверь, умывальный столик с зеркалом, конторку.

Он что-то повторял про себя, хмурился. В голове его рождались новые строки и просились на бумагу.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Все тихо в мрачной келье:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхий, необитый,
И шаткая постель,

«К сестре», стихотворение Пушкина.
Запись О. С. Пушкиной.

Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот все, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден.

Он исписал еще листок, призадумался, нетерпеливо покусывая и без того обгрызенное гусиное перо. Перечитал написанное. Уж что-то больно грустно... И что ему вздумалось? Ведь не на век заточен он в лицейском «монастыре», не век быть ему «монахом». А коли так, — долой тоску и да здравствует веселье!

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клобук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.

В гостиной у Чирикова

Но пока что Пушкин оставался в «лицейском монастыре», где порядки были строгие. О поездках куда бы то ни было не могло быть и речи. Порознь из стен Лицея никого не выпускали. Даже с родителями не разрешали гулять. А Пушкину и его товарищам хотелось новых впечатлений, интересных занятий, чтобы внести хоть некоторое разнообразие в свою лицейскую жизнь, заполнить свой досуг, дать пищу уму, применение способностям.

И вот в декабре 1811 года в квартире гувернера Чирикова начались так называемые «литературные собрания».

Сергей Гаврилович Чириков совмещал в Лицее должность гувернера с обязанностями учителя рисования. Человек он был не злой, сговорчивый, обходительный. Больше всех воспитанников любил «Лису-проповедницу» — Комовского. Может быть, потому, что тот к нему ластился и, под видом доверенности, наушничал на товарищей. «Я прибегал иногда к помощи начальства, — записал Комовский в своем

С. Г. Чириков.
Акварельный портрет работы неизвестного художника.

лицейском дневнике, — особливо открывался я во всем столь меня любящему гувернеру и за сие называли меня ябедником, фискалом и проч.».

Уезжая в Петербург лечить глаза, Чириков писал воспитанникам, выполнял их поручения. «Уведомьте Федора Федоровича [то есть Матюшкина], — просил он Комовского, — что я нигде не нашел такого ножа, какой ему угоден; все те, кои я видел у Курапцова и у прочих продавцов, все те, повторяю, ножи без шил, и я с прискорбием возвра-

тился домой. Кланяйтесь, пожалуйста, от меня любезным вашим товарищам: кн. Ал. Мих. Горчакову, Вл. Дм. Вольховскому, Сем. Сем. Есакову, Арк. Ив. Мартынову, Матюшкину и пр., Илличевскому, Пущину, Малиновскому и пр.»

Пушкин не был в числе его любимцев.

Лицеисты с Чириковым ладили, хотя прекрасно подмечали его маленькие слабости и подшучивали над ними. Чириков любил покой и комфорт, поездку из Царского Села в Петербург почитал чуть ли не геркулесовым подвигом, уверял почему-то, будто род его происходит из Персии. Все это попало в «национальную» песню, которую распевали от имени Чирикова:

Я во Питере бывал,
Из Царского туда езжал.

С. Д. Комовский.
Деталь карикатуры А. Илличевского
из журнала «Лицейский мудрец». 1815 г.

Перс я родом
И походом
Я на Выборгской бывал.
Я дежурный когда,
Надеваю фрак тогда;
Не дежурный —
Так мишурный
Надеваю свой халат.

Жил Чириков тут же в Лицее. Квартира его помещалась в арке над библиотекой. Вход к нему был из коридора четвертого этажа. Сюда-то по вечерам и приходили Пушкин, Дельвиг и другие воспитанники на «литературные собрания». Чириков сам пописывал посредственные стихи и сочувственно относился к литературным занятиям своих питомцев.

Участники собраний располагались в гостиной возле круглого стола, на стоявшем у стены широком диване.

По воспоминаниям лицеистов, над этим диваном долгое время сохранялись стихи, написанные Пушкиным прямо на стене. Затем они стерлись, и содержание их забыли. Думали, они потеряны. Но в лицейских бумагах на обороте листка с посланием Илличевского «Моему рисовальному учителю» (то есть Чирикову) найдено было четверостишие:

Известно буди всем, кто только ходит к нам:
Ногами не марать парчового дивана,
Который получил мой праотец Фатам
В дар от персидского султана.

Предполагали, что эти строки — отрывок из восточной повести «Фатам», которую Пушкин писал в Лицее.

Но это, конечно, и есть утерянная надпись над диваном в гостиной Чирикова. Она, как и «национальная» песня, написана от первого лица. Будто бы сам Чириков обращается к своим гостям-лицеистам и просит их «ногами не марать парчового дивана». Ведь диван-то исторический. Его, мол, получил праотец «перса» Чирикова «в дар от персидского султана». А этого праотца Пушкин назвал, как и героя своей восточной повести, Фатамом.

Удобно расположившись, участники «литературных собраний» затевали игру, которая всем очень нравилась. Игра заключалась в том, что кто-нибудь начинал рассказывать прочитанную или выдуманную историю, а остальные по очереди продолжали. Бывало, что только один рассказывал все от начала до конца.

В этих устных рассказах первенствовал Дельвиг. Когда дело касалось литературы, поэзии, его вялость и лень исчезали. Он запоем читал поэтов античных и русских, с большим пониманием разбирался во всем. К тому же обладал он неистощимой фантазией — начинал

Здание Лицея — арка и главный вход. Верхние над аркой — окна квартиры С. Г. Чирикова.
Рисунок лицеиста третьего выпуска А. Белухи. 1820—1823 годы.

рассказывать, и откуда что бралось... «Однажды, — вспоминал Пушкин, — вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора В. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи, столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покамест он сам не признался в своем вымысле».

Рассказ, который вспомнился Пушкину, был о том, как в 1807 го-

ду, во время войны с Наполеоном, Дельвиг малым ребенком будто бы следовал в обозе за воинской частью своего отца, плац-майора, и каким опасностям он при этом подвергался.

Немало интересного порассказал Дельвиг и в гостиной Чирикова.

Пушкин старался не отставать от друга. Он рассказал здесь историю, очень напоминавшую ту, что через много лет описал в повести «Метель». И, ободренный восторженным вниманием слушателей, пересказал поэму Жуковского «Двенадцать спящих дев», скрыв при этом, откуда взял все эти чудеса и волшебные приключения. Он так много читал не знакомого товарищам, что мог бы пересказывать прочитанное без конца.

„Юные пловцы"

«Литературных собраний» лицеистам было мало. Они придумали занятие еще более интересное. Лицей охватила эпидемия — все начали «печататься», «издавать» журналы.

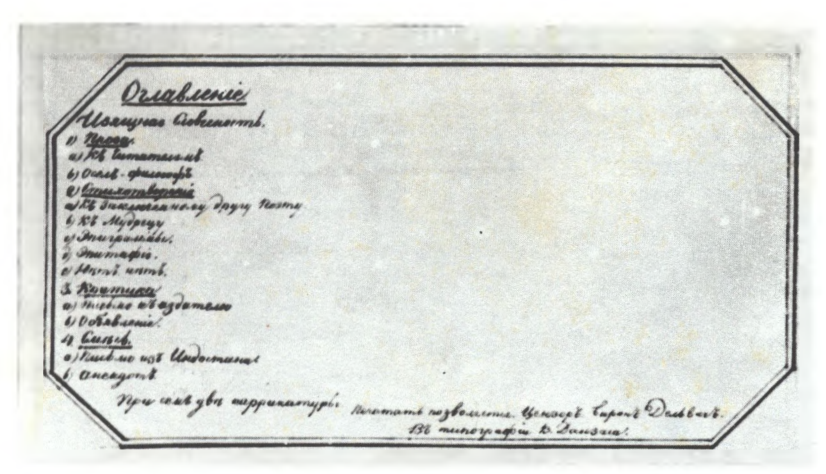
Поэты и прозаики несли свои творения «издателям». Расторопные «издатели» строго-настрого наказывали родным привезти альбомы и тетради с бумагой получше, в переплетах покрасивее. А затем, распределив все полученное, переписывали его набело красивым и четким почерком.

В Лицее появилось великое множество рукописных изданий: «Сарско-сельские лицейские газеты», «Императорского Сарско-сельского Лицея Вестник», «Для удовольствия и пользы», «Неопытное перо», «Юные пловцы», «Сверчок», «Лицейский мудрец» и другие журналы, названия которых неизвестны.

От лицейских изданий осталось немного. Как ни странно, судьба их причудливо переплелась с трагическими событиями 14 декабря 1825 года. Незадолго до восстания декабристов лицейские журналы взял у Яковлева брат Ивана Пущина — Михаил. После восстания его арестовали. И среди бумаг, захваченных у него, оказались лицейские журналы. Так они и сгинули. Но из того немногого, что случайно уцелело, видно, чем заполняли лицейские «издатели» свои листки.

Были здесь смешные описания различных происшествий из лицейской жизни, письма, статьи и стихи лицейских прозаиков и поэтов, рисунки, карикатуры на профессоров, гувернеров и воспитанников.

Оглавленiе

Изящная Словесность.

1) Проза.

a) Къ читателямъ

b) Оселъ-философъ

2) Стихотворенiя

a) Къ знаменитому другу поэту

b) Къ Мудрецу

c) Эпиграммы.

d) Эпитафiя.

e) [illegible]

3. Критика

a) Письмо къ издателю

b) Объявленiе.

4) Смѣсь.

a) Письмо изъ Индостана

b) Анекдотъ.

При семъ двѣ каррикатуры.

Печатать позволяется. Цензоръ баронъ Дельвигъ.

Въ типографiи В. Данзаса.

Рукописный журнал «Лицейский мудрец».
Обложка и содержание номера первого. 1815 г.

№ 7

Императорскаго Сарско-сельскаго Лицея.

Въстникъ № 1

3го Декабря 1811го Года

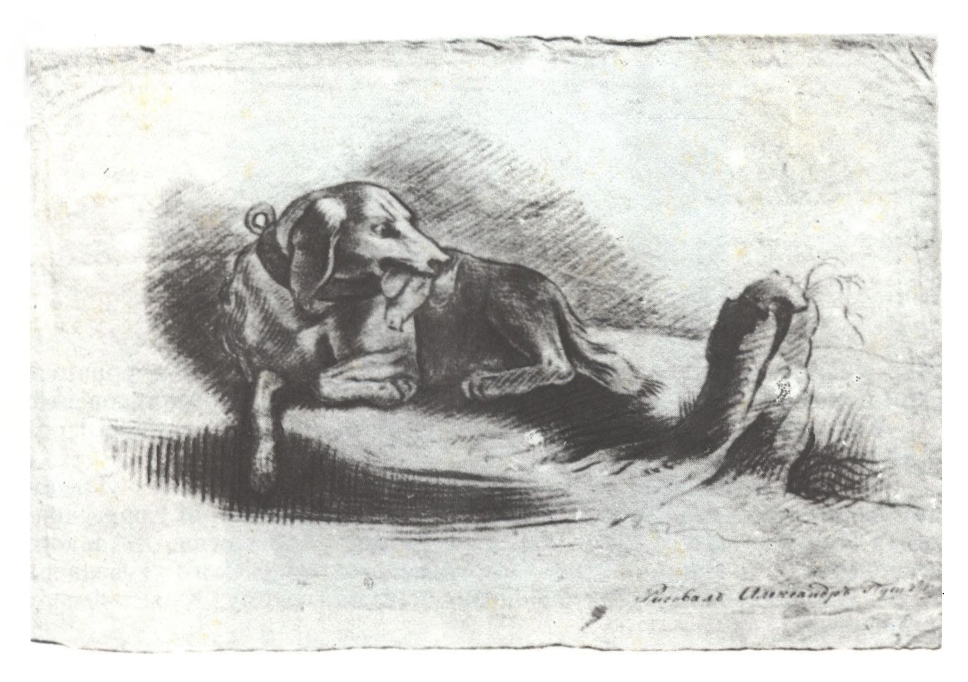
Рукописный журнал «Императорского Сарско-сельского Лицея Вестник», № 1, 3 декабря 1811 года.

Так, в единственном сохранившемся номере журнала «Императорского Сарско-сельского Лицея Вестник» от 3 декабря 1811 года в разделе хроники описывается ссора Горчакова с Ломоносовым и Масловым, «секретная експедиция», посланная Горчаковым для переговоров с «соперниками», а также примирение «сих трех знатных особ». В разделе «Смесь» помещены стихи Илличевского, стихотворный перевод Кюхельбекера и рассуждение под названием «Истинное благополучие». Заканчивается номер «Разными известиями».

Издавали лицейские журналы воспитанники Корсаков, Илличевский, Дельвиг, Кюхельбекер, Яковлев, Вольховский, Есаков, Маслов, Данзас.

«Пушкин, — вспоминал Иван Пущин, — потом постоянно и деятельно участвовал во всех лицейских журналах, импровизировал так называемые народные песни, точил на всех эпиграммы и пр.».

Участие Пушкина в лицейских журналах было очень разнообразным. Он помещал в них свои стихи. В журнале карикатур, который выходил под руководством Чирикова, трудился вместе с Илличевским и

Собака и птичка.
Ученический рисунок Пушкина.

Продавец кваса.
Ученический рисунок Пушкина.

Мартыновым как художник. Рисовал он хорошо. «Искусен в французском и рисовании», — записал о нем Василий Федорович Малиновский.

Как «издатель» Пушкин выступал в журналах «Неопытное перо» и «Юные пловцы».

От этих журналов ничего не сохранилось, кроме письма «Господам издателям журнала под заглавием Юных пловцов — от Корреспондента Императорского Вольного Экономического общества, отставного гувернера» — то есть письма от бывшего лицейского гувернера А. Н. Иконникова Пушкину, Дельвигу, Илличевскому, Кюхельбекеру и Яковлеву.

Автор этого письма, Алексей Николаевич Иконников, прослужил в Лицее всего один год (1811—1812). Он был человеком образованным,

благородным, но приверженным к вину. Из Лицея его выжил Пилецкий, который на освободившееся место пристроил своего братца Илью.

Но, уволенный из Лицея, Иконников не забывал своих питомцев. Пешком (денег на извозчика у него не было) приходил он из Петербурга в Царское Село, чтобы повидаться с ними, следил за их журналами, за их литературными успехами. «Успехи ваши в издании вашего журнала, — писал он издателям «Юных пловцов», — видел я с сердечным удовольствием, сочинения ваши, в оном помещаемые, читал с равномерным».

Письмо Иконникова помечено вторым сентября 1813 года. «Юные

А. Н. Иконников.
Деталь карикатуры А. Илличевского «Процессия усопших» из журнала «Лицейский мудрец». 1815 г.

пловцы» выходили в этом же году. И тогда же вдруг запретили в Лицее издавать журналы.

Строгость объясняли тем, что журналы отвлекают воспитанников от занятий. Но запрет не помог. Наоборот, вызвал противодействие:

Послушай-ка меня, товарищ мой любезный,
Неужели газет не будем издавать?
И презрев Феба дар толико драгоценный
Ужели более не будем сочинять?

На смену журналам появились всевозможные рукописные сборники.

Один из них назывался «Жертва Мому, или Лицейская антология».

Мом — в греческой мифологии — бог иронии и насмешки. Сборник целиком состоял из эпиграмм на Кюхельбекера.

Чего только не писали лицейские поэты о бедном Кюхле! И не со зла, а просто для красного словца, чтобы показать свое остроумие. А остроумие бывало и невысокого полета. Все больше насчет внешности Кюхельбекера, его длинной, тощей, нескладной фигуры и, конечно, насчет его страсти к писанию стихов.

Виля, Клит, Пушкарь, Дон-Кишот, Тарас, В. фон Рекеблихер, Циплятопирогов — это прозвища Кюхельбекера в лицейских эпиграммах. Назывались эпиграммы: «Жалкий человек», «О Дон-Кишоте», «На случай, когда Виля на бале растерял свои башмаки», «Виля Геркулесу, посвящая ему старые свои штаны» и тому подобное. Вот одна из них:

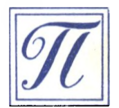
О ДОН-КИШОТЕ

Оставил пику Дон-Кишот
И ныне публику стихами забавляет,
И у него за белкой кот
С сучочка на сучок летает.

Двадцать одна такая эпиграмма вошла в сборник «Жертва Мому». Составил его и собственноручно переписал четырнадцатилетний Александр Пушкин. Он любил доброго, умного, нескладного Кюхельбекера, но и не упускал случая посмеяться над ним.

Антологии и сборники пользовались у лицеистов большим успехом. И все же «юным пловцам» хотелось большого плавания, чтобы испробовать свои силы не только в тихих лицейских водах, но и в бурном море настоящей литературы.

„Александр Н. к. ш. п."

ервым в большое плавание отважился пуститься Миша Яковлев. Он переписал свои басни в особую тетрадь и послал ее в журнал «Вестник Европы». При этом просил издателя скрыть от публики имя сочинителя.

Время шло, басни не появлялись. Ехидный Илличевский написал эпиграмму «Уваженная скромность»:

Нагромоздивши басен том,
Клеон давай пускать в журнал свои тетради,
Прося из скромности издателя о том,
Чтоб имени его не выставлял в печати.
Издатель скромностью такою тронут был,
И имя он, и басни — скрыл.

Басни Яковлева так и не увидели света.

Удачнее оказалась попытка Дельвига. Его стихотворение «На взятие Парижа», за подписью «Руской», появилось в двенадцатом номере «Вестника Европы» в июне 1814 года.

Первое стихотворение Пушкина увидело свет при не совсем обычных обстоятельствах. Очевидно, Дельвиг, посылая в журнал свое стихотворение, посоветовался с товарищами и потихоньку от Пушкина отправил заодно и его стихотворение «К другу стихотворцу».

Вскоре ничего не подозревавший Пушкин зашел в Газетную комнату, взял свежий номер «Вестника Европы» и с изумлением прочитал:

«О т и з д а т е л я: Просим сочинителя присланной в «Вестник Европы» пьесы, под названием «К другу стихотворцу», как всех других сочинителей, объявить нам свое имя, ибо мы поставили себе законом: не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса».

Так Пушкин узнал о проделке друзей.

Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают.

Стихотворение «К другу стихотворцу» было напечатано в № 13 «Вестника Европы» за 1814 год. Внизу стояла подпись: «Александр Н. к. ш. п.» Пушкин написал свою фамилию наоборот и выпустил из нее все гласные.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ другу стихотворцу.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнасса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатаютъ — и цѣлой свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою навѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды (*)
Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ поздныхъ поэтамъ справедлива дань;
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія! — Что, естьли Аполлонъ
Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ,

(*) Т. е. въ школѣ.

«К другу стихотворцу», первое печатное стихотворение Пушкина. *Страница журнала «Вестник Европы», 1814 г., № 1*

Вильгельм Кюхельбекер, мучимый бесом стихотворства.
Карикатура А. Илличевского из журнала «Лицейский мудрец». 1815 г.

Теперь он частенько, заходя в Газетную комнату, как бы невзначай брал заветный номер «Вестника Европы», открывал десятую страницу. Его стихотворение напечатано...

Товарищи допытывались: кто такой Арист, его друг-стихотворец, которого он уговаривает не писать стихов, не вступать на путь поэта? Кюхельбекер? Возможно, что и он. Да и не он один, а все, кто лезет на Парнас за лаврами, забыв, что там растет и крапива.

Писать хорошие стихи непросто. Пусть даже Аристу — его другу-стихотворцу — удастся стать писателем. Что ждет его? Богатство, слава, жизнь спокойная и приятная? Нимало. Нищета и страдания — вот участь писателей.

Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс [1] с нищими постелю разделяет;

---

[1] Камóэнс — великий португальский поэт, автор поэмы «Лузиады».

Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ариста не убеждают эти доводы. Он резонно замечает, что странно отговаривать от писания стихов при помощи тех же стихов. Тогда автор рассказывает ему притчу про деревенского старика священника:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам. . .» —
«Послушайте, — сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».

Таков был ответ другу-стихотворцу. Пушкин не оправдывал себя, но другим советовал ему не подражать.

В том же 1814 году в журнале «Вестник Европы» были напечатаны одно за другим четыре его стихотворения.

Смерть Малиновского

В те дни, когда «юные пловцы» пустились в большое плавание, произошло событие, надолго нарушившее размеренное течение лицейской жизни. В конце марта 1814 года, сорока восьми лет от роду, от «нервной горячки» неожиданно скончался Василий Федорович Малиновский.

Воспитанники давно заметили, что был он задумчив, грустен. Но им было невдомек, какие невзгоды одолевали его.

Невзгод было много. Василия Федоровича буквально потрясла внезапная опала и отставка Сперанского. Он не мог привыкнуть к мысли, что столь почитаемый им Сперанский, на реформы которого возлагал он великие надежды, отстранен от дел и выслан из Петербурга.

Значит, преобразования и реформы, воспитание в Лицее государ-

ственных деятелей для обновленной России — все пустые мечты. А его собственные проекты, что вынашивал он годы, — уничтожение в России крепостнического рабства, всеобщий мир, создание «общего совета» всех стран для решения спорных международных вопросов — все осталось на бумаге.

Его труды — «Рассуждение о мире и войне», «Записка об освобождении рабов» — пылятся на полках и никому не нужны.

Он был очень одинок — умерла жена. Всю свою душу он вкладывал в Лицей. А какова награда? Окрики, вечные мелочные придирки самодура Разумовского.

Болел Малиновский недолго. Захворал шестнадцатого марта, а двадцать третьего его не стало.

На другой день весь Лицей собрался возле умершего директора. Он лежал спокойный, бледный, в своем лицейском мундире. Сослуживцы вынесли гроб, поставили на дроги. Дроги двинулись к заставе. Хоронить везли в Петербург на Большеохтинское кладбище.

Медленно выступал за гробом отряд драгун на одномастных лошадях — все, что сделало начальство, чтобы придать хоть некоторую торжественность похоронам.

Провожали Малиновского в последний путь профессора, все служащие Лицея, и в сопровождении гувернеров и дядек шли за гробом воспитанники.

На кладбище из воспитанников взяли только пятерых, в том числе и Александра Пушкина.

Похоронили Василия Федоровича рядом с его женой, в их семейном склепе. Когда гроб опускали в свежевырытую яму, а Иван Малиновский безутешно плакал над телом своего отца, Пушкин подошел к нему и взял его за руку.

И перед незасыпанной могилой Василия Федоровича они поклялись в вечной дружбе.

Много лет спустя смертельно раненный на дуэли Пушкин, чувствуя приближение конца, сказал: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать...»

Лицеисты горевали.

Даже Горчаков, не отличавшийся излишней чувствительностью, написал дяде: «Я не говорю вам о большой потере, которую мы понесли, она вам, без сомнения, известна. Вы можете себе представить, сколь мы были опечалены. Но оставим это, не надо будить скорбных чувств, я чувствую, что слезы навертываются у меня на глазах помимо моей воли».

Между тем из далекого Парижа пришла в Петербург и Царское Село весть, которая радостно взволновала Лицей. Союзные войска взяли столицу Франции.

Это означало, что война с Наполеоном Бонапартом окончена, что с Францией заключен будет мир, что русская армия, испытавшая беспримерные тяготы и освободившая Европу от тирана, вернется на родину, солдаты придут домой.

Вскоре победоносные части русской армии действительно начали возвращаться в отечество. Возвратился из Парижа и царь Александр I.

Двадцать седьмого июля в Павловске, близ Царского Села, в честь заключения мира с Францией было устроено пышное придворное празднество.

Вид Павловского парка и дворца.
Литография А. Мартынова. Около 1820 г.

Посмотреть на это празднество повели и лицеистов.

Четыре версты, отделявшие Павловск от Царского Села, шли по жаре пешком. Но шли охотно. Не часто доводилось им видеть подобное зрелище.

Вот и Павловский дворец. За ним — только что возведенные триумфальные ворота, небольшие, из невысоких лавровых деревьев. На воротах надпись, два стиха, обращенные к «герою» Александру I:

Тебя, текуща нынче с бою,
Врата победны не вместят.

За воротами — главное место празднества, специально построенный для столь торжественного случая «розовый павильон», большущая зала, сверху донизу украшенная гирляндами из искусственных роз.

Празднество началось со спектакля. Тут же на лугу, возле «розового павильона», разыгрывали аллегорическое представление на слова Батюшкова и других известных поэтов. Декорацией служили живая зелень сада да изображенные на задней стенке павильона окрестности Парижа, Монмартр с его ветряными мельницами. Их нарисовал знаменитый театральный художник Карло Гонзаго.

Гремел военный оркестр, далеко разносились на открытом воздухе голоса солистов и хора. В представлении участвовали лучшие петербургские певцы, танцоры, драматические артисты.

После представления в «розовом павильоне» был устроен бал. Лицеистов, чтобы не мешали, провели на галерею, окружавшую зал, откуда и наблюдали они за танцующими парами.

Придворных и гвардейцев угощали ужином. Лицеистам ничего не дали — ни яблока, ни стакана воды.

Когда празднество окончилось и царская фамилия удалилась, начался еще «спектакль» — разъезд гостей. Множество сановников и вельмож, целая толпа «важных лиц», нетерпеливо оглядываясь, ожидали свои кареты.

Вдруг раздался крик:

— Холоп! Холоп!

Кто-то из вельмож звал своего слугу.

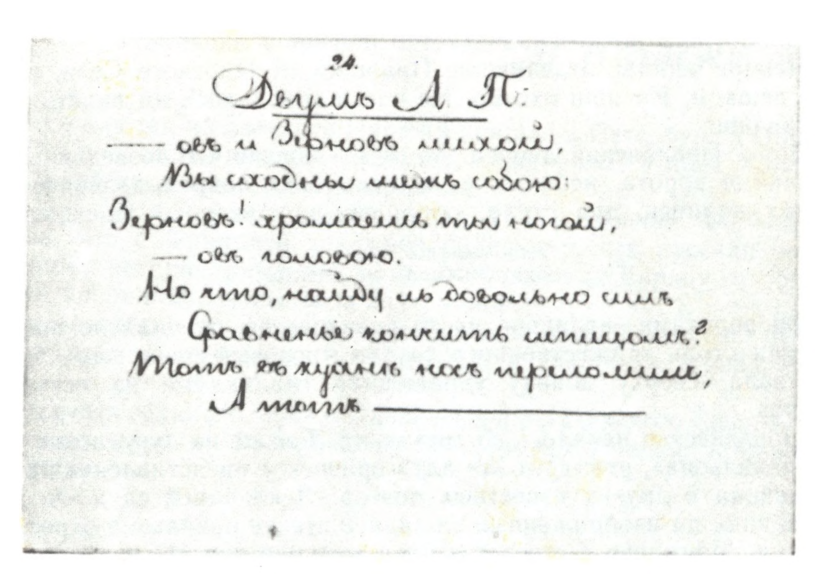
И опять:

— Холоп! Холоп!

Лицеисты переглянулись.

«Как дико и странно звучал этот клич из времен царей с бородами, в сравнении с тем утонченным европейским праздником, которого мы только что были свидетелями», — вспоминал один из лицеистов.

Утомленные и голодные, возвратились воспитанники пешком в Лицей, наскоро поужинали и разбрелись по своим комнатам.

24.
Двумъ А. П.:
—— овъ и Зерновъ лихой,
Вы сходны межъ собою:
Зерновъ! хромаешь ты ногой,
—— овъ головою.
Но что, найду ль довольно силъ
Сравненье кончить шпицомъ?
Тотъ въ кухнѣ носъ переломилъ,
А тотъ ————

Эпиграмма Пушкина на Александра I.
Страница рукописного «Собрания лицейских стихотворений». 1813 г.

Пушкин, лежа в постели, долго перебирал в уме все события прошедшего дня. Ему вспоминались представление, бал, на котором располневший, улыбающийся царь танцевал в красном кавалергардском мундире, маленькие триумфальные ворота с высокопарной надписью. Эти ворота особенно занимали Пушкина. «Тебя, текуща нынче с бою, врата победны не вместят...»

Пушкину вдруг пришла в голову забавная мысль. Он вскочил, схватил перо и, стоя босиком у конторки, принялся рисовать уверенно и быстро.

Прошло несколько минут, и рисунок был готов. К триумфальным воротам в Павловске приближается шествие. Среди идущих замешательство. Некоторые видят, что маленькие «врата победны» действительно не вместят располневшего в Париже царя, и бросаются их ломать.

Рисунок был смешон. Царь и многие из свиты похожи.

Карикатура пошла по рукам. Автора искали, но так и не нашли. Пушкин, конечно, помалкивал.

Это была не первая его насмешка над российским самодержцем. В Лицее и за его пределами уже ходила его эпиграмма на

двух Александров Павловичей: Романова — царя и Зернова — лицейского помощника гувернера.

Романов и Зернов лихой,
    Вы сходны меж собою:
Зернов! хромаешь ты ногой,
    Романов головою.
Но что, найду ль довольно сил
    Сравненье кончить шпицом?
Тот в кухне нос переломил,
    А тот под Австерлицом.

„Безначалие"

После смерти Малиновского началась та эпоха лицейской жизни, которую Пушкин в плане своей биографии назвал «Безначалие».

Строгий, дельный распорядок, установленный первым директором, пошатнулся. «Тебе, пожалуй, представится странным, если я скажу, что мы — мы в Лицее — ведем очень рассеянную жизнь, — писал Кюхельбекер сестре, — быть может это кажется только в сравнении с нашей предшествующей монашеской жизнью. Теперь нам разрешается гулять одним со своими родителями, нас часто приглашают к обеду профессора или инспектор; — все это еще не рассеяние. Но так как у нас нет директора, а один из наших профессоров оставил нас по болезни, другие же часто прихварывают, и теперь никаких предметов дальше не проходят, а ввиду предстоящего публичного экзамена, повторяют — ты можешь убедиться, что в нашей республике царствует некоторый беспорядок, который еще умножается разногласиями наших патрициев».

Беспорядок в «лицейской республике» (теперь уже не «монастырь», а «республика») был основательным.

После смерти Малиновского должность директора исполнял профессор Кошанский. Ему помогали Куницын и Фролов — новый надзиратель по учебной и нравственной части. Но едва принялись они за дело, как выяснилось, что и втроем не способны заменить одного Василия Федоровича. К тому же Кошанский вскоре тяжело заболел и уехал из Царского Села в Петербург лечиться.

Тогда Разумовский предписал Конференции — совету профессоров — управлять Лицеем. Тут и начались между «патрициями» те разногласия, о которых говорит в своем письме Кюхельбекер.

Пушкин о частых переменах в управлении Лицеем сочинил басню.

Ф.-Л. Гауэншильд.
Литография с рисунка О. Кипренского.

Мужик, похоронивший отца, заставляет попа служить по нему панихиду за панихидой. И душа отца, которая до этого пребывала в покое, от излишнего усердия заботящихся о ней пошла по рукам всех чертей.

Одним из тех чертей, в руках которых за время «безначалия» побывал Лицей, был и Гауэншильд — «сатана с лакрицей за зубами». И его назначил Разумовский исполнять обязанности директора.

Вместе с ним и после него управлял Лицеем надзиратель по учебной и нравственной части Степан Степанович Фролов.

Ты был директором Лицея,
Хвала, хвала тебе, Фролов!
Теперь ты ниже стал пигмея,
Хвала, хвала тебе, Фролов!

Таким припевом кончался каждый куплет «национальной» песни в честь Фролова.

Подполковник Фролов попал в Лицей по «мощному слову» все-

сильного Аракчеева. До Лицея Фролов служил в Кадетском корпусе, и ему хотелось на новом месте завести такие же порядки. Он заставлял провинившихся становиться на колени; читать молитву приказывал построившись в три ряда; наверх, в спальни, пускал лишь по особым билетам. Он мечтал Лицей превратить в казарму. Да не тут-то было! Питомцы Малиновского откровенно смеялись над его невежеством, над тем, что с учителем фехтования Вальвилем говорил он только на ломаном французском языке, называл героя трактата Руссо «Эмиль» женским именем — Эмилия, приводил такие примеры из корана, или алкорана, — священной книги мусульман, — каких там не было.

Лицеисты выведали о Фролове все — даже то, что он мечтал получить медаль за участие в войне 1812 года, хотя сам не воевал, а сидел в своем имении Лонка. Когда же французы приблизились, — бежал.

В «национальной» песне ничего не было забыто:

Кадетских хвалишь грамотеев,
Твой друг и барин Аракчеев;

«Заяц на ловле». Заяц — Фролов — выпрашивает медаль у леопарда — Разумовского.
Карикатура А. Илличевского из журнала «Лицейский мудрец», 1815 г.

Французским забросал Вальвиля,
Эмилией зовешь Эмиля.
Медали в вечной ты надежде,
Ты математиком был прежде. . .
Хотел убить Наполеонку
И без штанов оставил Лонку.
Кадет секал на барабане,
Статьи умножил в Ал-Коране.

Как ни старался Фролов прибрать воспитанников к рукам, как ни орал на них басом, его никто не слушал и никто не уважал. Один только Горчаков, для которого чины и ордена значили весьма много, писал своему дядюшке: «Степан Степанович Фролов, подполковник, кавалер орденов св. Анны 2-й степени и св. Владимира 4-й степени, почтенный человек, очень ко мне благосклонный». Большинство же лицеистов думали о Фролове иначе.

Частая смена начальства, неурядицы, беспорядок, бесхозяйственность надоели воспитанникам. «Дай бог, чтобы скоро дали нам директора», — писал Кюхельбекер сестре.

„Гогель-могель“

Во время «безначалия» произошло событие, вошедшее в лицейские летописи под названием «гогель-могель».

Случилось это осенью 1814 года. Осень вообще бывала для лицеистов самым унылым временем. Погода портилась, прогулки сокращались. Оживление, царившее летом в «казенном городке», сменялось тишиной и безлюдьем. «Осень на нас не на шутку косо поглядывает, — писал Илличевский своему приятелю Фуссу. — Эта дама так сварлива, что с нею никто почти ужиться не может. Все запрется в дому, разъедется в столицу или куда кто хочет; а мы, постоянные жители Села, живи с нею. Чем убить такое скучное время?»

Уехали знакомые, исчезли в парке гуляющие, умолкла у гауптвахты полковая музыка, в дворцовых коридорах не мелькали больше разодетые фигуры придворных. Укатил царский двор. И, что особенно огорчало Пушкина, вместе с фрейлиной, княжной Волконской, уехала ее миловидная горничная, молоденькая Наташа.

По Наташе вздыхал не один лицеист. Вздыхал по ней и Пушкин:

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;

Уголок Екатерининского парка.
Фотография.

Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа, где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней-позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимний
Рощу, поле посетит;

Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

Лицеисты загрустили.

И тут кому-то из трех друзей — Пущину, Малиновскому или Пушкину — пришло на мысль устроить пирушку, полакомиться «гогель-могелем». Рецепт они знали. Уговорили дядьку Фому купить бутылку рому, яиц, сахару. Забрались в одну из спален, притащили тайком кипящий самовар, и работа началась...

Когда все было готово, сбегали в залу и потихоньку позвали товарищей.

Что было дальше, Пушкин вскоре описал в своем послании к Пущину:

В парке осенью.
Фотография.

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом пенистом вине?

Как, укрывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Вакхом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали...

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Все раскрылось из-за излишней веселости Тыркова. Этого добродушного туповатого малого (его лицейское прозвище было «Кирпичный брус») так разобрало от выпитого пунша, что он стал не в меру шумлив и весел.

Его необычное поведение заметил дежурный гувернер, увидел странную беготню и доложил Фролову.

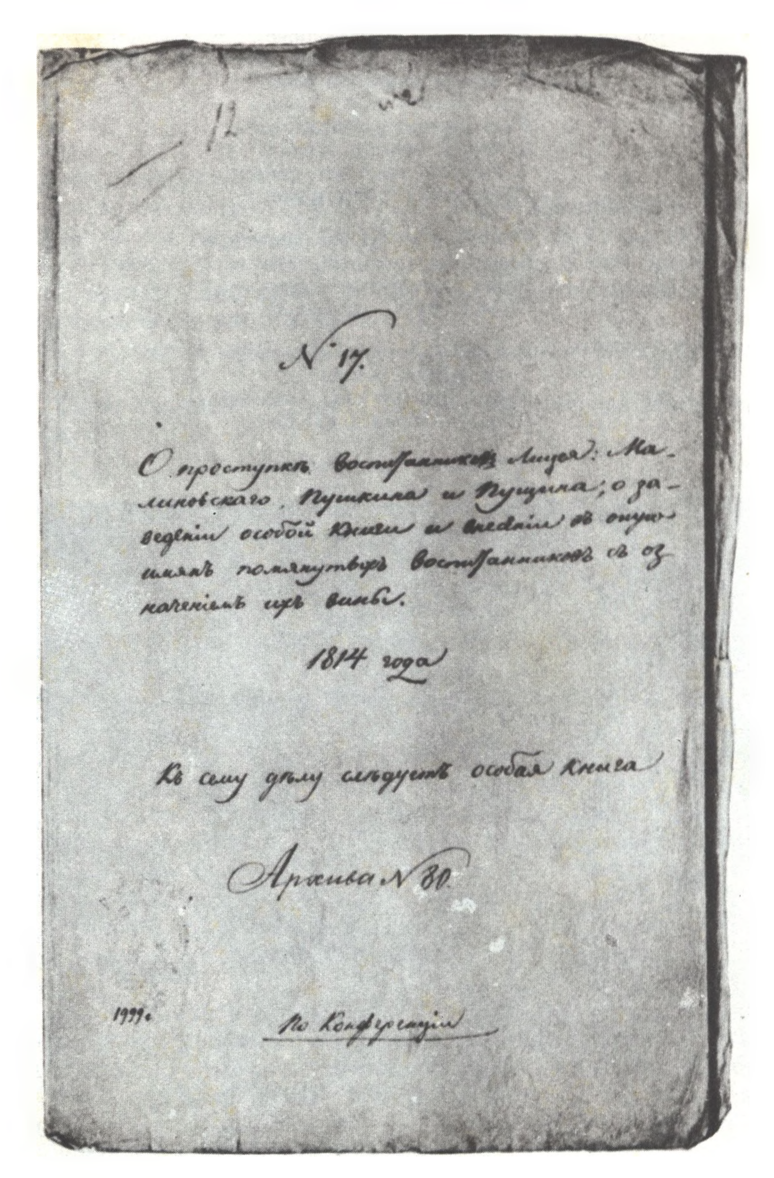
После ужина началось разбирательство.

Собрав в зале воспитанников, Фролов держал речь. Он охал, ахал, в самых мрачных красках расписывал, сколь губительны для юношества невоздержанность и пьянство. Приводил примеры. Ссылался на алкоран — мусульмане не пьют вина.

Кто же все-таки зачинщики? Если они не признаются, он накажет всех.

Пушкин, Пущин и Малиновский, чтобы не подвести товарищей, взяли вину целиком на себя.

Гауэншильд из подлости, Фролов из тупости поспешили донести обо всем министру. Министр потребовал объяснения у Конференции. Конференция запросила о случившемся Фролова. Тот сообщил: «На полученное мною от 5-го октября за № 85 Отношение, которым требует Конференция подробного изъяснения вины воспитанников Лицея Малиновского, Пущина и Пушкина, сим честь имею объяснить: что во время моей отлучки на одни сутки прошедшего месяца 5-го числа в С.-Петербург для некоторых личных донесений Его Сиятельству

№ 17.

О проступкѣ воспитанниковъ Лицея: Малиновскаго, Пушкина и Пущина; о заведенiи особой книги и внесенiи въ оную имянъ помянутыхъ воспитанниковъ съ означенiемъ ихъ вины.

1814 года

Къ сему дѣлу слѣдуетъ особая книга

Архива № 80.

1999.

По Конференцiи

Дело о гогель-могеле.
Обложка.

Господину Министру Народного Просвещения, вышеупомянутые воспитанники уговорили одного из служителей принести им в их камеры: горячей воды, мелкого сахару, сырых яиц и рому; и когда было все оное принесено, то отлучились без позволения дежурных гувернеров из залы в свои камеры, где из резвости и детского любопытства составляли напиток под названием: гогель-могель, который уже начинали пробовать. Как в самое то же время узнали, что я возвратился и пришел в зал, где и они уже находились; но я, немедленно узнав об их поступке, исследовал подробно и, найдя их виновными, наказал в течение двух дней во время молитв стоянием на коленях, о чем и донесено мною лично Его Светлости».

Прочитав донесение Фролова, Разумовский не согласился со столь мягким наказанием. Он примчался в Лицей, метал громы и молнии. «Преступники, — заявил он, — понесут строгую кару. Какова она будет, решит Конференция Лицея».

Конференция решала долго. Тем временем один из «преступников» — воспитанник Пушкин — заболел простудою и был уложен в лицейскую больницу.

В больнице у доктора Пешеля

Лицейская больница во втором этаже была невелика. Заведовал ею доктор Франц Осипович Пешель. В 1811 году, когда открылся Лицей, было ему двадцать девять лет. Незадолго до этого его вывез из Моравии на русскую службу министр внутренних дел князь Куракин. Так словак Пешель стал софийским уездным лекарем. Софией называлось предместье Царского Села.

Жил Пешель тут же, лечил весь высший свет «казенного городка». Приезжая в Лицей, привозил он воспитанникам царскосельские новости, происшествия, анекдоты. Он не очень правильно говорил по-русски, но был веселым собеседником. Словечки и выражения «нашего знаменитого Пешеля» (он, например, говорил «чинить» вместо «лечить») запомнились на всю жизнь.

Лицеисты любили добряка доктора, но не забывали его в своих эпиграммах и «национальных» песнях.

Известный врач Глупон
Пошел лечить Дамета; —
Туда пришедши, вспомнил он,
Что нету с ним ни мази, ни ланцета;

Предполагаемый портрет Ф. О. Пешеля.
Рисунок-шарж неизвестного художника.
20-е годы XIX века.

Лекарства позабыв на этот раз,
Дамета тем от смерти спас.

Однажды Лицей взбудоражило неожиданное известие. Оказалось, что дядька Константин Сазонов, надзирающий за воспитанниками,— разбойник. Он совершил в Царском Селе и в его окрестностях несколько убийств. Злодея схватили и предали суду. Пушкин сочинил эпиграмму, в которой для красного словца вместе с Сазоновым помянул и Пешеля.

Заутра с свечкой грошевóю
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим.

Это была, конечно, только шутка. Пешель в Лицее никого не уморил. Койки лицейской больницы обычно пустовали. Свежий воздух, режим, правильное питание, гимнастические упражнения, чистота белья и тела благотворно влияли на здоровье воспитанников. Доктор Пешель весьма справедливо говорил, что для здоровья самое важное: «спокойствие души, телесные упражнения, диэта как качественная, так и количественная, вода».

Пушкин обладал хорошим здоровьем.

Все же за шесть лицейских лет он несколько раз попадал в больницу. Чаще всего с простудою, как-то — с опухолью шейных желез. А бывало, что с «ушибом щеки», «ушибом руки», просто ушибом, с головною болью — диагнозами не слишком серьезными. Пушкин, как и его товарищи, не прочь был денек-другой понежиться в постели, поесть крепкого бульона, поболтать с доктором Пешелем, который одинаково охотно лечил и настоящих больных и мнимых.

В октябре 1814 года, вскоре после истории с «гогель-могелем», когда Пушкин попал в лицейскую больницу с простудою, он захватил с собой книги, бумагу, перья и, лежа в постели, не тратил время попусту — читал, сочинял стихи.

Товарищи его навещали.

Однажды он попросил, чтобы вечером пришли все: он хочет прочитать свои новые стихи.

После вечернего чая шумная ватага воспитанников вместе с гувернером Чириковым явилась в больницу. Когда все разместились на стульях, кроватях и подоконниках и наступила тишина, Пушкин вынул исписанные листки и, не глядя в них, начал:

Друзья! Досужный час настал;
    Все тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал!
    Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле,
    Друзья! почто же с Кантом
Сенека, Та́цит на столе,
    Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
    Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
    Без них мы пить умеем.

Лицеисты слушали с все возрастающим интересом. Ведь речь шла о них. На самом деле, им запрещают пировать, но кто запретит пировать в стихах?

Ужели трезвого найдем
    За скатертью студента?
На всякий случай изберем
    Скорее президента. . .

«Пирующие студенты», стихотворение Пушкина.
Автограф.

У них республика — «лицейская республика», а где республика, там и президент.

Апостол неги и прохлад,
    Мой добрый Галич, vale!
Ты Эпикуров младший брат,
    Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
    Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Все слушали затаив дыхание. Вдруг Пушкин обернулся, протянул руку Дельвигу и воскликнул:

Дай руку, Дельвиг! Что ты спишь?
    Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
    Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
    Бутыль вином налита,
За здравье нашей музы пей,
    Парнасский волокита.
Остряк любезный! по рукам!
    Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
    На недруга и друга.

Пушкин выдержал паузу, обвел взглядом присутствующих и остановился на ухмыляющейся физиономии силача и буяна — графа Сильверия Брольо:

А ты, красавец молодой,
    Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
    На прочее — завеса!

После Брольо наступила очередь Ивана Пущина.

Товарищ милый, друг прямой,
    Тряхнем рукою руку.
Оставим в чаше круговой
    Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
    Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
    И тотчас помиримся.

Эти строки звучали особенно задушевно. Пушкин любил Жанно, очень любил... Дальше было о Яковлеве:

А ты, который с детских лет
    Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
    Хоть плохо басни пишешь;

С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок! бог с тобою!

Не забыл Пушкин и лицейского «казака» — Ивана Малиновского:

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В казачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова! . .

Голос поэта звучал все тише. Стихотворение подходило к концу.

Но вот Пушкин смешно зажмурился, сделав вид, будто от выпитого вина у него кружится голова.

Но что? . . Я вижу всё вдвоем;
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком. . .
Где вы, товарищи? Где я?
Скажите, Вакха ради. . .
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради. . .

Кто-то прыснул. Кто-то хотел зааплодировать. Кюхельбекер сердито шикнул — тише! Мешают слушать, а он и так глуховат.

Опять стало тихо. И вдруг в наступившей тишине нежданно-негаданно прямо к Кюхле:

Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Что тут началось! . . Все оставили поэта и набросились на Кюхлю. Тормошили его, хохотали, повторяя последние слова Пушкина. А Кюхельбекер — добрая душа, нимало не обиделся. Он был в восторге от «Пирующих студентов» и, освободившись от наседавших на него шалунов, подошел к Пушкину и попросил его еще раз прочитать все с начала до конца.

Пушкин недолго пролежал в лицейской больнице. А когда вышел, — узнал, каково наказание за «гогель-могель».

Конференция постановила, чтобы виновные, во-первых, в течение двух недель выстаивали на коленях утреннюю и вечернюю молитвы,

во-вторых, были смещены на время за обеденным столом на последние места, и, в-третьих, — занесены «с прописанием виновности и приговора» в черную книгу.

Дядьку Фому уволили из Лицея.

Таково было премудрое решение начальства.

«Вообще это пустое событие, — писал Пущин, — (которым, разумеется, нельзя было похвастать)... могло окончиться домашним порядком, если бы Гауэншильд и инспектор Фролов не задумали формальным образом донести министру».

Прошло немного времени, и история с «гогель-могелем» стала забываться. Тем более, что все в Лицее были заняты другим: воспитанникам предстояли вскоре публичные экзамены при переходе с начального курса на окончательный.

„В садах Лицея“

Из-за беспорядка, безначалия с экзаменом опаздывали. Должны были провести его в октябре 1814 года, а перенесли на январь следующего, 1815-го.

«Знаешь ли что? — писал Илличевский Фуссу. — И мы ожидаем экзамена, которому бы давно уже следовало быть и после которого мы перейдем в окончательный курс, то есть останемся в Лицее еще на три года».

Готовиться к экзамену начали заблаговременно. Разумовский строго-настрого приказал Конференции Лицея, чтобы все было чинно, гладко, заранее подготовлено и отрепетировано.

Конференции и самой не хотелось ударить лицом в грязь. Но чем бы удивить высокопоставленных гостей?

Ответы на вопросы, чтение рассуждений на заранее данные темы — все это было обычным в подобных случаях. И было решено, чтобы профессор Галич уговорил воспитанника Пушкина написать к экзамену стихотворение. Что-нибудь торжественное. Лучше всего — оду.

Выслушав предложение Галича, Пушкин сначала наотрез отказался. Сочинять к экзамену оду и читать ее публично? Вдохновляться по заказу? Ни за что! Он терпеть не может од, а тем более заказных. И о чем писать? О великих деяниях министра Разумовского?

Но Пушкин любил Галича, а Галич был красноречив.

О чем писать? Пусть Пушкин оглянется вокруг. Он в Царском Селе. Здесь на каждом шагу памятники русской славы. Неужели он

равнодушен к героическому прошлому родного народа? Неужто оно ничего не говорит его воображению и сердцу?

После длительных уговоров Пушкин наконец согласился. Хорошо, он напишет к экзамену стихи. Но о чем писать, было все же неясно.

Теперь он подолгу бродил по осеннему царскосельскому парку, погруженный в свои мысли.

Если бы Галич попросил его написать стихи о лицейской жизни, тут не пришлось бы задумываться. Можно было бы, например, описать, как три раза в день строили их парами и водили в этот парк подальше от дворца, на Розовое поле. Розовым это поле было только по названию. Когда-то, при Екатерине II, здесь действительно росли и благоухали розы, но они перевелись. Осталось лишь название да окруженная деревьями просторная лужайка, очень удобная для игр и беготни. Здесь разрешалось им резвиться.

Розовое поле в Екатерининском парке.
Фотография.

Большой пруд и Камеронова галерея.
Литография. 20-е годы XIX века.

Вы помните ль то Розовое поле,
Друзья мои, где красною весной,
Оставя класс, резвились вы на воле
И тешились отважною борьбой?

Боролись все, кроме Дельвига. Он предпочитал стоять в стороне и наблюдать. Особенно интересно было смотреть, когда боролись Комовский и граф Сильверий Брольо. Начинал всегда Комовский. Искоса поглядывая на силача Брольо, он будто невзначай задевал его. Тот не оставался в долгу, и борьба начиналась.

Граф Брольо был отважнее, сильнее.
Комовский же проворнее, хитрее;
Не скоро мог решиться жаркий бой.
Где вы, лета забавы молодой?

Можно было бы рассказать в стихах и о том, что весною, зимою, осенью, когда «августейшее семейство» не жило в Царском Селе, парк принадлежал им, лицеистам. Тогда-то они беспрепятственно носились повсюду, не боясь наткнуться где-нибудь в аллее на сутуловатую,

Пушкин-лицеист в парке.
Рисунок Н. Ульянова. 1936 г.

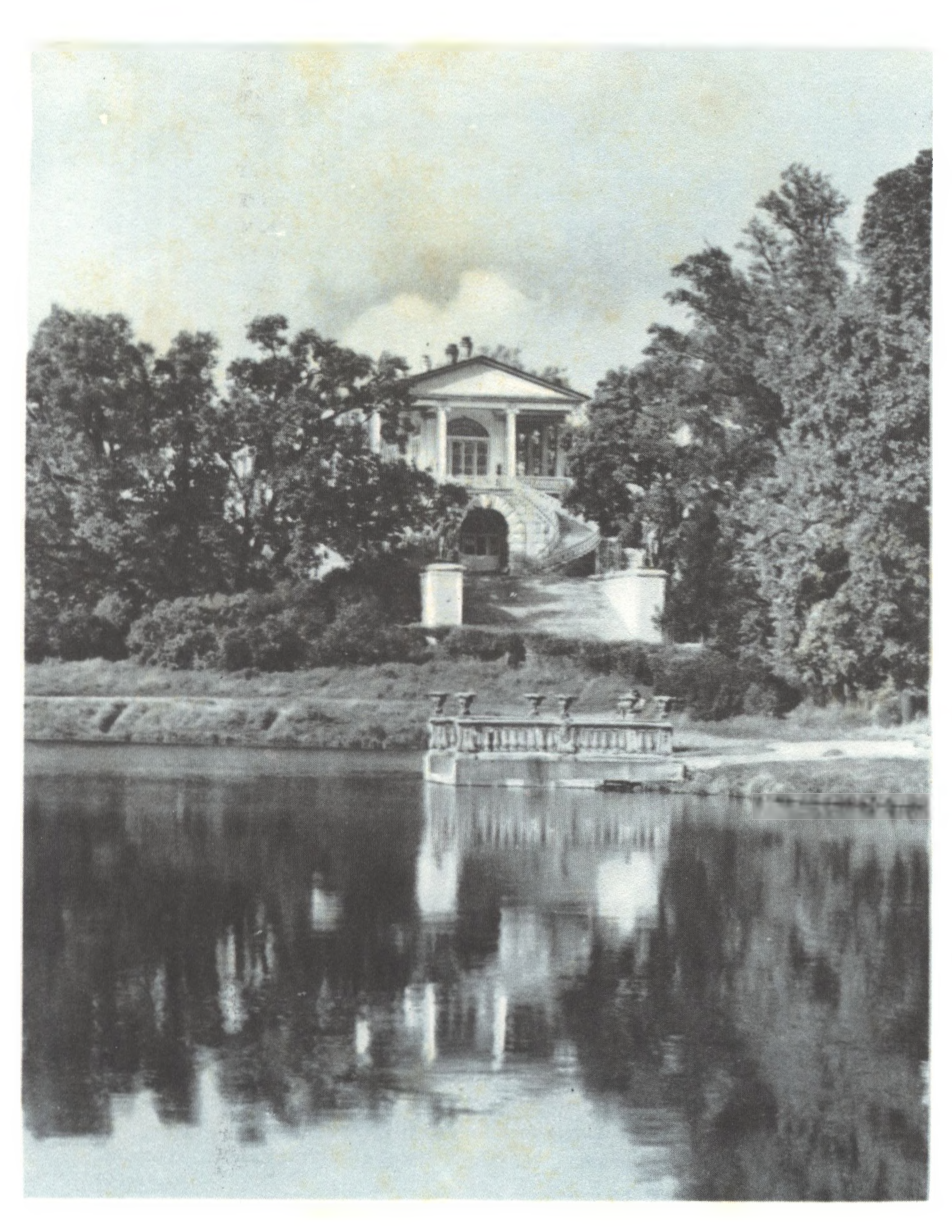
грузную фигуру царя. Они бегали по лужайкам, гонялись взапуски по мостикам, забирались в беседки и гроты, проникали в самые отдаленные уголки всех трех парков — Екатерининского, Александровского и Баболовского.

Он, Пушкин, не отставал от товарищей, но больше любил один, захватив с собой книгу, сидеть где-нибудь в траве на берегу озера, смотреть, как по зеркальной глади неторопливо скользят белоснежные лебеди, читать, мечтать, сочинять. . .

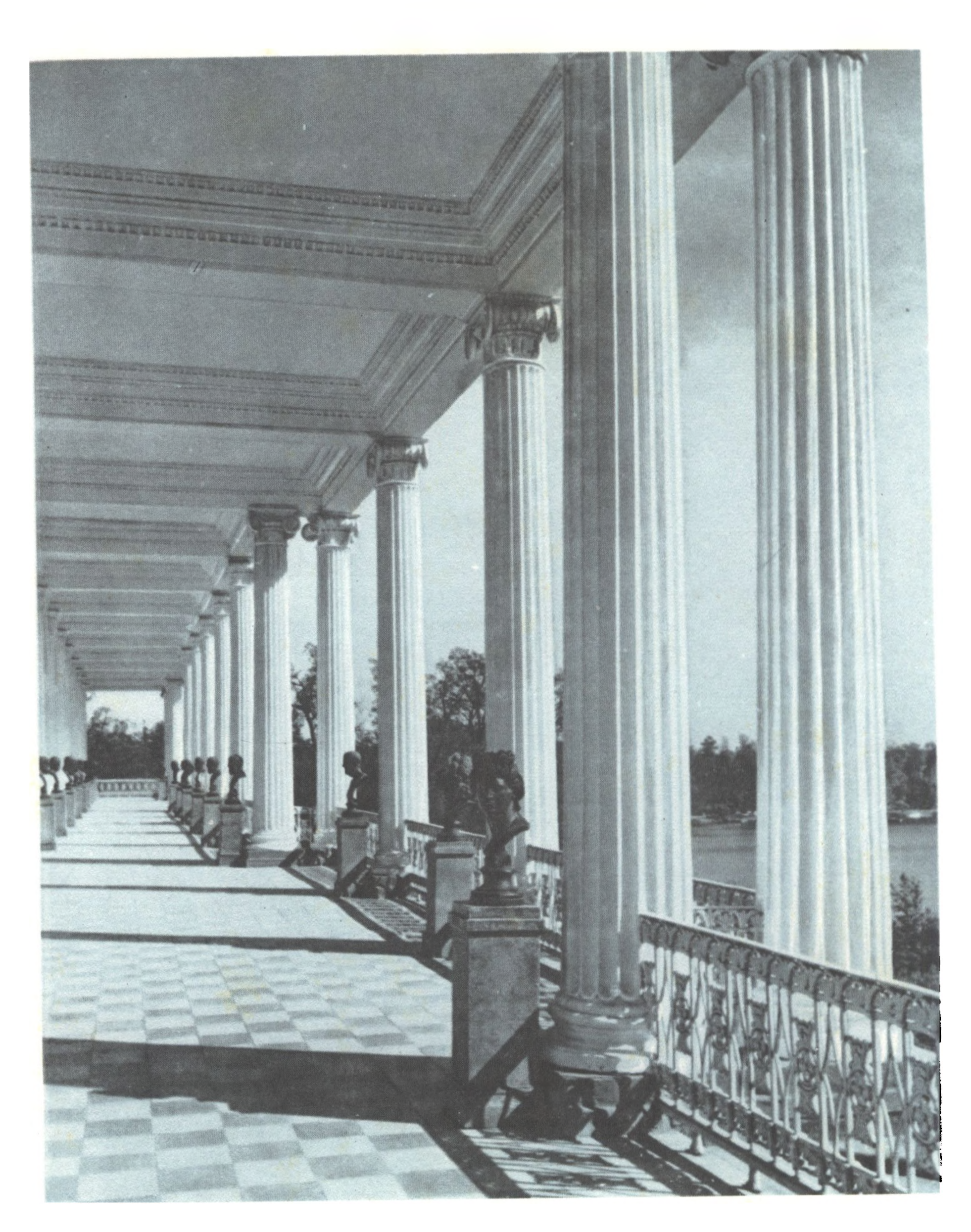
Люблю с моим Мароном [1]
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,

---

[1] Марон (Публий Вергилий Марон) — знаменитый римский поэт, автор поэмы «Энеида».

Камеронова галерея.
Фотография.

На Камероновой галерее.
Фотография.

Где лебедь белоснежный,
Оставя злак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.

Любил он и другое — одним духом взлететь по широким каменным ступеням возвышающейся близ озера Камероновой галереи на самый ее верх.

Белые стройные колонны... В тени их бронзовые бюсты: боги Олимпа, философы Древней Греции, поэты и императоры Древнего Рима...

Он пытливо вглядывался в темные лица. Он знал их наперечет, всех и каждого. Ведь это о них так увлекательно рассказывал профессор Кошанский.

Летом на галерее бывало прохладно, осенью сухо и не слишком ветрено. Прекрасный вид открывался с высоты: окаймленное полоской прибрежных кустов, спокойно сияло озеро. На одном из извилистых берегов его, среди высоких деревьев, виднелись красные кирпичные стены затейливого «Адмиралтейства» с зубчатыми башенками и стрельчатыми окнами. К другому берегу зеленым ковром живописно спускался холмистый луг с разбросанными по нему кудрявыми купами деревьев. А дальше — волновалось и шумело зеленое море огромного парка.

Там, под сенью ветвей, зябко белели обнаженные мраморные статуи. Там было таинственно и чудесно, как в сказке... И снова веяло обаятельным миром древности.

Но было и другое среди этих аллей. Пожалуй, именно в нем следовало искать ответа на томивший его вопрос: о чем писать?

Большой дворец, Эрмитаж, Камеронова галерея, «Адмиралтейство», Морейская колонна, Чесменская колонна, Кагульский обелиск... Все эти чертоги и памятники, щедро разбросанные в лицейских садах, возвращали из области мифов и легенд в ощутимый и реальный мир Царского Села, где причудливо переплелись и история России, и взлеты ее славы, и безудержные прихоти ее самодержавных властителей.

Пушкину вспоминалось уже не однажды слышанное.

Некогда здесь, на месте садов и чертогов, стояла на горе, среди лесов и пустошей, одинокая финская усадьба под названием «Саари-Мойс», что по-русски значило «возвышенная местность». Земля, на которой стояла эта мыза, и весь лесистый, болотистый край близ Финского залива принадлежал издревле Великому Новгороду. Но в начале семнадцатого века захватили край шведы. Петр I отвоевал его обратно

Большой дворец в середине XVIII века.
Гравюра с рисунка М. Махаева.

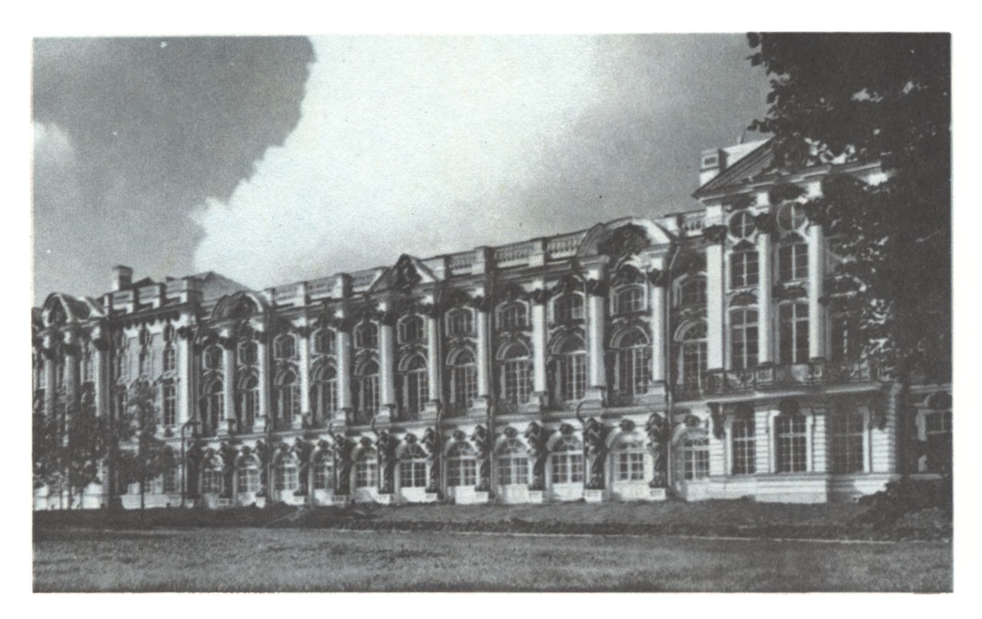
и повелел в устье реки Невы заложить морской город Петербург. А Саарскую мызу, что близ Петербурга, подарил своей жене Екатерине I. С той поры и началась история Царского Села, которое вначале именовалось Сарским. Чтобы заселить пустынный край близ царицыной мызы, стали силой пригонять сюда из разных российских волостей крестьянские семьи, умельцев-мастеров: плотников, каменщиков, печников. Пригоняли их с умыслом. В 1718 году начали на Саарской мызе строить «каменные палаты о шестнадцати светлицах» — небольшой дворец для Петра I и его жены. У дворца на искусственно насыпанных земляных уступах насадили сад с цветниками. В саду вырыли пруды и каналы. В лесу близ дворца прорубили дороги — просеки и, отгородив изрядный участок леса, загоняли туда зверей: лосей, зайцев, кабанов, оленей. Это был зверинец для царской охоты. При Петре I на Саар-

ской мызе все было просто и скромно. Но когда на престол вступила дочь Петра — Елизавета, — все здесь изменилось. Скромная мыза стала Царским Селом, где жила царица, где принимали послов, где все говорило о славе и мощи Российской империи. Тогда-то, будто по волшебству, вырос в Царском Селе дворец, был разбит парк.

Пушкин медленно проходил вдоль фасада Большого дворца. Вот он — бесконечно длинный, лазоревый, с белыми колоннами, зеркальными окнами, множеством лепных украшений...

Во времена Елизаветы дворец был еще великолепнее. Его бесчисленные украшения сверкали золотом. Шесть пудов, семнадцать фунтов и два золотника настоящего червонного золота ушло на их позолоту.

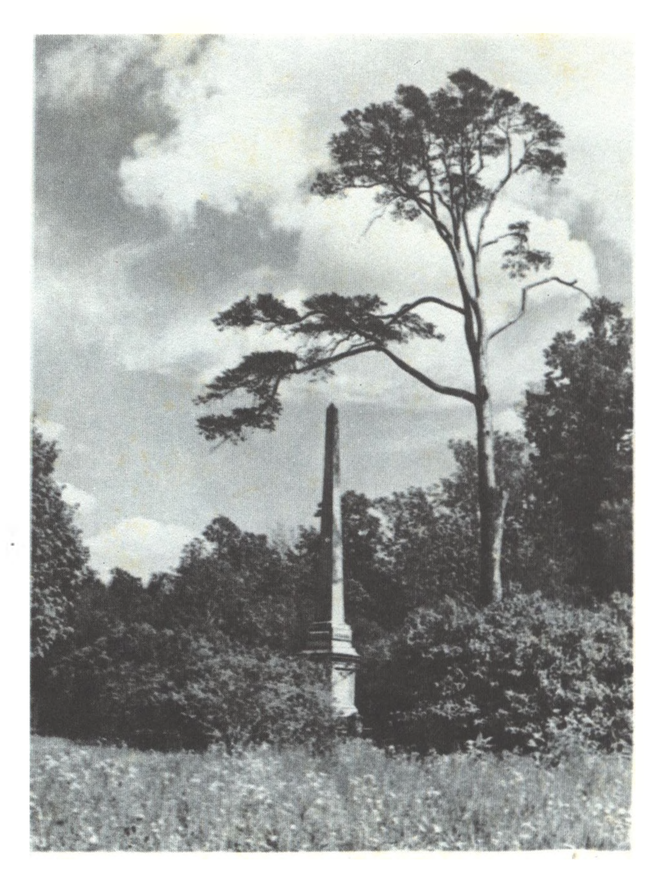
Большой, или Екатерининский, дворец со стороны парка.
Фотография.

Лицеисты прекрасно знали историю Большого дворца. В одном письме воспитанник Матюшкин рассказал: «Царскосельский дворец построен в 1744 году графом Растрелли, напоминает век Людовика XIV, век вкуса и роскоши, и, несмотря, что время истребило яркую позолоту, коею были густо покрыты кровли, карнизы, статуи и другие украшения, все еще может почесться великолепнейшим дворцом в Европе. Еще видны на некоторых статуях остатки сей удивительной роскоши, представленные дотоле одним внутренностям царских чертогов. Когда императрица Елизавета приехала со всем двором своим и иностранными министрами осмотреть оконченный дворец, то всякий, пораженный великолепием его, спешил изъявить государыне свое удивление; один французский министр, маркиз де ла Шетарди, не говорил ни слова. Императрица заметила его молчание, хотела знать причину его равнодушия, и получила в ответ, что он не находит здесь главной вещи — футляра на сию драгоценность».

Большой дворец изумлял внутри еще больше, чем снаружи: мрамор, золото, драгоценные камни, янтарь, зеркала, бронза, статуи, картины, гобелены, фарфор... Залы и комнаты одна другой богаче...

Чесменская колонна.
Фотография.

Кагульский обелиск.
Фотография.

Но время шло, и вкусы менялись. Затейливый барокко — любимый стиль Растрелли — стал казаться вычурным. Его сменил классицизм, подражание античной древности, стиль благородный, строгий, изящный и сдержанный. И новая владелица Царского Села — лицемерная, хитрая Екатерина II, «Тартюф в короне и в юбке» — решила показать всему свету, что она идет в ногу со временем. Облик Царского Села стал меняться. Исчезла с фасада Большого дворца слепящая позолота, а целый ряд покоев был перестроен и отделан заново, уже в классическом стиле. Это выполнил замечательный зодчий Ка-

Морейская колонна.
Фотография.

мерон. Тот самый, что построил рядом с дворцом легкую, как античный храм, прозрачную галерею.

Изменились и обширные царскосельские сады. Им был придан вид приятной естественности. Теперь, выйдя из дворца, можно было любоваться не только правильными рядами парадных аллей, но и ручейками, лугами, пригорками, рощицами — природой натуральной и в то же время изящной. И здесь же возводили разнообразные строения, воздвигали обелиски, колонны — памятники славы.

Вот они, эти памятники... Посредине озера, будто вырастая из

самых вод его, поднялась украшенная рострами — носами кораблей — розовая мраморная колонна. На вершине ее бронзовый российский орел. Он ломает когтями полумесяц — эмблему Турции. Колонну зовут Чесменской. В Чесменской бухте Эгейского моря российские военные корабли уничтожили в сражении многочисленный флот Турции.

О победах над Турцией говорят и Кагульский обелиск, что стоит на лугу близ Большого дворца, и Морейская колонна. Надпись на ней кончается словами: «. . .крепость Наваринская сдалась Бригадиру Ганнибалу. Войск российских было число шестьсот человек, кои не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он. В плен турков взято шесть тысяч».

Бригадир Иван Абрамович Ганнибал — старший сын «арапа Петра Великого», Абрама Петровича Ганнибала, — приходился Александру Пушкину двоюродным дедом.

Пушкин знал, о чем писать. Он напишет оду «Воспоминания в Царском Селе». Начнет с прошедшего, памятники которого окружают его здесь, в садах Лицея, а закончит настоящим — подвигами российских воинов в недавней войне с Наполеоном Бонапартом.

И пусть Галич не думает, что героизм родного народа ничего не говорит его воображению и сердцу. . .

„Публичное испытание"

Двадцать второго декабря 1814 года к газете «Санк-Петербургские ведомости» было приложено напечатанное на отдельном листке объявление. В нем говорилось: «Императорский Царскосельский лицей имеет честь известить, что 4 и 8 чисел будущего Генваря месяца, от 10 часов утра до 3 пополудни, имеет быть в оном публичное испытание воспитанников первого приема, по случаю перевода их из младшего в старший возраст».

Такое объявление повторялось еще дважды: двадцать пятого и двадцать девятого декабря.

До публичных экзаменов оставались считанные дни, и воспитанники Лицея долгие часы проводили в «проходной» и «длинной». В этих двух больших комнатах третьего этажа, обычно стоя за конторками, готовили уроки. Теперь здесь под присмотром дежурного гувернера зубрили латынь и алгебру, повторяли историю, географию, логику и другие предметы.

Публичное испытание. . . Экзамены в присутствии многочисленной

публики... При одной мысли об этом становилось страшновато. Даже самые беспечные что-то повторяли, учили.

Пушкина не столько тревожили экзамены, сколько волновало предстоящее чтение. Порой он досадовал, что послушался Галича.

«Воспоминания в Царском Селе»... Стихи были написаны и переписаны набело. Он читал их друзьям. Все были в восторге. Всем нравилось и описание «Элизиума полнощного» — северного рая, царскосельского сада, и огромных чертогов, рвущихся к небесам, — Камероновой галереи, и озера, где «плещутся наяды», и Чесменской колонны, и Кагульского обелиска...

А он был неспокоен, сумрачен, молчалив. Но делать нечего. «Назвался груздем — полезай в кузов» — как говаривала няня.

Четвертого января 1815 года публичное испытание в Лицее началось. В этот день экзаменовали по закону божьему, логике, географии, истории, немецкому языку и нравственности.

Во второй день испытаний, восьмого января, предстояло отвечать по латинскому языку, математике, физике и российскому языку. Тогда же должен был читать свое стихотворение воспитанник Пушкин.

Когда утром восьмого января Пушкин с товарищами очутился в лицейском актовом зале, где за длинным столом, покрытым красной суконной скатертью, сидели экзаменаторы во главе с Разумовским,

ОБЪЯВЛЕНІЕ КЪ С. П. Б. ВѢДОМОСТЯМЪ № 102.

1 8 1 4.

Императорскій Царскосельскій Лицей имѣетъ честь извѣстить, что 4го и 8го чиселъ будущаго Генваря мѣсяца, отъ 10ти часовъ утра до 3хъ по полудни, имѣетъ быть въономъ публичное испытаніе Воспитанниковъ перваго приема, по случаю перевода ихъ изъ младшаго въ старшій возрастъ. 1.

Объявление о публичном экзамене воспитанников Лицея.
Приложение к газете «Санкт-Петербургские ведомости», 22 декабря 1814 года

а поодаль в креслах разместилась приглашенная публика, ему невольно вспомнился день открытия Лицея. Каким большим и торжественным казался тогда зал, какой надменно-пугающей—блестящая публика...

Ныне все по-иному. И зал будто уменьшился, и публика попроще. Профессора из Петербурга, знакомые и родственники воспитанников, кое-кто из сановников, любопытствующие жители Царского Села.

Вон его отец Сергей Львович. Вот мать Кюхельбекера Юстина Яковлевна, мать Бакунина, отец Мясоедова, отец Комовского.

Царя в зале не было. Он находился далеко, в Вене, на европейском конгрессе. Как говорилось не без ехидства в лицейском стихотворении:

В конгрессе ныне он трудится
(За красным спит сукном),
Но долго, долго он домой не возвратится.

Отсутствие царя не заботило Пушкина. Он и не думал о нем. Волновало его то, что на экзамене обещал присутствовать Гаврила Романович Державин, знаменитый Державин, патриарх российских поэтов, чьи стихи они с Дельвигом знали наизусть.

Позднее Пушкин вспоминал: «Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу... Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной».

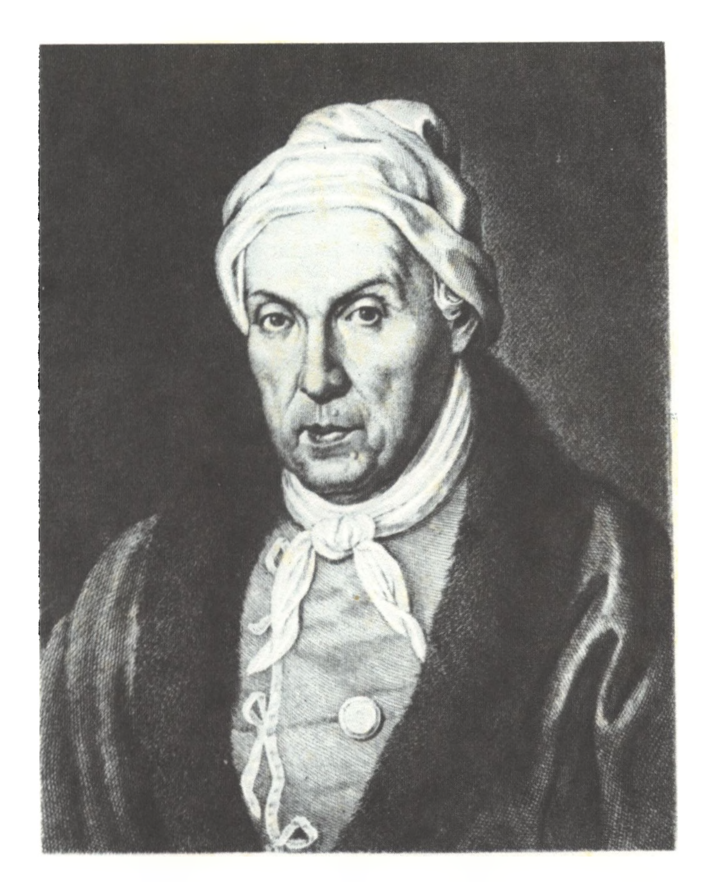
И вот наконец вызвали его — Александра Пушкина.

Он стоит посредине зала в двух шагах от Державина, в тесноватом, давно сшитом парадном мундирчике, белых панталонах в обтяжку, высоких сапожках. Ему радостно и страшно. Он сдает экзамен Гавриле Романовичу Державину на высокое звание российского поэта...

— Воспоминания в Царском Селе...

Его голос дрожит, или это только чудится?

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;

Г. Р. Державин.
Гравюра с портрета работы Васильевского.

Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вдруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополем сплелась младая ива
И отразилася в кристалле зыбких вод;

Пушкинъ, въ лицейскомъ экзаменѣ. Изъ № 9 Державинской тетради 1815.

30.

1.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ.
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ;
Здѣсь вижу съ тополомъ сплелась младая ива
И отразилась въ кристаллѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

С холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой,
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы Росской храмъ?

«Воспоминания в Царском Селе», стихотворение Пушкина.
Беловой автограф из тетради Г. Р. Державина.

Царицей средь полей лилея горделиво
В роскошной красоте цветет.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?

Он читал с необыкновенным воодушевлением. Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер и другие товарищи не спускали с него глаз, затаив дыхание следили за малейшим его движением. Они узнавали и не узнавали своего Пушкина. Он был необычный, какой-то особенный, с пылающим лицом и отсутствующим взглядом затуманенных глаз. И читал он особенно. «Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня», — рассказывал Пущин.

И вот он дошел до стихов о Державине.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнáми громозвучных лир.

«Я не в силах описать состояния души моей; когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...»

Пушкин читал как во сне, ничего не слыша, ничего не замечая. Он не видел ни взволнованного, растроганного лица Державина, ни других восхищенных, удивленных и любопытных взглядов. Ему казалось, что это не он, а кто-то другой произносит звенящим голосом стихи о победах прошедшего, о героях недавних времен, когда пылала Москва и весь русский народ восстал против недругов.

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,

И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Пушкин не помнил, как дочитал.

Державин был в восторге. Сколь мог, торопливо выбрался он из-за стола, чтобы прижать к груди кудрявого раскрасневшегося мальчика, но того уже не было. Он убежал.

После экзамена граф Разумовский, по своему обыкновению, дал пышный обед для почетных гостей. Приглашен был отобедать и Сергей Львович Пушкин. Все поздравляли его с успехом сына. А министр заявил:

— Я бы желал, однако ж, образовать вашего сына к прозе.

— Оставьте его поэтом! — горячо воскликнул Державин.

На другой день, уединившись в своей лицейской келье, Пушкин переписал для Державина «Воспоминания в Царском Селе». Переписывая, заменил он в конце строку. Там, где говорилось о Жуков-

Пушкин на экзамене.
Картина И. Репина. 1911 г.

ском — «Как наших дней певец, славянской бард дружины», — написал по-другому: «Как древних лет певец, как лебедь стран Эллины». Получалось, что и эта строка, и весь конец стихотворения относились не к Жуковскому, а к Державину. Пушкину хотелось порадовать старика.

А Державин еще долго не мог успокоиться. «Воспоминания в Царском Селе», присланные ему Пушкиным, он подшил в особую тетрадь вместе с программой лицейских испытаний. Приезжающим к нему не уставал рассказывать, что «скоро явится свету второй Державин; это Пушкин, который еще в Лицее перещеголял всех писателей».

Весною того же 1815 года «Воспоминания в Царском Селе» были напечатаны в журнале «Российский музеум» с примечанием: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, талант которого так много обещает. Издатель «Музеума».

В этом номере «Музеума» под стихами юного поэта впервые стояла его полная подпись: «Александр Пушкин».

На старшем курсе

ушкин, пожалуйте к доске.

Грузный, черноволосый профессор Карцев неторопливо продиктовал алгебраическую задачу.

— Записали? Решайте.

Пушкин задумался. Он долго переминался с ноги на ногу, молча писал и писал на доске какие-то формулы.

Карцев не выдержал:

— Что же вышло? Чему равен икс?

Пушкин улыбнулся:

— Нулю.

— Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все равняется нулю. Садитесь на место и пишите стихи.

Яков Иванович произнес эту фразу без обычной язвительности. «Все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина», — рассказывал Пущин.

Хотя успехи Пушкина в классе математики и физики были невелики, Карцев не вел с ним войны.

А вот с профессором Кошанским, который после болезни вернулся в Лицей, у Пушкина нередко бывали стычки.

Еще до болезни Кошанского Пушкин и Дельвиг посмеивались над его старомодными литературными вкусами, его любовью к высокопарным и трескучим фразам.

Как-то Илличевский подал профессору оду. Называлась она «Освобождение Белграда». Говорилось в ней о том, как напали печенеги на Белгород киевский и как жителям удалось избавиться от напасти.

Кошанский прочитал эту оду и внес свои поправки. Что же он исправил? Выражения простые и ясные заменил тяжеловесными и высокопарными: «двенадцать дней» изменил на «двенадцать крат», «колодцы выкопав» на «изрывши кладези», «напрасно» на «тщетно», «площади» на «стогны», «говорить» на «вещать».

Пушкин и Дельвиг не желали «вещать». Но как бы поостроумнее высмеять старомодные вкусы профессора словесности? Случай скоро представился.

У управляющего Царским Селом графа Ожаровского умерла жена. Кошанский знал графиню и написал на ее смерть чувствительные стихи по всем правилам пиитики. Назывались стихи «На смерть графини Ожаровской».

Прочитав их в журнале, друзья вволю потешились, а Дельвиг не долго думая принялся за пародию. Он назвал ее «На смерть кучера Агафона».

Кошанский сетовал о кончине графини:

Ни прелесть, ни краса, ни радость юных лет,
Ни пламень нежного супруга,
Ни сиротство детей, едва узривших свет,
Ни слезы не спасли от тяжкого недуга,
И Ожаровской нет...
Потухла, как заря во мраке тихой ночи,
Как эхо томное в пустыне соловья...
О небо! со слезой к тебе подъемлю очи,
И, бренной, не могу не вопрошать тебя:
Ужели радостью нам льститься невозможно
И в милом счастие напрасно находить,
Коль лучшим существам жить в мире лучшем должно,
А нам здесь слезы лить?

Дельвиг оплакивал лицейского кучера Агафона очень смешно и очень похоже на Кошанского:

Ни рыжая брада, ни радость старых лет,
Ни дряхлая твоя супруга,
Ни кони не спасли от тяжкого недуга...
И Агафона нет!
Потух, как от копыт огонь во мраке ночи,
Как ржанье звучное усталого коня!..
О небо! со слезой к тебе подъемлю очи,

И, бренной, не могу не вопросить тебя:
Ужель не вечно нам вожжами править можно,
И счастие в вине напрасно находить?
Иль лучшим кучерам жить в мире лучшем должно;
А нам с худыми быть! ..

Что и говорить, литературные вкусы профессора и его учеников были очень различны. За год отсутствия Кошанского разность еще увеличилась. И вот, вернувшись в Лицей, познакомившись с новыми стихами Пушкина, Кошанский сурово осудил их за легкомысленность содержания, небрежность отделки, несоблюдение установленных правил.

Пушкин был задет. На придирчивую критику, назойливые поучения ответил стихотворением «Моему Аристарху».

Он не назвал Кошанского Зоилом, как называли тогда критиков несправедливых и злобных, а назвал уважительно — Аристархом. Аристарх был известен в Древней Греции как добросовестный и строгий ценитель поэзии. Тем не менее советы своего ученого Аристарха Пушкин начисто отвергал.

Помилуй, трезвый Аристарх,
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветреных стихах:
Плоды веселого досуга,
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга,
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжалься надо мной —
Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.

По мнению Кошанского, поэт должен трудолюбиво отделывать свои стихи, всячески украшать их, писать о «высоком», «парить». А по мнению Пушкина, поэт должен быть беспечен и весел, не потеть над стихами, писать о том, что приятно и радостно. А тот, кто потеет над стихами, не поэт, а унылый ремесленник, который «сидит, сидит три ночи сряду и высидит трехстопный вздор».

Уж он-то не похож на таких:

Люблю я праздность и покой,
И мне досуг совсем не бремя;
И есть и пить найду я время.
Когда ж нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота
На славу дружбы иль Эрота, —
Тотчас я труд окончу свой.

Пушкин уверял своего Аристарха, что и послание к нему написал безо всякого труда, нежась в постели, «вполглаза дремля и зевая».

Среди приятного забвенья
Склонясь в подушку головой,
И в простоте, без украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.

Это было написано, конечно, в задоре, в пылу полемики и мало соответствовало действительности. И над посланием «Моему Аристарху», и над другими стихами Пушкин работал, работал упорно. На рукописи стихотворения «Моему Аристарху» немало исправлений и переделок.

Но Пушкину исполнилось уже шестнадцать лет, он был не ребенок и прекрасно понимал, что ему нравится, а что не нравится. Он не хотел писать так, как учил Кошанский, и вообще не желал, чтобы его школьнически поучали, водили на помочах. Он твердо отстаивал свою самостоятельность. И это относилось не только к Кошанскому, но и ко всем другим. Даже к поэту Батюшкову, которого считал одним из своих учителей.

Желанные гости

Константин Николаевич Батюшков побывал в Лицее в феврале 1815 года. Вскоре после этого Илличевский писал Фуссу: «Признаться тебе, до самого вступления в Лицей, я не видел ни одного писателя — но в Лицее видел я Дмитриева, Державина, Жуковского, Батюшкова, Василия Пушкина и Хвостова; еще забыл: Нелединского, Кутузова, Дашкова».

В то время как Батюшков приехал в Лицей, Пушкин болел и лежал в больнице. Вдруг прибежали товарищи и сказали, что его хочет видеть Батюшков, который специально для этого приехал в Лицей.

Пушкин был рад чрезвычайно. Он любил стихи Батюшкова. Они нравились ему своей разнообразностью и жизнерадостностью, гармоничностью и стройностью. Когда Батюшков воспевал мир классической древности, его стихи напоминали прекрасные творения ваятелей древней Эллады.

Еще до Лицея Пушкин не раз видел Батюшкова в Москве, в кабинете своего отца. Но что тогда было общего между шаловливым,

К. Н. Батюшков.
Портрет работы О. Кипренского. 1815 г.

непоседливым мальчиком и молодым поэтом? Зато теперь... Пушкин с радостным любопытством разглядывал гостя. Он невысок, но изящен, строен. Лицо красиво. Русые волосы кудрявы и мягки. Только взгляд разбегающихся глаз чем-то необычен и странен.

Вместе с русской армией Батюшков недавно возвратился в Петербург из заграничного похода: он участвовал в боях, служил адъютантом при генерале Раевском. Он даже не снял еще офицерского сюртука, лишь спорол эполеты.

Говорили они о многом — об отечественной словесности, о народной русской поэзии. Когда речь зашла о стихах самого Пушкина, Батюшков, будто сговорившись с Кошанским, стал советовать оставить

«дудку», свирель, то есть легкую поэзию, и обратиться к предметам серьезным и важным — воспевать войну, героев... Пушкин смолчал и все терпеливо выслушал. Вскоре он ответил Батюшкову стихами:

А ты, певец забавы
И друг пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном [1],
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Пушкин вежливо, но решительно отклоняет этот совет.

Страшась летать не даром,
Бреду своим путем.

«Полеты», лира, оды — не для него. По настоянию лицейского начальства пришлось ему раз-другой сочинить «громкозвучные» стихи, но по собственной воле он писать их не станет... Нет, он будет по-прежнему беззаботно дудеть в свою дудку о чем вздумается. И по-своему.

Отвергая советы Батюшкова, Пушкин не без умысла заканчивает послание к нему взятой у него же строкой:

Будь всякий при своем.

Вскоре Пушкин познакомился с Василием Андреевичем Жуковским.

В ту пору Жуковский был самым известным русским поэтом. Его мелодичная, звучная и меланхолическая поэзия пленяла сердца. Он ввел русских читателей в таинственный мир романтической фантастики, познакомил с балладами Шиллера, Бюргера, Соути, Вальтера Скотта. Жуковский в шутку называл себя поэтическим дядькой всех ведьм и чертей на Руси. Он не только переводил, но и сам писал превосходные «страшные» баллады.

И его «Певец во стане русских воинов», где воспевались подвиги героев двенадцатого года, был принят с восторгом. «Эпоха была беспримерная, — писал современник, — и певец явился достойным ее».

Стихи Жуковского в Лицее знали и любили. Со вниманием и интересом следили за всем, что он печатал. И даже уведомляли об этом родственников. «Спешу, любезный дядюшка, первый обрадовать вас, —

---

[1] Анакреон — греческий поэт VI в. до н. э. «Он был лирический певец любви и вина, в том легком и приятном роде непринужденных песен, в очаровании пиршеств, который после назван по имени его Анакреонтическим» (Кошанский).

В. А. Жуковский.
Гравюра с рисунка П. Соколова. 1817 г.

писал дяде Горчаков, — что выходят полные сочинения Жуковского, столь долго ожидаемые публикой... Они выходят в двух частях».

В «Лицейском мудреце» помещено было стихотворение «Мудрец» — шутливое подражание «Певцу» Жуковского. «Национальную» песню о Гауэншильде — «В лицейском зале тишина» — распевали хором на мотив гремевшего тогда по всей России «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

Весною 1815 года, по настоятельным вызовам царского семейства, Жуковский приехал из Москвы в Петербург. Его хотели «приручить», приблизить ко двору. Теперь он часто бывал в Павловске у «вдовствующей императрицы» — матери царя — и в Царском Селе.

Стихи воспитанника Царскосельского Лицея Александра Пушкина Жуковский знал, главным образом, от его дяди Василия Львовича. У него-то увидел впервые и «Воспоминания в Царском Селе». Увидел и поразился. Он взял рукопись с собой, читал ее друзьям и, останавливаясь на лучших местах, восклицал: «Вот у нас настоящий поэт!»

Приехав в Царское Село, чтобы познакомиться с «настоящим поэтом», Жуковский ждал многого, но то, что он увидел, превзошло все ожидания. Этот юноша, только что вышедший из детства и сохранивший в себе еще столько ребяческого, был поистине чудом — необычайно талантлив, не по возрасту умен, с удивительно тонким поэтическим вкусом.

«Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным, — восторженно писал Жуковский в Москву своему приятелю П. А. Вяземскому. — Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал мою руку к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть. Нам всем необходимо соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет».

Жуковский стал часто бывать в Лицее. Он полюбил Пушкина. Пушкин платил ему тем же. Он понимал: Жуковский не только замечательный поэт, «поэзии чудесный гений», но и благороднейший человек, добрый, искренний, бескорыстный друг. Настоящий друг.

Как часто потом убеждался в этом Пушкин. Всегда в трудные минуты, а таких в его жизни было немало, обращался он к Жуковскому и неизменно находил у него помощь и поддержку...

Те часы, что проводили они вместе в царскосельском парке, были для обоих отрадными и желанными. «Певец таинственных видений», Жуковский умел быть занимательным собеседником, веселым и остроумным. Он читал Пушкину свои новые стихи — «проверял» их на нем. Те, что Пушкин забывал до следующей встречи, исправлял или уничтожал — считал их неудачными. И Пушкин читал Жуковскому то, что сочинял.

Хотя земная полнокровная поэзия Батюшкова была для юного лицеиста куда более близкой, чем меланхолическая, «небесная» поэзия Жуковского, именно Жуковского выбрал он в руководители. И не раскаивался. Тот ничего не навязывал, только советовал побольше читать, учиться; сам привозил ему книги и журналы, укреплял его веру в себя, в свои силы. Вступая на тернистый путь писателя, Пушкин у Жуковского просил благословения:

Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени,

Старая аллея в Екатерининском парке у входа в Грот.
Фотография.

Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья...
И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела, —
Нет, нет! решился я — без страха в трудный путь,
Отважной верою исполнилася грудь.

Первая любовь

вадцать седьмого ноября 1815 года Пушкин записал в своем дневнике: «Жуковский дарит мне свои стихотворения». Один из первых экземпляров только что вышедшего собрания своих стихотворений Жуковский подарил Пушкину.

Пушкин не расставался с подаренным томиком. Не только потому, что высоко ценил поэзию Жуковского. Он упивался унылыми жалобами влюбленных, поэтическими повествованиями о несчастной любви. Он сам был влюблен. Влюблен впервые, наивно и пылко. Он стал задумчив, рассеян. В классах отвечал невпопад. Раньше он смеялся над лицейскими «Сердечкиными», теперь товарищи подсмеивались над ним.

Когда в забвеньи перед классом
Порой терял я взор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух,
В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал...

Ее звали Екатерина Павловна Бакунина. Она была сестрой одного из лицеистов. Молоденькая девушка, приветливая, очаровательная. «Прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произ-

Е. П. Бакунина.
Автопортрет. 1816 г.

вели всеобщий восторг во всей лицейской молодежи», — вспоминал Комовский.

Пушкин был покорен. Теперь каждую свободную минуту проводил он у окна в томительном ожидании и, завидев наконец вдалеке знакомую девичью фигурку, опрометью бежал на лестницу. Там делал вид, будто вышел невзначай. Мимолетная встреча, несколько ничего не значащих слов, улыбка... Но как это много для влюбленного!

Он стеснялся изливать свою душу товарищам и, лишь оставшись один в своей тесной комнатке, доставал дневник и давал волю чувствам:

«29 ноября.

Итак я счастлив был, итак я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!..

Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, — сладкая минута!..

Он пел любовь, но был печален глас,
Увы! он знал любви одну лишь муку!
Жуковский

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!

Но я не видел ее 18 часов — ах! какое положение, какая мука!

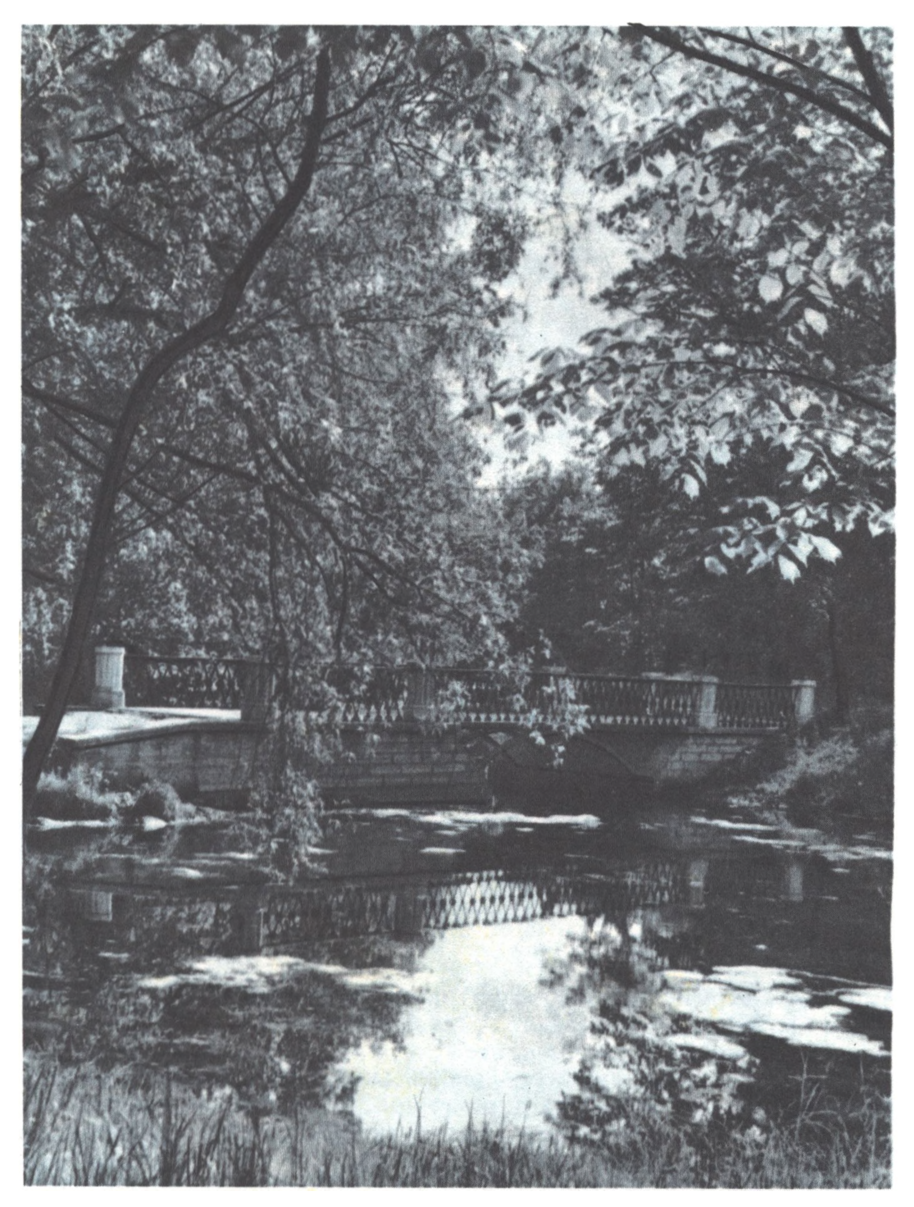
Но я был счастлив 5 минут...»

Он воспевал свою любовь в стихах. В стихотворении «Живописцу» просил художника нарисовать портрет «друга сердца», то есть Бакуниной. «Эти стихи, — рассказывал Пущин, — выражение не одного только его страдавшего тогда сердечка!..» В Бакунину кроме Пушкина были влюблены и Пущин, и Илличевский.

Илличевский хорошо рисовал. И, как бы отвечая Пушкину, он написал стихотворение «От живописца»:

Всечасно мысль тобой питая,
Хотелось мне в мечте
Тебя пастушкой, дорогая,
Представить на холсте.
С простым убором Галатеи
Тебе я прелесть дал:
Но что ж? Напрасные затеи —
Я сходства не поймал.

Может быть, так и было в действительности. Илличевский, который рисовал портреты многих своих товарищей, по просьбе Пушкина, да и по своему желанию, попытался нарисовать Бакунину, но не смог. К портрету Бакуниной он предъявлял особенно высокие требования. Во-первых, это была «она»... Во-вторых, Бакунина сама прекрасно рисовала. Она училась у К. П. Брюллова и мастерски нарисовала углем свой портрет.

Мостик у Лебяжьих островов в Екатерининском парке.
Фотография.

Весною и летом Бакунина с матерью жила в Царском Селе. Пушкин встречал ее повсюду: в Лицее, в парке, на гуляньях. Осенью она уезжала в Петербург и лишь изредка появлялась в Лицее, чтобы проведать брата. Пушкин тосковал.

Вчера за чашей пуншевою
    С гусаром я сидел,
И молча с мрачною душою
    На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
    Мой храбрый вопросил, —
Еще по ней ты, слава богу,
    Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
    Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет *ее* со мною! ..»
    Вздохнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
    И канула в бокал.

«Дитя! Ты плачешь о девице,
    Стыдись!» — он закричал.

«Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
    Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
    Чтоб отравить бокал! ..»

Это стихотворение, как и другое, «К живописцу», положил на музыку Миша Яковлев. И, собираясь по вечерам в лицейском зале, воспитанники пели их под гитару. Понятно, что трое влюбленных распевали романсы с особенным чувством.

Пушкин посвятил Бакуниной еще не одно стихотворение и в следующем, 1816 году.

Это был год больших перемен в лицейской жизни.

Новый директор

езначалие, длившееся около двух лет, наконец кончилось. В январе 1816 года директором Лицея был назначен бывший до этого директором Петербургского педагогического института Егор Антонович Энгельгардт.

Эта новость всех взволновала. «Не знаю, дошло ли до вас, что у нас новый директор — г. Энгельгардт, — сообщал Горчаков своей

Е. А. Энгельгардт.
Портрет работы неизвестного художника. Начало XIX века.

тетушке. — Это, как говорят, очень образованный человек, который знает французский, русский, немецкий, итальянский, английский и, что лучше всего, немного латыни... Ожидаем его со дня на день».

Прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей, Энгельгардт побывал в Лицее, чтобы познакомиться с воспитанниками.

Новый директор... Все с недоверчивым любопытством разглядывали его.

Это был человек средних лет, одетый несколько старомодно: в светло-синем двубортном фраке с золотыми пуговицами и черным

бархатным воротником, в коротких панталонах, черных шелковых чулках и башмаках с пряжками. Держался он спокойно, ровно, доброжелательно. Первое впечатление было неплохое. Но лицеисты уже привыкли не верить первому впечатлению. После смерти Василия Федоровича повидали они всякого.

Каков-то будет в действительности этот человек? Илличевский писал своему приятелю Фуссу, который знал Энгельгардта: «Благодарю тебя, что ты нас поздравляешь с новым директором; он уже был у нас; если можно судить по наружности, то Энгельгардт человек *не худой* — Vous sentez la pointe [1]. Не поленись написать мне о нем подробнее: это для нас не будет лишним. Мы все желаем, чтоб он был человек прямой, чтоб не был к одним Engel [2], а к другим hart [3]».

Что ответил Фусс Илличевскому, неизвестно. Но ничего порочащего Энгельгардта написать он не мог.

Если бы воспитанники знали, как вел себя новый директор накануне прихода в Лицей, они остались бы довольны.

Дело было так. В начале января 1816 года Энгельгардта вызвал в свою канцелярию граф Аракчеев. С некоторых пор он при попустительстве царя заправлял делами империи.

Директора Лицея назначил сам царь. От имени царя Аракчеев предложил Энгельгардту занять вакантную должность.

Энгельгардт согласился, но поставил условия. Они сводились к следующему: если ему доверяют, он должен самостоятельно управлять Лицеем, сам подбирать и увольнять сотрудников, по своему усмотрению распоряжаться «предназначенной на содержание заведения суммой». Короче говоря, Энгельгардт для пользы дела хотел быть самостоятельным, оградить себя и Лицей от назойливой и мелочной опеки министра Разумовского. Предъявлять подобные требования, да еще самому Аракчееву, было немалой смелостью.

Третьего марта 1816 года Энгельгардт вступил в должность.

Он поселился со своими многочисленными чадами и домочадцами в том же доме напротив Лицея, где жил до него с семьей Василий Федорович Малиновский.

Новый директор застал вверенное ему учебное заведение в плачевном состоянии. Всюду беспорядок. Воспитанники не уважают и не слушают начальства. Дошло до того, что некоторые от безделия и скуки поигрывали в карты, другие под предводительством Сильверия Брольо совершали рискованные ночные экспедиции в сад за царскими яблоками и сражались со сторожами, третьи развязно вели себя на улицах

---

[1] Вы чувствуете, в чем соль.
[2] Engel — ангел.
[3] Hart — суровый, жестокий.

Царского Села. В журнале «Лицейский мудрец» появилась карикатура: на Большой улице, возле булочной Родакса, под гогот гусей буянят четыре лицеиста...

Энгельгардту предстояло наладить все — начиная от дисциплины и кончая одеждой воспитанников.

И как только принялся он за дело, тотчас же натолкнулся на самодурство Разумовского. Речь шла об одежде. Воспитанники обносились. Дядька-портной, что трудился на площадке четвертого этажа, не успевал нашивать заплаты на панталоны, шинели, сюртуки. Так, в заплатах, и ходили на люди.

Энгельгардт решил к лету «построить» воспитанникам хоть по паре панталон. Для того чтобы сделать это, полагалось объявить торги — собрать петербургских портных и заказать тому, кто возьмет за материю и шитье дешевле.

«Постройка» панталон обернулась для Энгельгардта неожиданностью.

Спустя некоторое время, осенью, проходил он по парку и увидел царя.

— Ну, Энгельгардт, как твои дела?

Лицеисты возле булочной Родакса.
Карикатура А. Илличевского из журнала «Лицейский мудрец». 1815 г.

— Я, ваше величество, огорчен выговором министра.

— За что же выговор?

— Я писал министру о необходимости сделать торги на постройку летних панталон воспитанникам и не получил ответа. Написал еще раз — опять ничего. Вот наступил май, я сшил панталоны без торгов. И вдруг получаю разрешение. Тогда я донес, что панталоны уже сшиты и изношены. Министр сделал мне строжайший выговор за ослушание начальства.

Новому директору приходилось нелегко. Правда, во всем, что касалось учения, помогал ему Куницын. Они были очень разные — дипломатичный, несколько сентиментальный, религиозный Энгельгардт и независимый, резковатый вольнодумец Куницын. Но теперь они действовали вместе. В том направлении, что дал лицейскому воспитанию Василий Федорович Малиновский, Энгельгардт ничего не стал менять. Он составил такие правила внутреннего распорядка в Лицее, под которыми охотно подписался бы и первый директор. «Все воспитанники равны, как дети одного отца и семейства, — говорилось в этих правилах, — а потому никто не может презирать других или гордиться перед прочими чем бы то ни было. Если кто замечен будет в сем пороке, тот занимает самое нижнее место по поведению, пока не исправится». И еще: «Запрещается воспитанникам кричать на служителей или бранить их, хотя бы они были их крепостные люди».

Правила эти были не лишними. Не случайно на уроке нравственности, когда Куницын говорил о спеси, заносчивости, Иван Малиновский выкрикнул, показывая на Горчакова и Мясоедова: «Вото они, вото они!» К этим фамилиям можно было прибавить и некоторые другие.

Воспитатель и воспитанники

«С назначением Энгельгардта в директоры, — рассказывал Пущин, — школьный наш быт принял иной характер: он с любовью принялся за дело. При нем по вечерам устроились чтения в зале (Энгельгардт отлично читал)... Летом, в вакантный месяц, директор делал с нами дальние, иногда двухдневные прогулки по окрестностям; зимой для развлечения ездили на нескольких тройках за город завтракать или пить чай в праздничные дни; в саду, за прудом, катались с гор и на коньках. Во всех этих увеселениях участвовало его семейство и близкие ему дамы и девицы, иногда и приезжавшие родные наши».

Пруд у павильона «Верхняя ванна» в Екатерининском парке, где лицеисты катались на коньках.
Фотография.

Дом директора Лицея со стороны улицы.
Фотография.

Лицеистам нравились эти развлечения. Для Пушкина они приобретали особую прелесть тогда, когда в них участвовала Бакунина. Но и без нее было очень весело, «окрылив ноги железом», мчаться по ледяному зеркалу пруда.

В парке часто гуляли, со своей гувернанткой, мадемуазель Шредер, хорошенькие дочери придворного банкира — барона Вельо. В одну из них был влюблен лицеист Есаков. Подметив как-то, с каким нетерпением Есаков поглядывает на расчищенную дорожку у пруда, Пушкин сказал ему:

И останешься с вопросом
На брегу замерзлых вод:
Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет?

Энгельгардт завоевывал расположение и доверие своих воспитанников исподволь, умно и тонко, как опытный педагог. Он и был таковым. Много размышляя над вопросами воспитания, пришел он к выводу, что «только путем сердечного участия в радостях и горестях питомца можно завоевать его любовь. Доверие юношей завоевывается только поступками. Воспитание без всякого наказания — химера, но если мальчика наказывать часто и без смысла, то он привыкнет видеть в воспитателе только палача, который ему мстит. Розга, будь она физическою или моральною, может создать из школьника двуногое рабочее животное, но никогда не образует человека».

Этими убеждениями Энгельгардт и руководствовался. Не кричал, не наказывал попусту, а старался сблизиться со своими питомцами. Раз в неделю, а то и чаще, в доме у него по вечерам собирались знакомые. Он приглашал к себе и лицеистов. «В доме его, — рассказывал Пущин, — мы знакомились с обычаями света, ожидавшего нас у порога Лицея, находили приятное женское общество».

Лицеисты охотно приходили к директору, чувствовали себя в его доме свободно и просто. К их услугам было все: книги, ноты, музыкальные инструменты, краски, карандаши. Каждый занимался тем, что нравилось.

Бывал здесь и Пушкин. Он приходил вместе с Дельвигом читать немецкие книги. Правда, он недолго посещал дом директора. Вдруг перестал и не захотел приходить. Почему? На этот вопрос не мог дать ответа даже Пущин. «Для меня оставалось неразрешенною загадкой,— рассказывал он, — почему все внимание директора и жены его отвергались Пушкиным; он никак не хотел видеть его в настоящем свете, избегал всякого сближения с ним. Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душой полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать...»

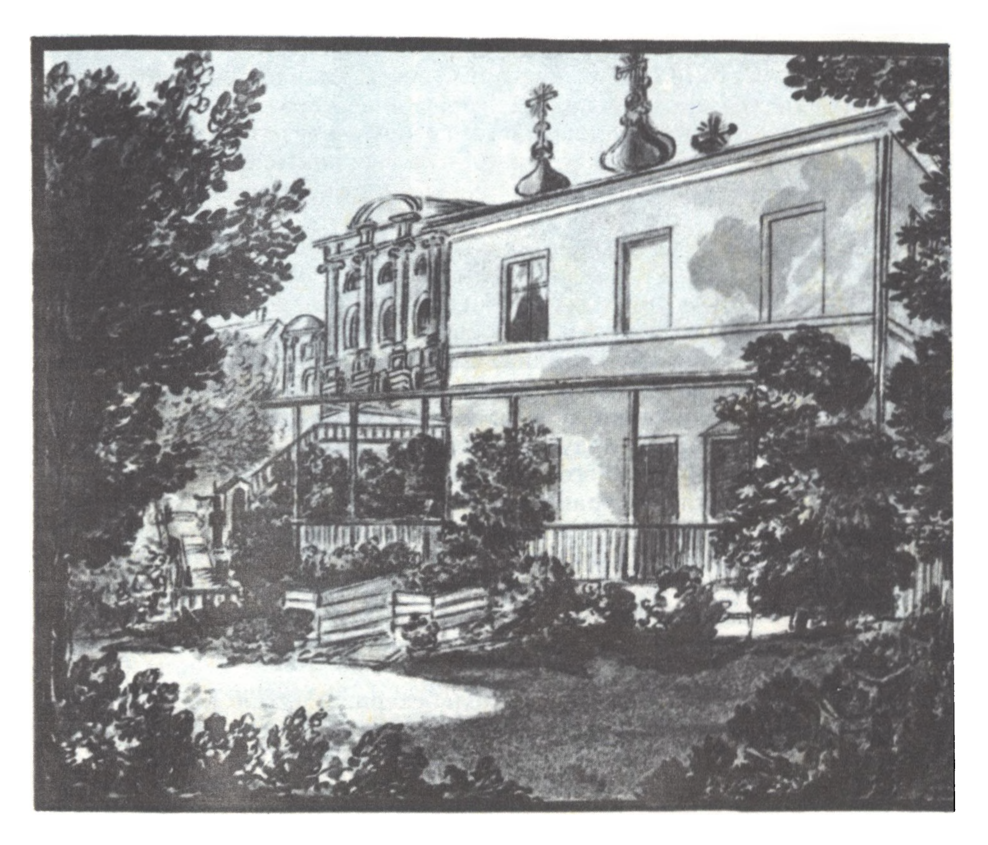
Чем же объяснялось странное поведение Пушкина? Если бы добрый Жанно мог заглянуть в письменный стол Егора Антоновича, он бы понял многое и не удивлялся.

В письменном столе Энгельгардта среди прочих бумаг лежали характеристики воспитанников, которые директор написал для себя. Большинство характеристик были удивительно верны и метки, говорили об уме и наблюдательности их автора.

Энгельгардт вполне понял Кюхельбекера: «Читал все на свете книги обо всех на свете вещах; имеет много таланта, много прилежания, много доброй воли, много сердца и много чувства, но, к сожалению, во всем этом не хватает вкуса, такта, грации, меры и ясной цели. Он, однако, верная невинная душа, и упрямство, которое в нем иногда проявляется, есть только донкихотство чести и добродетели с значительной примесью тщеславия».

Многое понял Энгельгардт и в Дельвиге, у которого все направлено было «на какое-то воинствующее отстаивание красот русской литературы». «В его играх и шутках проявляется определенное ироническое остроумие, которое после нескольких сатирических стихотворений сделало его любимцем товарищей».

Раскусил Энгельгардт и «примерного» Горчакова: «Сотканный из тонкой духовной материи, он легко усвоил многое и чувствует себя господином там, куда многие еще с трудом стремятся. Его нетерпение показать учителю, что он уже все понял, так велико, что он никогда не дожидается конца объяснения. . . При его остром чувстве собственного достоинства у него проявляется немалое себялюбие, часто в отталки-

Дом директора Лицея со стороны сада.
Рисунок А. Белухи. 1820—1823 годы.

вающей и оскорбительной для его товарищей форме... В течение долгого времени он непременно хотел оставить Лицей, так как он думал: в познаниях он больше не может двигаться вперед, а он надеялся блистать у своего дядюшки».

Прекрасно охарактеризовал Энгельгардт Мясоедова, которого лицейские художники изображали не иначе, как с ослиной головой. В характеристике Энгельгардта он живой: «Никто так хорошо и элегантно не одевается, никто так изящно не разглаживает своей челки, никто не умеет так изящно пользоваться своим лорнетом, никто не хотел бы так, как он, уже сейчас стать гусаром, но никто меньше его не пригоден и не имеет охоты к серьезным занятиям. Так как он все же исключительно высокого мнения о себе и о своих познаниях, то при выговорах он, где только смеет, бывает груб».

Что же написал Энгельгардт о Пушкине?

«Его высшая и конечная цель — блистать, и именно посредством поэзии. К этому он сводит все и с любовью занимается всем, что с этим непосредственно связано. Все же ему никогда не удается дать прочную основу даже своим стихам, так как он боится всяких серьезных занятий и сам его поэтический дух не сердечный, проникновенный, а совершенно поверхностный французский дух. И все же это есть лучшее, что можно о нем сказать, если это можно считать хорошим. Его сердце холодно и пусто, чуждо любви и всему религиозному чувству и не испытывает в нем потребности».

И это о Пушкине с его искренней пылкой душой, глубоким светлым умом, необычайным дарованием. Это о Пушкине, сердце которого переполняла первая юношеская любовь, привязанность к товарищам, к Жуковскому, к сестре...

Почему же Энгельгардт не сумел понять и достойно оценить гениального юношу? Очевидно, потому, что, помимо многочисленных достоинств, которыми Энгельгардт обладал, ему были присущи близорукость, ограниченность. Позднее Пушкин очень верно заметил: «Егор Антонович принимает только хорошо и худо». Разобраться в Пушкине было много сложнее. Он был чужд и непонятен религиозному, добродетельному директору. Что заметил Энгельгардт? Насмешливость, шалости, резкость и смелость суждений, равнодушие к религии, легкомысленность поэзии. И он сделал выводы...

Как ни старался Энгельгардт внешне доброжелательно относиться к Пушкину, тот чувствовал фальшь. Он чувствовал, что за внимательностью и ласковостью Егора Антоновича скрывается недоверие, настороженность, осуждение.

Пушкин начал избегать Энгельгардта, перестал к нему ходить.

„Живу я в городке“

приходом Энгельгардта появилось в Лицее новшество, которое чрезвычайно обрадовало воспитанников. Им разрешили в свободные часы отлучаться из Лицея. Сперва лишь по праздникам и только по «билетам», потом безо всяких «билетов» и в будние дни. В пределах Царского Села они могли бывать где хотели.

Теперь синие мундиры с красными воротниками видели повсюду: на оживленных центральных улицах городка и в тихих уголках, напоминающих деревню или далекую провинцию. Где только собирались гуляющие, появлялись и лицеисты. Их так и называли: «неизбежный Лицей».

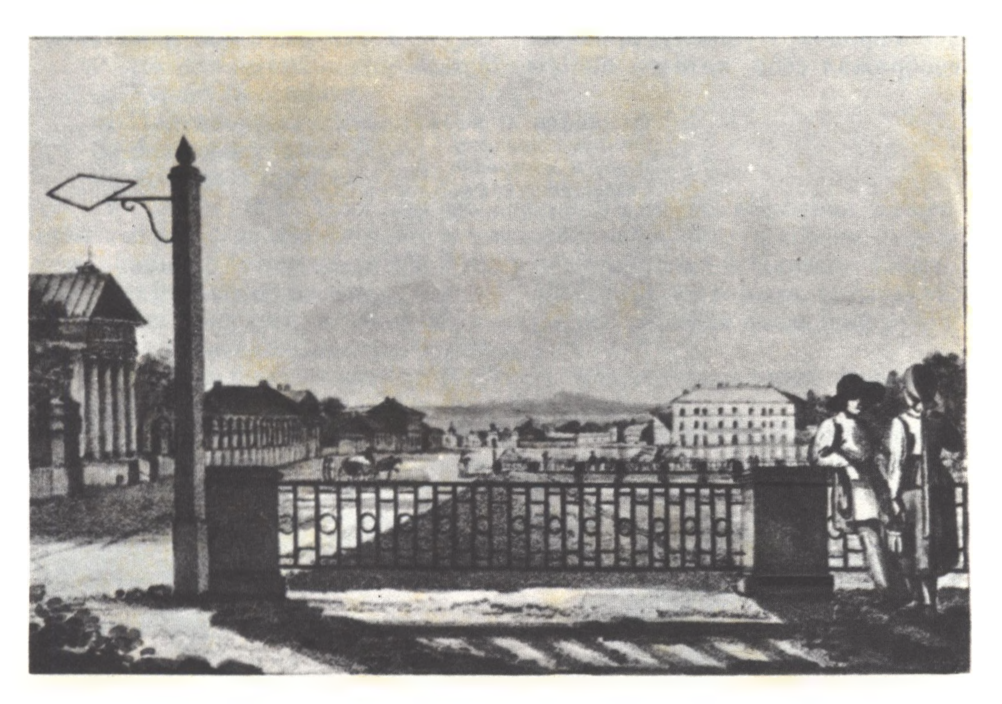
Когда воспитанники ближе познакомились с жизнью «казенного городка», они заметили многое. Кое-что попало и в «Лицейский мудрец». «Однажды, — говорилось в его отделе «Политика», — как солнце только что начинало освещать наш город и проникать в одно время и к глупейшему писарю царскосельской юстиц-коллегии, к модной Венере и к рогатому мужу ее, в Минервин храм [1] и другие обиталища Бахуса и Меркурия [2], шел я, т. е. Лицейский мудрец, по Большой улице Царского Села. Я шел и, смотря на волнующийся народ, невольно думал о сравнении, которое можно было бы сделать меж ним и ручьем мутной воды, текущим тогда по улице растаявшего снега. Подобно этому, думал я, ручью человек родится слабым, возрастает часто в худом воспитании так, как ручей течет в грязи и, подобно ручью, быстро текущему через решетку в канаву, он низвергается в неизмерную пропасть вечности. Вот, например, прохожу мимо хотя невысокого, но разукрашенного дома, смотря на эти золотые крендели, на эти вензели, на эту золотую надпись J. H. Rodax [3], как не подумать, что он человек счастливый. Находясь на верху булочной славы, он питается самыми искусно сделанными тортами, куличами, пасхами, а тысячи смертных не имеют куска хлеба».

Пушкин по свойствам своего ума пытливее и зорче других присматривался к окружавшей его жизни. Его занимало все: и прошлое, и настоящее Царского Села. Настоящее видел он сам, прошлое знал по рассказам.

Рассказывали ему, что когда-то вокруг Большого дворца и парка возникла слобода, где селились мастеровые, подрядчики, архитекторы,

---

[1] Минервин храм — училище, в данном случае — Лицей.
[2] Обиталища Бахуса и Меркурия — питейные заведения и лавки.
[3] И. Х. Родакс — придворный булочник в Царском Селе.

Царское Село. Вид на город с Павловской дороги.
Литография В. Лангера. 1820 г. (Из альбома «12 видов Царского Села».)

художники, придворные служители, войсковые команды. Те, кто так или иначе кормился дворцовой службой. Недаром первая улица слободы называлась Служительская.

Для служителей поважнее отводили жилища в казенных каменных домах. Служители попроще обстраивались сами. Поселились в слободе, с разрешения начальства, купцы, цирюльники, аптекари, портные, булочники, повивальные бабки. И вырос постепенно небольшой красивый городок, застроенный по плану. К началу XIX века имел он форму прямоугольника, прорезанного широкими прямыми улицами, на которых стояли приглядные домики с колоннами, балкончиками, мезонинами. А вокруг них — сады. Были тут больница и богадельня, училище, лавки со съестными припасами и другим товаром. И во множестве — полосатые будки для блюстителей порядка. Как-никак, не заштатный городишко, где из грязи ноги не вытащишь, а императорская резиденция, Царское Село...

Городок Пушкину нравился. Он и в стихах с удовольствием изображал себя жителем подобного тихого уголка:

Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливом...
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит шум докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой...

В декабре 1815 года Пушкин записал в своем дневнике: «Летом напишу я *Картину Царского Села.*

Царское Село в конце XVIII века.
Гравюра М. Дамам-Демартре.

1. Картина сада.
2. Дворец. *День в Царском Селе.*
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. *Жители Сарского Села*».

Ни летом 1816 года, ни позднее Пушкин не выполнил своего намерения. Но из записи ясно, что если бы выполнил, то совсем иначе, чем, например, в торжественной оде «Воспоминания в Царском Селе». Там — героическое прошлое, здесь — обыденное настоящее. И главное, не пейзаж и чертоги, а люди. Недаром особо выделен последний пункт записи — «*Жители Сарского Села*».

Кто ж они были — жители Царского, или, по-старинному, Сарского Села, о которых собирался писать Пушкин?

Это были в большинстве своем отставные военные, чиновники, мастеровые, купцы, мещане и, конечно, многочисленная дворцовая челядь. Ведь чтобы содержать в порядке дворцы и сады, кормить, поить, ублажать «августейшую фамилию» и толпу придворных, требовалось огромное количество вышколенной прислуги, сотни умелых и трудолюбивых рабочих рук. И в отсутствие царя при дворцах состоял целый штат служителей: гоф-фурьер, камер-лакеи, просто лакеи, прачки, поломойки, столяры, маляры, полотеры, кровельщики, печники, трубочисты, «лепной, живописной и скульптурной мастер», архитектор с помощником.

То же и при садах: главный ученый садовод — «садовый мастер» — с подмастерьями и учениками, огородники, птичники, рыболовы, работники, «инвалиды для караулов», то есть сторожа.

Царское хозяйство было весьма обширным. Кроме дворцов, парков, плодовых садов — оранжереи, теплицы. Там в любое время года выращивали виноград, ананасы, персики, абрикосы, сливы, гранаты, фиги, грецкие орехи для царского стола.

Для украшения пейзажа и для забавы у озера во флигелях «Адмиралтейства» жили утки, гуси, лебеди белые и черные — австралийские.

Рано утром в парке можно было наблюдать умилительную картину. Выйдя из дворца, Александр I шел прямо к озеру, где его уже поджидал «садовый мастер» Лямин и «все птичье общество». Прежде чем отдавать приказания Лямину, царь надевал специально приготовленную для него перчатку, подходил к корзинам с кормом и собственноручно кормил пернатых обитателей птичника. О своих верноподданных он не столь заботился.

Царские утки и лебеди, царские лошади, пребывающие в добром здравии, и те, что доживали свой век на покое в особых «пенсионных

Садовый мастер Лямин.
Деталь карикатуры А. Илличевского из журнала «Лицейский мудрец». 1815 г.

конюшнях», царские собаки, которых с почетом погребали под мраморными плитами тут же в парке, — ко всем им приставлены были специальные служители.

На широких улицах Царского Села, вперемежку с другими обывательскими домиками, стояли дома придворных истопников, лакеев, гребцов, пекарей, полотеров, столяров.

«Пушкин легко сходился с мужиками, дворниками и вообще с прислугою. У него были приятели между лицейскою и дворцовою прислугою», — вспоминали современники.

Пушкин рассказывал в стихах, что охотно бывал в гостях у соседа — отставного майора, который звал его «из дружбы хлеб-соль

откушать с ним». Они вместе ужинали, и старик, развеселившись, говорил о прошлом. Он описывал, как брали турецкую крепость Очаков, во время штурма которой его ранило ядром.

Как, верно, нравилось юному лицеисту побыть хоть часок в уютном маленьком домике у гостеприимного вояки или добродушной старушки, вдовы какого-нибудь отставного придворного служителя.

Он и ее не забыл описать в своих стихах.

Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,

Садовая набережная.
Литография В. Лангера. 1820 г.

Все сведает, узнает;
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал, —
Старушка всё расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает всё своё...

Через много лет в повести «Капитанская дочка» Пушкин изобразил подобную жительницу Царского Села, племянницу придворного истопника Анну Власьевну, которая тоже знала все на свете и даже была посвящена «во все таинства придворной жизни». «Она рассказывала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок...»

Такие разговоры слушал и Пушкин, бывая в гостях у своих царскосельских знакомых. Только речь уже шла не о Екатерине II, а о внуке ее Александре I. Недаром Пушкин так хорошо изучил нрав этого «властителя слабого и лукавого».

В гостях у Теппера

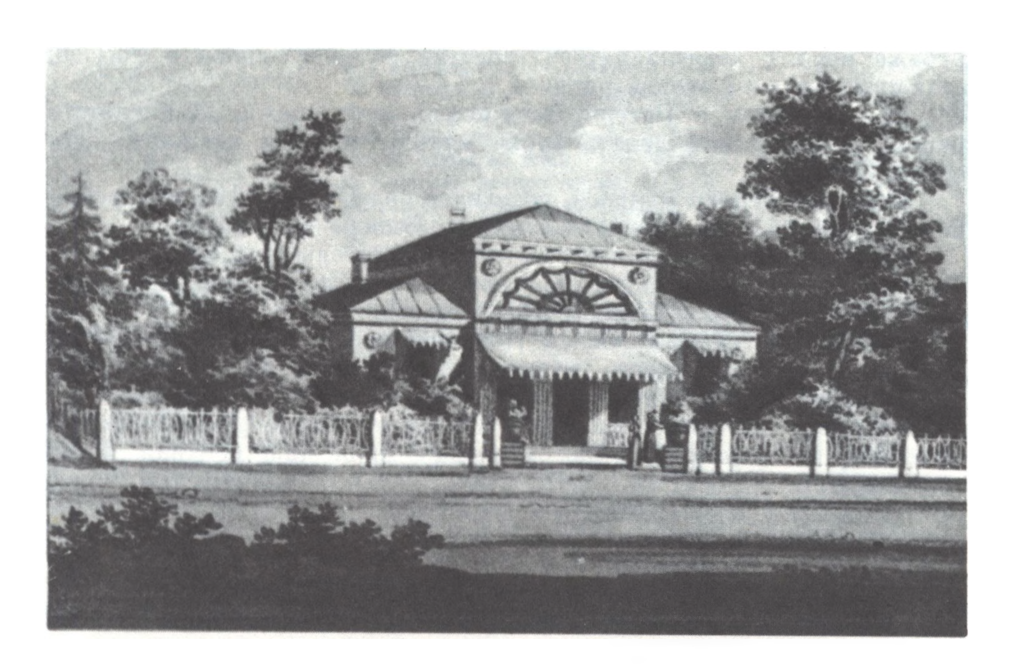

Разрешив воспитанникам отлучаться из Лицея, Энгельгардт позаботился о том, чтобы несколько почтенных семейных домов царскосельских жителей гостеприимно распахнули перед ними свои двери.

И вот в гостиных придворного банкира барона Вельо, управляющего Царским Селом Ожаровского, лицейского учителя пения Теппера де Фергюсона появились стеснительные поначалу юнцы, облаченные в синие лицейские мундиры.

Особенно часто бывали они у Теппера.

Учитель пения жил в двух шагах от Лицея. Его невысокий одноэтажный каменный дом с мезонином, с частыми окнами был по-

Дом Вельо.
Литография В. Лангера. 1820 г.

строен основательно, прочно, во вкусе прошедшего восемнадцатого века. Дом был затейлив, не совсем обычен, как бы под стать своему хозяину — чудаку, оригиналу, прожившему неспокойную, полную превратностей жизнь.

Барон Вильгельм Теппер де Фергюсон не всегда был скромным преподавателем пения. Происходил он из Польши, из семьи богатого банкира. Но во время каких-то беспорядков отец его погиб, а с ним и все богатство.

В это время сам Теппер путешествовал, «как какой-нибудь лорд», по Европе. Узнав о случившемся, он не растерялся. Напечатал в газете в Вене, что дает уроки музыки.

Восемь лет провел он в столице Австрии. В Вене тогда жили многие выдающиеся музыканты — среди них Моцарт и Сальери. Приехал сюда и молодой Бетховен. Он и Теппер брали уроки музыки у одного учителя.

Вскоре Теппер стал известен в Вене и в других городах Европы как превосходный пианист и подающий надежды композитор. На

рубеже нового, девятнадцатого столетия он переселился в Россию, ставшую для него второй родиной.

Его концерты в Петербурге проходили с успехом. Знаменитого пианиста пригласили давать уроки музыки великим княжнам — дочерям Павла I.

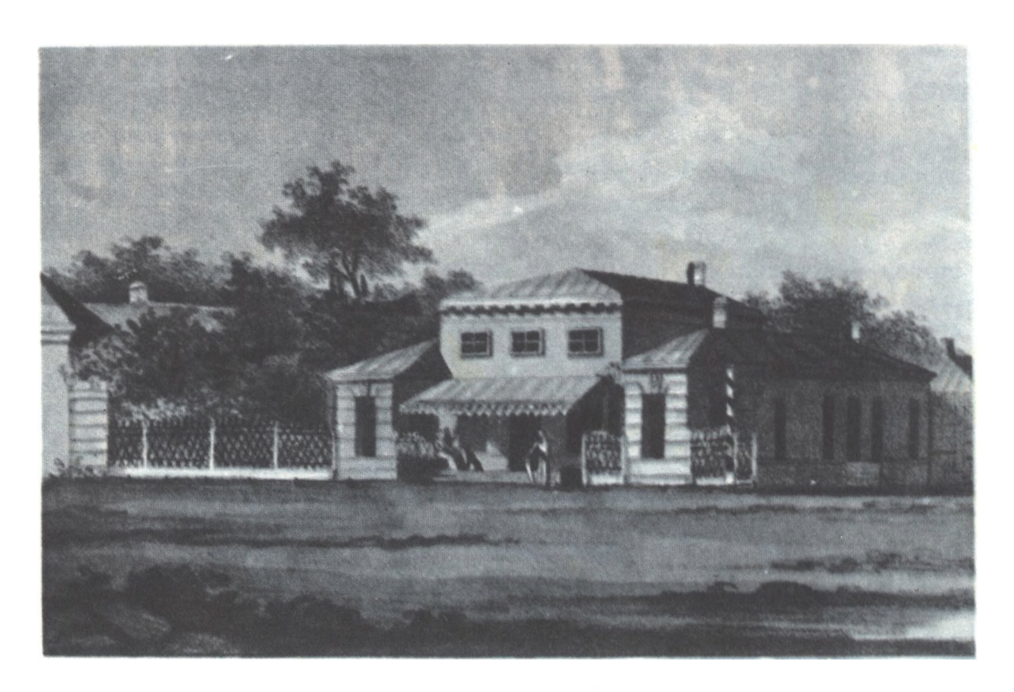
В России Теппер женился, поселился под Петербургом в Царском Селе, в собственном домике. Службу при дворе он оставил.

Когда директором Лицея был назначен Энгельгардт, он пригласил Теппера, своего давнишнего приятеля, обучать воспитанников пению. И тот стал обучать — безвозмездно и охотно.

Лицеистам Теппер нравился. Пожилой чудаковатый учитель пения привлекал блеском своего музыкального дарования, обширностью познаний, всем своим обликом, благородным и вдохновенным.

Пушкин, Дельвиг, Яковлев, Корсаков, Корф, Есаков охотно заходили на огонек в домик Теппера — пили чай, болтали, музицировали.

Играл сам хозяин, играли и пели гости.

Дом Теппера.
Литография В. Лангера. 1820 г.

Я Лилу слушал у клавира;
Ее прелестный, томный глас
Волшебной грустью нежит нас,
Как ночью веянье зефира.
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой:
«Волшебен голос твой унылый,
Но слово милыя моей
Волшебней нежных песен Лилы».

Лилой Пушкин называл миловидную, остроумную молодую вдову Марию Смит, жившую у Энгельгардтов. Она тоже бывала на вечерах у Теппера.

В его гостиной, как и в других царскосельских домах, «где Лицей имел право гражданства», юные девицы распевали под звуки фортепьяно не только модные чувствительные романсы, но и стихи Пушкина, положенные на музыку Мишей Яковлевым и лицейским «трубадуром» Корсаковым. Особенно всем нравились стансы «К Маше». Пушкин написал их младшей сестре Дельвига, очень милой и живой восьмилетней девочке, которая зимою 1815 года гостила вместе с матерью в Царском Селе.

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать.

Спешу исполнить приказанье,
Года не смеют погодить:
Еще семь лет — и обещанье
Ты не исполнишь, может быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
В собраньях будете сидеть
И, жертвуя богине скуки,
С воксала в маскерад лететь —

И уж не вспомните поэта!..
О Маша, Маша, поспеши —
И за четыре мне куплета
Мою награду напиши!

Куплеты — стихи с повторяющимся припевом — нравились не только Маше Дельвиг. Куплетами увлекался весь Лицей. «Недавно составилось у нас из наших поэтов и нескольких рифмачей, род маленького общества, которое собирается раз в неделю, обыкновенно в субботу, и, садясь в кружок при чашке кофе, каждый читает маленькие стишки на предмет или лучше на слово, заданное в прежнем заседании», — писал Горчаков дядюшке и для образца послал куплеты

на слова: «Никак нельзя — ну, так и быть» и «С позволения сказать». Куплеты эти сочинили лицейские поэты во главе с Пушкиным.

На вечерах у Теппера по воскресеньям тоже читали куплеты. Только не на русском, а на французском языке. Пушкин первенствовал и здесь. В сочинении куплетов, остроумной беседе, рассказах, выдумках он не знал соперников.

Как-то, выходя от Теппера, все прощались по-французски: «До приятного свидания». И было решено к следуюшему воскресению придумать куплеты с таким припевом.

Победил, конечно, Пушкин. Его французские стихи были самыми изящными, остроумными, легкими. Прозаический перевод передает лишь их содержание. Вот два куплета:

«Когда поэт в священном вдохновенье читает вам оду или свой экспромт, когда рассказчик докучает вам болтовней, когда вы слушаете, как бормочет попугай, и вам не над чем посмеяться, тогда вы дремлете, зеваете, прикрывая зевок платком, и ждете той минуты, когда наконец можно будет сказать: «До приятного свиданья».

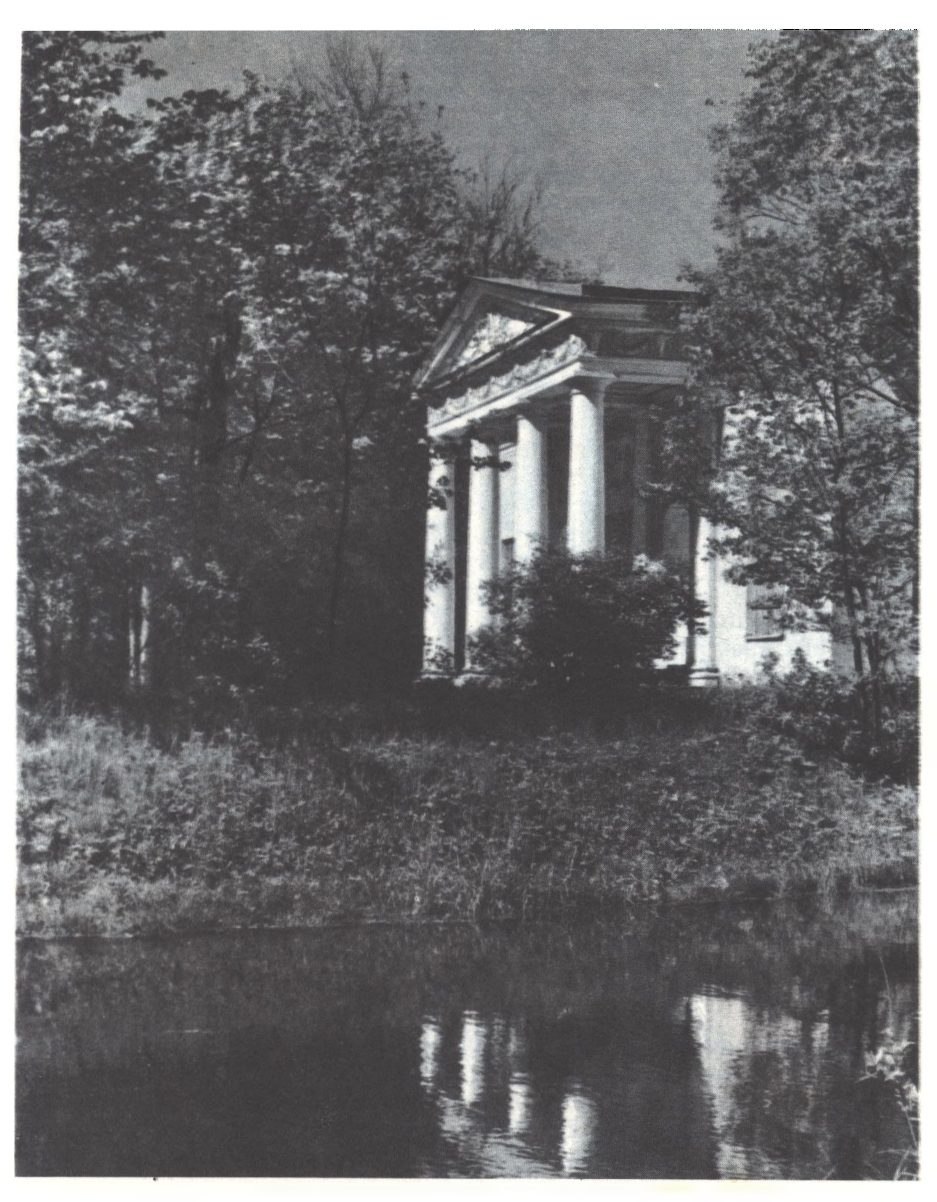
Но как только вы остаетесь наедине со своей красоткой, или вас окружают остроумные друзья, ощущенье полного счастья возвращается к вам, вы в отличном расположении духа, смеетесь и поете. Так мирно веселитесь допоздна, а придет конец пирушке, пойте вашим сотрапезникам и бутылкам: «До приятного свиданья».

Куплеты так восхитили Марию Смит, что она написала в ответ свои. Они назывались «Господину Пушкину».

Я с восхищеньем вам внимаю,
Стихи изящны, спору нет,
И я смиренно преклоняю
Пред вами голову, поэт.
Мне с вашей силой дарованья,
Увы, соперничать не след.
И вот теперь пишу куплет,
Чтобы сказать вам «до свиданья».

Мне с вами хочется, не скрою,
На рифмах копья обломать,
И я бы не сдалась без боя,
Но Феб судил мне замолчать,
Сказал, что тщетны143 упованья,
Что я рискую проиграть.
Что ж! Остается написать
В своих куплетах «до свиданья».

Удобно это выраженье,
Хоть новизною не блестит,
Но даже и в стихотворенье
Его не грех порой пустить.

В Екатерининском парке вечером.
Фотография.

Претят мне длинные посланья,
И чтоб болтливой не прослыть,
А вас в конец не утомить,
Пишу вам просто «до свиданья» [1].

В домике Теппера царила непринужденность и веселье. «Эти простые вечера были нам чрезвычайно по вкусу», — вспоминал Корф. Пушкин в данном случае разделял мнение Корфа.

„Иногда театры“

В домике Теппера лицеисты чаще бывали зимою. Летом привлекали другие развлечения. «И у нас есть вечерние гуляния, в саду музыка и песни, иногда театры, — рассказывал Илличевский в письме к Фуссу. — Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли».

В те годы один из царскосельских жителей — граф Варфоломей Васильевич Толстой — имел свой собственный домашний театр, где играли его крепостные.

Подобные театры в России были не редкость. Не зная, как заполнить бесконечный досуг, богатые помещики в городских своих домах и у себя в имениях, наряду с другими затеями, заводили театр, чтобы было чем развлечься и, при случае, «угостить» наезжавших знакомых.

Для театральных представлений возводили нередко особые здания. Но чаще подмостки с занавесом и ряды кресел устанавливались в доме, в большом танцевальном зале. Когда спектакль кончался, подмостки убирали и тут же плясали под фортепьяно или оркестр.

В таких театрах выбор пьес, распределение ролей, декорации, костюмы — все зависело от прихоти барина. Обычно барин не хотел отстать от моды. Поэтому представляли комедии, комические оперы, балеты.

Доморощенные артисты играли по-всякому. Ведь в актеры назначали, как в кучера или в дворники. Попадались, правда, и настоящие таланты, но им, как и бездарным, жилось несладко. За малейшую провинность — пинки и зуботычины. За ослушание — розги. Таковы были порядки в помещичьих «храмах искусства».

---

[1] Перевод с французского Г. Шмакова.

Но лицеисты видели лишь парадную сторону крепостного театра.

Театр! У Пушкина загорались глаза, когда ему предстояло отправиться на спектакль. Все театральное, сценическое увлекало его с детства. Отец и мать любили театр. Дядя Василий Львович, побывав в Париже, много рассказывал о знаменитом трагике Тальма, у которого он брал уроки декламации.

Маленький Пушкин не помнил себя от радости, если ему разрешали остаться в гостиной, где отец и дядя под одобрительный смех и шепот гостей разыгрывали сцены из Мольера.

В Лицее тоже устраивали спектакли. Каждый год, когда праздновали 19 октября — день открытия Лицея, — бывал спектакль и бал.

Разыгрывали пьесы, которые писал гувернер Иконников. Он был внуком знаменитого актера Дмитриевского и, хотя не унаследовал от деда сценического таланта, театр любил. Его маленькие пьесы разыгрывали с ширмами вместо кулис, в своих обычных мундирах. Ставили и комедии настоящих драматургов — Княжнина, Шаховского. Уже в костюмах и с декорациями. Однажды разыграли французскую пьесу об аббате — изобретателе азбуки для глухонемых. Ее ставил Давид Иванович Будри. С текстом пьесы он расправился по-свойски: все женские роли переделал в мужские, а влюбленных превратил в друзей. Пушкин никогда не играл, но всегда с удовольствием присутствовал на лицейских спектаклях.

Правда, в театре Толстого было куда интересней. Ярко освещенная зала. Оживленная публика, пришедшая поболтать, позлословить, покрасоваться. Сцена, декорации, музыка, миловидные лица поющих и пляшущих актрис... Пушкин был в восторге: все как в настоящем театре. Он хохотал, аплодировал и даже ненадолго влюбился в хорошенькую крепостную актрису графа Толстого — Наталью.

Он посвятил ей стихи — забавные и наивные, одно из первых стихотворений, сочиненных им в Лицее. Ему хотелось быть героем тех пьес, где роль героини исполняла Наталья.

Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором,
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком...

Филимон и Анюта — герои комической оперы А. А. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват», Опекун и Розина — из комедии Бомарше «Женитьба Фигаро», они попали в это стихотворение со сцены графа Толстого. Пушкин называет Наталью «миловидной жрицей Тальи». Талия — муза комедии. В театре Толстого шли главным образом комические оперы, комедии.

Пушкину нравилась комедия — веселая, занимательная, острая. Недаром среди своих «любимых творцов» называл он «Мольера-исполина», Фонвизина, Княжнина, Крылова. Об авторе «Недоросля» сочинил даже поэму — «Тень Фонвизина», а рукописную сатирическую комедию Ивана Андреевича Крылова «Подщипа», где высмеивалось российское самодержавие, знал наизусть.

Он с интересом слушал рассказы и толки о комедиях, которые давались на петербургской сцене. Особенно о комедиях Шаховского. Ведь из-за его «Липецких вод» в Петербурге шла настоящая война.

Началась она так. В сентябре 1815 года в первый раз давали комедию Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам».

В зале сидело множество литераторов. Все с любопытством смотрели на сцену. Вдруг среди действующих лиц появился жалкий и угодливый поэт Фиалкин. Он твердил о своих балладах, толковал о мертвецах:

В балладах ими я свой нежный вкус питаю.
И полночь, и петух, и звон костей в гробах,
И чу! все страшно в них, но милым все приятно,
Все восхитительно, хотя невероятно.

Чтобы никто не усомнился в том, кого он вывел в «балладнике», Шаховской заставил Фиалкина читать стихи Жуковского, как его, Фиалкина, стихи.

Жуковский сидел тут же в зале.

И пошла война... Молодые литераторы не стерпели обиды, нанесенной Жуковскому и всей новой русской литературе. Они решили объединиться и дать отпор ее врагам. А врагов у новой литературы было много. Главные заседали в «Беседе любителей русского слова», или, как остроумно называл это общество Пушкин, в «Беседе губителей русского слова».

В «Беседу» входили лица чиновные и знатные: четыре министра (среди них и Разумовский), два митрополита и множество «сиятельных»: князь Ширинский-Шихматов, граф Хвостов и другие.

Основателем «Беседы» был адмирал А. С. Шишков. Он и его сторонники цеплялись за старину, за все отжившее и косное. Им хотелось, чтобы языком русской литературы стал церковнославянский, а иностранные слова, вошедшие в русский язык, заменены были бы своими, собственного изготовления. Чтобы вместо «галоши» гово-

рили «мокроступы», вместо «тротуар» — «топталище», вместо «кий» — «шаротык» и так далее в этом роде.

«Беседа» ненавидела все передовое и новое, нападала на Карамзина, на всех, кто писал легко и просто.

Одним из рьяных «беседистов» был и князь А. А. Шаховской.

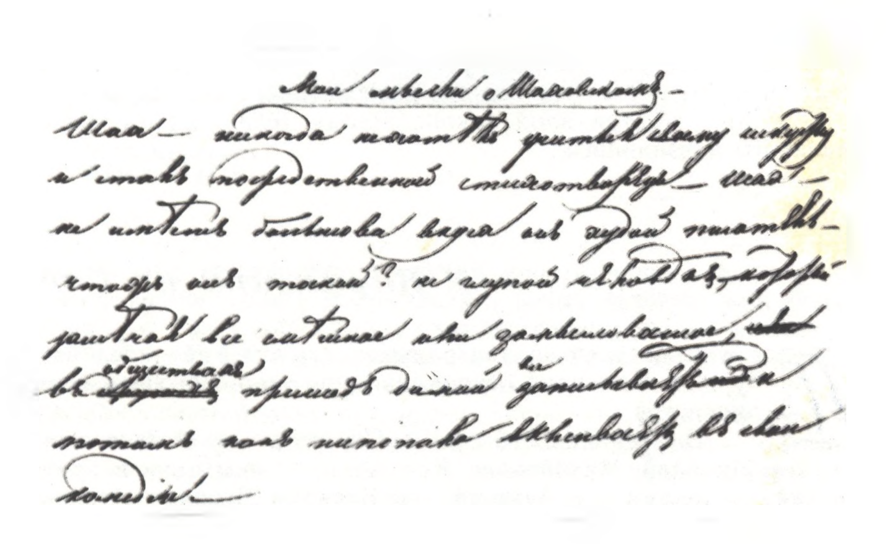
После «Липецких вод» петербургские молодые литераторы для борьбы с консервативной «Беседой» учредили дружеское общество «Арзамас» — по имени городка в Нижегородской губернии. Каждый член «Арзамаса» назывался «гусем» — городок Арзамас славился своими гусями. «Гуси» были простые и почетные.

Секретарем нового общества единогласно избрали Жуковского. Старостой — по возрасту — москвича Василия Львовича Пушкина.

Каждый арзамасец взял себе прозвище из «невинно умученных» баллад Жуковского. Сам Жуковский назвался Светланой, Василий Львович Пушкин — Вот, Батюшков — Ахилл, Денис Давыдов — Армянин, Александр Иванович Тургенев — Эолова арфа.

Учредив свое общество, «арзамасцы» дружно и весело обрушили на Шаховского и его сообщников целый «липецкий потоп» эпиграмм, язвительных пародий, посланий.

«Потоп» сразу же докатился до Царскосельского Лицея. А там уж знали все до мельчайших подробностей. Горчаков — почтительный племянник — послал своему влиятельному дядюшке экземпляр «Липецких

«Мои мысли о Шаховском», заметка Пушкина.
Автограф.

вод» с описанием происшествия на их премьере. Он, как и все в Лицее, был за Жуковского. «Жуковский, — рассказывал дядюшке Горчаков,— очень благородно поступил в этом случае; не показал ни малейшего неудовольствия, он сам был при первом представлении этой пьесы. По окончании спектакля Шаховского вызвали на сцену, в то же время как он откланивался, купец, которому случилось сидеть возле Жуковского, спросил его: что это значит, благодарит он, что ли? — «Нет, извиняется» — отвечал Жуковский. Вот маленькое мщение, которое он себе позволил».

Пушкин всей душой был с «арзамасцами». В «липецкий потоп» влилась и его эпиграмма на столпов «Беседы» — Шишкова, Шаховского, Шихматова.

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховско́й, Шишков.
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховско́й, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Тогда же в лицейском дневнике Пушкина появилась его первая критическая заметка «Мои мысли о Шаховском». Пушкин размышлял о театре, комедии, драматических писателях.

Теперь в театр графа Толстого приходил уже не наивный подросток, восхищавшийся всем, а вдумчивый юноша, многое постигший. И в его новом стихотворении, посвященном той же Наталье — «К молодой актрисе», звучит уже не восторг, а насмешливое осуждение и плохой игры, и тех, кто все прощает актрисе за смазливое личико.

Будущий «театра злой законодатель» делал первые выводы из увиденного и узнанного.

У Карамзина на Садовой

Не успели улечься театральные страсти, не успел отшуметь бурный «липецкий потоп», как еще одно событие взволновало лицеистов.

В феврале 1816 года в Петербург из Москвы ненадолго приехал Николай Михайлович Карамзин. С ним поэт и критик Вяземский — «арзамасец» Асмодей — и Василий Львович Пушкин.

Лицеисты мечтали повидать Карамзина. Но найдет ли он время? Он привез в Петербург для представления царю свой обширный труд — первые восемь томов «Истории государства Российского».

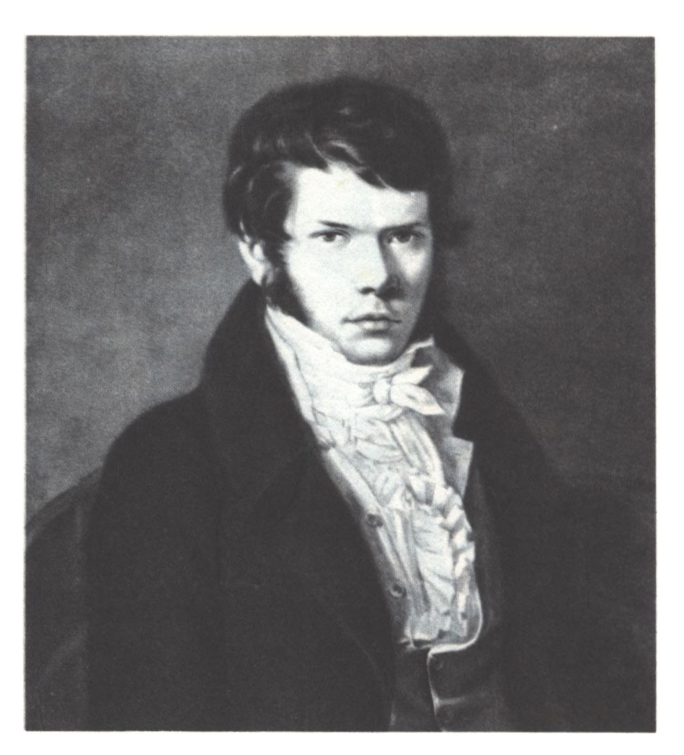

Н. М. Карамзин.
Гравюра. 1816 г.

«Как же это ты пропустил случай видеть нашего Карамзина, бессмертного историографа отечества?» — пенял Илличевский Фуссу и прибавлял не без гордости: «... мы надеемся, однако ж, что он посетит наш Лицей; и надежда наша основана не на пустом: он знает Пушкина и им весьма много интересуется».

Карамзин действительно приехал в Лицей. На обратном пути из Петербурга в Москву завернули в Царское Село Карамзин, Василий Львович Пушкин, Вяземский. Их провожали Жуковский и Тургенев.

Лицеисты глазам не верили: в их актовом зале — цвет российской литературы. Но поговорить с Карамзиным лицеистам не удалось. Им целиком завладело начальство. Зато Жуковского, Василия Львовича, Вяземского окружила молодежь.

П. А. Вяземский.
Портрет работы Х. Рейхеля. 1817 г.

С Петром Андреевичем Вяземским Пушкин встретился впервые. Они понравились друг другу и расстались друзьями. Вяземский обещал прислать из Москвы свои стихотворения и статьи.

Гости уехали, и лицейский мирок показался вдруг Пушкину таким тесным и унылым, что он не выдержал и послал вдогонку Вяземскому шутливо-жалобное письмо:

«27 марта 1816.

Князь Петр Андреевич,

Признаюсь, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало[1] могла победить благословенную мою

---

[1] Шапель и Буало — французские поэты XVIII века. Пушкин здесь имеет в виду стихи самого Вяземского в духе этих поэтов.

леность. Так и быть; уж не пеняйте, если письмо мое заставит зевать ваше пиитическое сиятельство; сами виноваты; зачем дразнить было несчастного царскосельского пустынника, которого уж и без того дергает бешеный демон бумагомарания. С моей стороны прямо объявляю вам, что я не намерен оставить вас в покое, покамест хромой софийский почтальон не принесет мне вашей прозы и стихов. Подумайте хорошенько об этом, делайте, что вам угодно — но я уже решился и поставлю на своем.

Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей (или Ликей, только, ради бога, не *Лицея*) не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединение в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом,
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами;
Блажен, кто шумную Москву
Для хижины не покидает...

Правда, время нашего выпуска приближается; остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!.. целый год еще дремать перед кафедрой... это ужасно... Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей российского слова... Любезный арзамасец! утешьте нас своими посланиями — и обещаю вам, если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего Лицея...

Александр Пушкин».

Прошел месяц с небольшим, и хромой софийский почтальон принес Пушкину письмо. Правда, не от Вяземского, а от дяди Василия Львовича. Но там было и о Вяземском. «Вяземский тебя любит и писать к тебе будет». Было и о Карамзине: «Николай Михайлович в начале мая отправляется в Сарское-село. Люби его, слушайся и почитай. Советы такого человека послужат к твоему добру и может быть к пользе нашей словесности. Мы от тебя многого ожидаем».

В. Л. Пушкин.
Рисунок Ж. Вивьена. 1820-е годы.

Карамзин приезжает на лето в Царское Село! Это известие обрадовало Пушкина. Он поспешил оповестить весь Лицей.

Скоро узнали, что по приказанию царя Карамзину отведен домик в двух шагах от Лицея, на Садовой улице.

Садовую улицу Пушкин знал как свои пять пальцев. Начиналась она у дворца, у лицейской арки, и неширокой полосой убегала вдаль. Эта старинная улица Царского Села получила свое название от парка-сада. Ведь по одну ее сторону с начала до конца зеленой стеной протянулся парк, отделенный от улицы водою, каналом. Этот живописный канал с каменными уступами и маленькими водопадами служил не только украшением, но и преградой: российские самодержцы опасались «верноподданных».

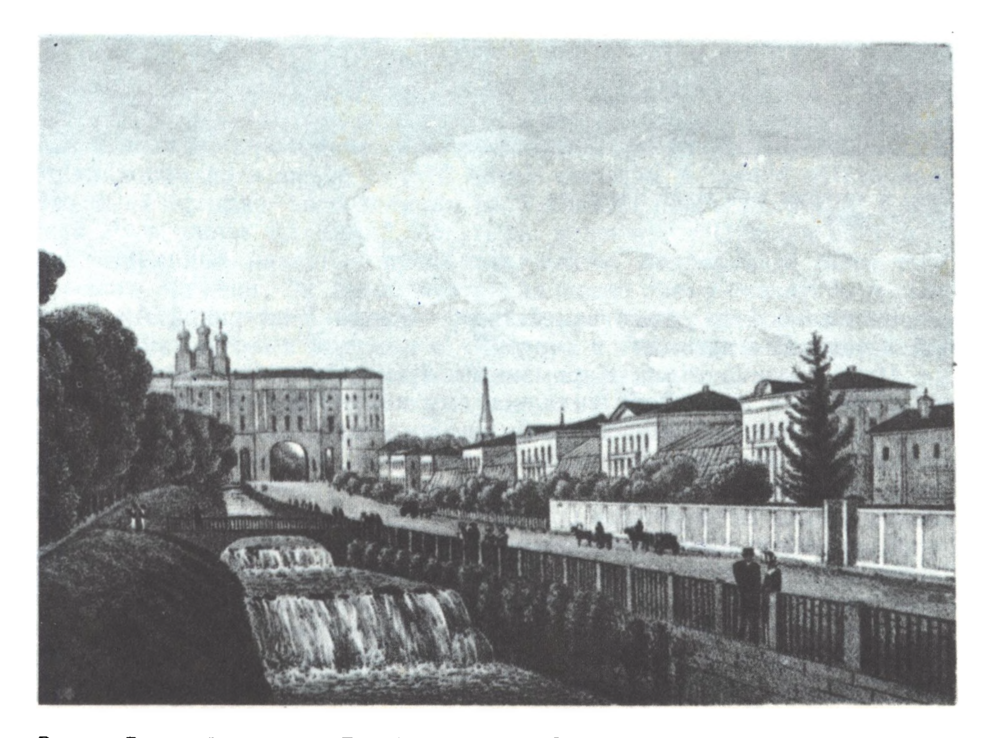
Другую сторону Садовой улицы, как и прилегающие к ней кварталы, составляли служебные каменные строения, относящиеся ко дворцу: нижние конюшни, манеж, огромные оранжереи и, ближе к Лицею, «кавалерские домики».

«Кавалерских домиков» было четыре. Небольшие, двухэтажные, каменные, простой архитектуры, они строились еще при Елизавете Петровне для приезжающих придворных — «кавалеров».

Один из таких домиков и был предоставлен Карамзину.

Чтобы проверить, отделан ли домик, из Петербурга приезжал Александр Иванович Тургенев. Пушкин с Дельвигом ходили вместе с ним. Их очень насмешило, что на стене одной из комнат придворный живописец Бруни нарисовал большой портрет Карамзина.

Когда однажды майским вечером Пушкин заглянул в домик на Садовой, он увидел приехавшего Карамзина. Николай Михайлович

Вид на Большой дворец и Лицей со стороны Садовой улицы.
Литография А. Мартынова. Около 1820 г.

Дом, в котором жил Н. М. Карамзин.
Фотография

познакомил его со своим семейством — женой Екатериной Андреевной и четырьмя детьми.

Пушкин зачастил к Карамзиным. Каждый вечер после классов он прибегал к ним. Дети кидались ему навстречу — они его ждали; с его приходом начиналась возня, веселые игры, шалости. Карамзин рассказывал в письме Вяземскому, что у них бывают воспитанники Лицея Пушкин и Ломоносов и «смешат своим добрым простосердечием. Пушкин остроумен».

Карамзины жили размеренно и скромно. Ни больших доходов, ни любви к светской жизни у них не было. Историограф не гнался за почестями. Даже портрет свой на стене, нарисованный Бруни, велел замазать. Он презирал суетность. Его всецело поглотила работа над «Историей». Еще в 1803 году он получил официальное звание историографа, пенсию в две тысячи рублей и повеление написать полную историю России. И с тех пор занимался этим усердно и неусыпно.

Пушкин привык к тому, что все окружающие отзывались о Карам-

зине почти с благоговением. Он первый в российской прозе заговорил языком изящным и легким. Его чувствительные творения — «Письма русского путешественника», «Наталья — боярская дочь» и особенно «Бедная Лиза» — имели шумный успех. Сколько слез было пролито на кружевные платочки при чтении трогательной истории несчастной любви простой цветочницы Лизы к дворянину Эрасту. К пруду у Симонова монастыря, где будто бы утопилась несчастная брошенная Лиза, ходили толпами.

Писал Карамзин и стихи. Начал и не окончил поэму «Илья-богатырь».

Все это было прежде, а ныне... Пушкин не понимал, как мог выдающийся писатель оставить литературу и «постричься в историки»... Он не утерпел и сочинил на Карамзина эпиграмму:

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть, про Грозного царя...»
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

И все-таки Пушкин с большим интересом относился к историческим занятиям Карамзина. Он весь превращался в слух, когда Николай Михайлович по просьбе друзей читал отрывки из своей «Истории». Это была история, воссозданная талантливым пером писателя. Киевская Русь, князь Владимир, богатыри, печенеги... Пушкин впитывал все: старинные названия предметов, имена, подробности быта того далекого времени. Он давно мечтал написать поэму-сказку. И может быть, здесь, в «кавалерском домике», слушая размеренное чтение Карамзина, впервые подумал о «Руслане и Людмиле». Он начал эту поэму в Лицее, а имя Черномора — злого волшебника — взял из «Ильи-богатыря» Карамзина.

Пушкин не раз слушал чтение глав «Истории». Но далеко не все в ней нравилось ему, Карамзин пытался доказать, что единственно возможная для России «благодетельная» форма правления — это самодержавие, ничем не ограниченная царская власть. Ученик Куницына, Пушкин думал иначе. Ему вспоминались слова Шиллера, которые Кюхельбекер старательно выписал в свой «Словарь»: «Для гражданина самодержавная верховная власть дикий поток, опустошающий права его». В этом вопросе придворный историограф и юный его гость расходились.

Да и не только в этом. Дружбы между ними не было. Талантливый юноша с его кипучим темпераментом и смелостью суждений вызывал у Карамзина смешанное чувство благосклонного интереса и настороженности.

Семейство Карамзина — его жену и детей — Пушкин искренне полюбил. Полюбил на всю жизнь. Когда в конце сентября домик на Садовой опустел, ему не раз взгрустнулось. Но утешало то, что Карамзины из Москвы переселились в Петербург и скоро, теперь совсем уже скоро, выйдя из Лицея, он сможет бывать у них когда вздумается.

„Отчаянные гусары“

Однажды у Карамзина Пушкин встретил молодого гусарского офицера. Карамзин познакомил их:

— Петр Яковлевич Чаадаев... Лицейский Пушкин.

Гусар был серьезен, сдержан и изысканно красив. Когда он откланялся, Карамзин рассказал Пушкину, что это родовитый московский барич, внук известного историка князя Щербатова. Несмотря на свою молодость и утонченную внешность, Чаадаев храбрый солдат. Он сражался при Бородине, брал Париж. Он умен, образован, занимается философией.

Пушкина заинтересовал гусар-философ. Чаадаеву уже говорили о Пушкине. После нескольких встреч они подружились. Пушкин был в восхищении от ума Чаадаева. Теперь только и слышалось: «Чаадаев полагает... Чаадаев сказал...»

Они встречались у Карамзиных, гуляли вместе в парке. Если бы знал Карамзин, о чем толковали они... Чаадаев был настроен решительно и резко. Всесильного Аракчеева называл он злодеем, высшие власти, военные и гражданские, — взяточниками, дворян — подлыми холопами, духовных — невеждами. «А все остальное, — говорил он с горечью, — коснеет и пресмыкается в рабстве».

Чаадаев пригласил Пушкина к себе в казармы.

Казармы лейб-гвардии Гусарского полка находились в Софии. Это предместье Царского Села возникло по прихоти Екатерины II. Екатерине до смерти хотелось покорить Константинополь, изгнать турок из Европы и прослыть во всем мире поборницей христианства. Но пока Константинополь был во власти турок, российская императрица тешилась тем, что готовила для него православного императора. Второго внука своего она назвала Константином, приставила к нему няню-гречанку и грека камердинера. Рядом с Царским Селом, за парком, на другом берегу озера, велела выстроить «второй Константинополь» — уездный городок Софию — и учредить при нем Софийский уезд.

П. Я. Чаадаев.
Портрет работы неизвестного художника. 1810-е годы.

На месте будущего городка архитектор Камерон воздвиг каменный Софийский собор — в пику туркам, превратившим Софийский собор в Константинополе в мечеть Айя-София. Тут же близ собора поместился ряд зданий, стоящих в виде декорации и напоминающих Константинополь, а против них, в дворцовом саду, высилась башня-руина, символизирующая собою падение Оттоманской Порты.

Предполагалось, что после постройки Софии жители Царского Села переселятся туда. Но получилось по-другому. София не росла, а хирела. И в 1808 году, уже при Александре I, велено было ее как

городок упразднить, соединить с Царским Селом и впредь именовать: Царское Село, или София. На месте «второго Константинополя» возник военный городок, застроенный казармами. Софийский собор — свидетель неудавшегося «греческого проекта» — стал церковью Гусарского полка.

Сюда-то, в Софию, к своему новому другу частенько по вечерам наведывался Пушкин. Со многими гусарскими офицерами он уже был знаком. Они встречались у Вельо, Ожаровского, Карамзина, в манеже.

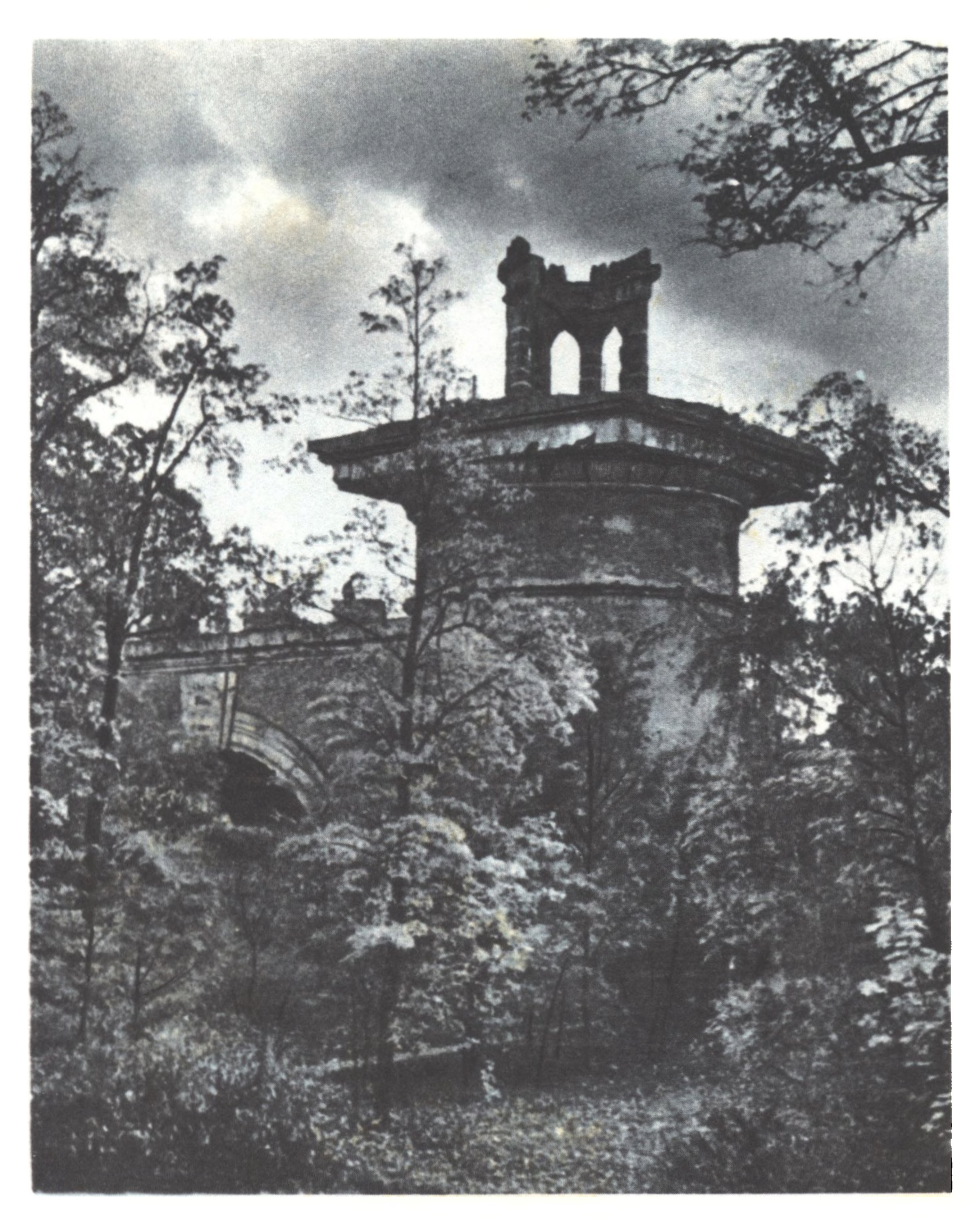
Три раза в неделю воспитанники Лицея ходили попеременно в гусарский манеж, где подполковники Крекшин и Кнабенау обучали их верховой езде.

Когда Пушкин являлся в Софию к Чаадаеву, гусары встречали его с шумным радушием. Они ценили его остроумие и стихи.

Пирушки далеко за полночь, романсы под гитару, веселье, смех, бесконечные рассказы о приключениях военных и не военных...

София.
Рисунок Д. Кваренги. Начало XIX века.

Башня «Руина» в Екатерининском парке.
Фотография.

Н. Н. Раевский.
Рисунок неизвестного художника. 1820-е годы.

Сколько в ней привлекательного — в бесшабашной гусарской удали, в благородной воинской славе!

Первое впечатление от гусарской жизни было восхитительным. Пушкин подумывал, не пойти ли ему после Лицея в гусары, и даже писал об этом в стихах:

Покину кельи кров приятный,
Татарский сброшу свой халат,
Простите, девственные музы!
Прости, приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,

Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных муз —
В числе воюющих корнетов!

Про гусарские усы Пушкин сочинил «философическую оду». Она так и называлась — «Усы». Сочинял он и другие «гусарские» стихотворения.

Но не пирушки главным образом привлекали Пушкина в Софию. Среди «не слишком мудрых усачей» были образованные и чрезвычайно умные — такие, как Чаадаев, Каверин, Николай Раевский, Молоствов. Недаром Пушкин позднее вспоминал, как он

... с Кавериным гулял,
Бранил Россию с Молоствовым,
С моим Чадаевым читал...

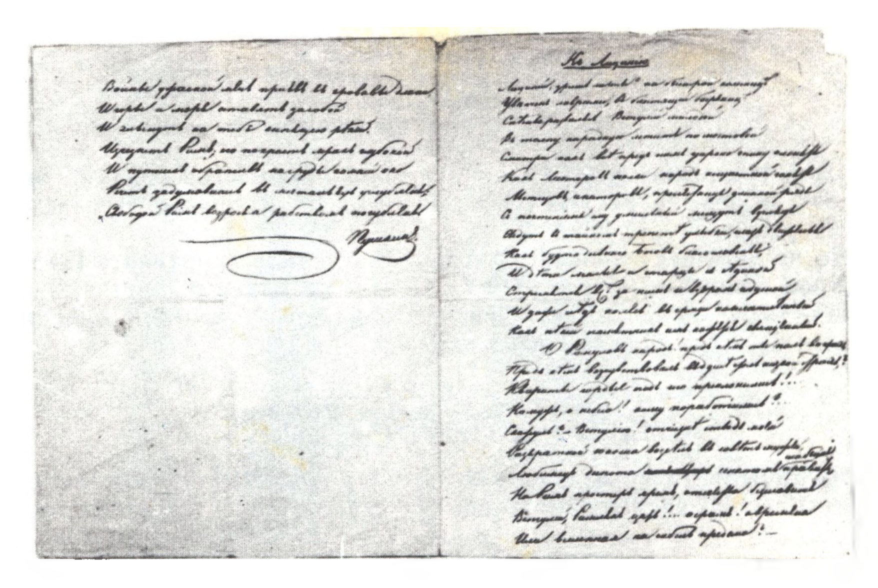
Их дружба, их разговоры и привлекали его в Софию. Эти молодые офицеры, возвратившиеся недавно в Царское Село из заграничных походов, повидали много нового. Они вернулись в отечество с упованиями и надеждами. И что же? Ничто не изменилось. Где те преобразования, что сулил всем царь? Где свободы для граждан? Где вольность для народа? Вчерашние герои, освободители Европы у себя на родине вновь превратились в бесправных и жалких крепостных рабов. Царь равнодушен к России. Всем заправляет бесчестный и подлый временщик Аракчеев. Доколе же терпеть? Не пора ли начать действовать?

Это были не только веселые и шумные пирушки... Среди негодующих голосов здесь звучал и голос Пушкина. Он читал свои стихи, свое гневное послание «К Лицинию». И хоть речь в нем шла о Риме, о поработившем страну любимце деспота, развратном юноше Ветулии, ни римский колорит, ни подзаголовок «с латинского» никого не обманули. Все отлично понимали скрытый смысл стихов.

О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей;
Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий римлян царь! .. О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?

С каким воодушевлением слушали гусары юношу-поэта, когда он с жаром восклицал:

Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.

«К Лицинию», стихотворение Пушкина.
Автограф.

В их душах тоже кипела свобода. Они, так же как и он, были твердо убеждены, что

Свободой Рим возрос, а рабством погублен...

Так проходили вечера у «отчаянных гусаров».

Через несколько лет шпион от литературы Фаддей Булгарин в своем доносе на Лицей, рассуждая, откуда пошел крамольный «лицейский дух», писал: «В Царском Селе стоял Гусарский полк, там живало летом множество семейств, приезжало множество гостей из столицы, — и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральные, которые кружили в свете. Должно заметить, что тогда было в моде посещать молодых людей в Лицее; они даже потихоньку (то есть без позволения, но явно) ходили на вечеринки в домы, уезжали в Петербург, куликали [1] с офицерами. В Лицее начали читать все запрещенные книги, там находился архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло к тому, что если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в Лицей».

---

[1] Куликали — кутили, пировали.

Булгарин хорошо знал факты.

Лицеистов посещали многие, и среди них — будущие «государственные преступники», члены тайных обществ: Павел Пестель, Федор Глинка, Никита Муравьев. В «лицейскую республику» из гусарского полка проникали запрещенные рукописи и книги.

Пушкин в стихотворении «Городок» писал:

Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь. . .

Илличевский объяснял Фуссу свою неаккуратность в переписке: «У нас завелись книги, которые по истечении срока должны были отправиться восвояси, — я хотел прочесть их, но не хотел пропустить времени и сделал преступление против законов дружества».

Лицеисты действительно проводили время с офицерами. В Софию ходил не один только Пушкин. Пущин, Вольховский, Кюхельбекер и Дельвиг были частыми гостями офицерского кружка, носившего название «Священная артель». Там тоже говорили «о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне».

Тогда же в Софии член «Священной артели» И. Г. Бурцов принял в Тайное общество декабристов «Союз спасения» лицеистов Пущина и Вольховского. Он считал, что по своим убеждениям, вынесенным из Лицея, они «готовы для дела», то есть для борьбы за свободу.

О Пушкине Пущин говорил: «Он всегда согласно со мною мыслил о деле общем». Хотя Пушкин не состоял в тайном обществе, он готов был «для дела», как и его друзья.

„Под сенью дружных муз"

Лето 1816 года было душным и знойным. Горчаков, рассказывая дядюшке о лицейских новостях, писал: «. . . наши домашние поэты что-то умолкли; сам Пушкин заленился, верно, и на него действует погода».

Пушкин жару не любил. А погода стояла такая, что впору было петь пеан Илличевского — одну из любимых лицейских «национальных» песен:

Лето, знойна дщерь природы,
Идет к нам в страну;
Жар несносный с бледным видом
Следует за ним.

Виттоловский пруд в Александровском парке.
Фотография.

Весна убегает из наших полей
Зефиры, утехи толпятся за ней:
Все, что было красой, все бежит:
Река иссыхает, ручей не журчит.

Цвет приятный трав зеленых
Блекнет на лугах;
Тень прохладна уж не в силах
Нас от зноя скрыть. . .

Жара, летние развлечения, встречи со знакомыми, посещения театра отнюдь не располагали к усидчивым занятиям.

Но лето минуло быстро. В августе полили докучные дожди. «Все прекрасное общество мало-помалу дезертирует, и блестящее Царское Село снова превращается в бедный маленький городок, который будет иметь значение только благодаря тому, что императорский Лицей соглашается в нем пребывать», — сетовал Горчаков.

Уехали Карамзины, исчезла Бакунина. В дождливые темные вечера не хотелось так часто ходить к гусарам в Софию. И Пушкин, а с ним и другие лицейские поэты, очинили свои гусиные перья, вынули заброшенные на лето тетради со стихами.

Лицейские поэты вновь призывали своих покровительниц-муз.

О музах, или каменах, — богинях-покровительницах искусств в Древней Греции — профессор Кошанский рассказывал: «В начале их полагали только три; но, по общему народному преданию, считают их девять, как-то: Клио — муза истории; Калиопа — эпической поэзии; Мельпомена — трагедии; Талия — комедии; Эрато — танцев и музыки; Эвтерпа — игры на флейте; Терпсихора — цитре [1]; Полигимния — пения и Урания — астрономии».

Пушкин в своих стихах не однажды обращался к каменам, или музам, но его собственная муза мало походила на древнегреческих богинь. Та, что являлась ему в детстве, была похожа на няню Арину Родионовну и бабушку Марию Алексеевну, а нынешняя удивительно напоминала Бакунину, «милую Бакунину». . .

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,

[1] Терпсихора — также муза танца.

Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон.
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала. . .

Она бывала веселой и беспечной, задумчивой и грустной, его юная муза. Той осенью она навевала ему элегически унылые стихи. Любовь к Бакуниной все еще жила в его сердце. И, просыпаясь поутру в своей

Аполлон и музы.
Гравюра. Начало XIX века.

лицейской келье, он с грустью думал о том, что кончились мимолетные встречи, доставлявшие ему отраду и мученье, что напрасно он будет бродить по опустевшему царскосельскому парку, ища ее следов...

С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, блистает бледный день,
А вкруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... Я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее — и глас уединенный
Пустых долин позвал ее вдали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ незабвенный,
Уж нет ее!...До сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых;
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

С приходом осени оживилась и резвая муза Дельвига. Он вновь писал о любви, о дружбе, о простой и мирной доле беспечного поэта:

Вот бедный Дельвиг здесь живет,
Не знаем суетою,
Бренчит на лире — и поет
С подругою мечтою...

Дельвиг, «ленивец сонный» Дельвиг, над стихами которого вначале потешались, стал вторым после Пушкина лицейским поэтом. Его стихи печатались в журналах, переписывались в лицейские сборники. С его вкусом и мнением товарищи считались. Недаром на журнале «Лицейский мудрец» стояла надпись: «Печатать позволяется. Цензор барон Дельвиг».

Пушкин позднее рассказывал о Дельвиге: «Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть Собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей,

живым лексиконом и вдохновеннным комментарием [1]; Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными.

Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию... В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял».

Сколько чудесных часов провели они вместе в аллеях старого парка, читая, беседуя, поверяя друг другу свои замыслы и мечты... Среди лицейских муз муза Дельвига была Пушкину самой близкой.

Третьим лицейским поэтом считали Илличевского. Давно минуло то время, когда не слишком взыскательные поклонники называли его «великим» и слагали в его честь хвалебные гимны. Музы относились к Илличевскому сдержанно. Он был не поэтом, а тем, что называется «бойким рифмачом». Его тянуло к мелочам, к поэтическим безделкам.

Четвертым лицейским поэтом считался Кюхельбекер, хотя по праву его место было рядом с Дельвигом.

Кюхельбекер говорил, что к писанию стихов его приохотил Илличевский.

Не позабудь поэта,
Кому ты первый путь,
Путь скользкий, но прекрасный,
Путь к музам указал.

Поэтический путь Кюхельбекера был действительно нелегок. Товарищи не понимали его своеобразных литературных вкусов и смеялись над ним, а он, заикаясь от волнения, доказывал, что поэзия есть нечто грандиозное и высокое, а не безделки и шутки. И в подтверждение читал своего любимого Шиллера. У него был свой путь, свое понимание прекрасного. При желании он мог бы писать обычные гладкие стихи не хуже Илличевского, но он не хотел. Как одержимый, искал он чего-то необычного, нового. Плоды его поисков и неудачных экспериментов вызывали все новые насмешки товарищей. Правда, к концу их лицейской жизни насмешек стало меньше, — ведь Кюхля печатал в журналах свои стихи и статьи, а его образованности, знаниям мог позавидовать каждый.

Кроме этих признанных лицейских поэтов были и такие, которые писали стихи время от времени, — Корсаков, Яковлев. Их больше увлекали музыка и пение.

---

[1] Речь идет о Кюхельбекере, имя которого как «государственного преступника», нельзя было называть в печати.

В садах Лицея.
Рисунок Н. Кузьмина. 1933 г.

Были в Лицее и свои прозаики. Переводил и печатал прозаические переводы Иван Пущин.

Он перевел из Лагарпа статью «Об эпиграмме и надписи у древних». Стихи в этой статье перевел по просьбе друга Пушкин. Перевод был послан в журнал «Вестник Европы» и напечатан там в 1814 году за подписью «П». В том же году в «Вестнике Европы» появился еще один перевод Пущина — из Лафатера — «О путешественниках». Пущин

и впоследствии славился прекрасным слогом. «В историческом роде» писал Горчаков. Сочинял и веселый, добродушный лентяй Константин Данзас. Его лицейское прозвище было Медведь, Мишка («Он был медведь, но был он мишка милый»). Данзас издавал журнал «Лицейский мудрец» и почти все статьи для него придумывал сам. Он переписывал «Мудреца» своим прекрасным почерком, и на журнале стояло: «В типографии К. Данзаса».

Через много лет, когда Пушкин вызвал на дуэль Дантеса, секундантом Пушкина был его лицейский товарищ полковник Данзас...

Дружные сестры-музы с благосклонностью взирали на многих воспитанников Царскосельского Лицея, но одного они отличали особенно. Он подавал наибольшие надежды. Звали его — Пушкин.

„Пушкин! Он и в лесах не укроется...“

Через несколько месяцев после того, как Державин на публичном лицейском экзамене с волнением слушал «Воспоминания в Царском Селе», в журнале «Российский музеум» появились стихи под названием «Пушкину». В них шестнадцатилетний воспитанник Царскосельского Лицея Пушкин объявлялся бессмертным поэтом.

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением.
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

Под стихами стояла подпись «Д». Кто скрывался за этой буквой? Державин? Ничуть не бывало. Дельвиг. Это он первый поведал читающей публике о необычайном даровании друга.

Пушкин был смущен и растроган. Он ответил Дельвигу:

Спасибо за посланье,
Но что мне пользы в том?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом!..
О Дельвиг! начертали
Мне Музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?

Вслед за Дельвигом и другие лицейские поэты высоко оценили Пушкина. «Дай бог ему успеха, — писал Илличевский. — Лучи славы его будут отсвечиваться и в его товарищах».

Слух о том, что в Царскосельском Лицее подрастает невиданный талант, быстро распространился за пределами Царского Села.

Осенью 1816 года, едучи из Петербурга в далекий Париж, член тайного общества офицер М. С. Лунин говорил французскому писателю Ипполиту Оже: «Русский язык должен быть первым, когда он наконец установится... Карамзин, Батюшков, Жуковский, также и наше восходящее светило юноша Пушкин уже сделали некоторые попытки для обработки его».

В Москве Василий Львович Пушкин в собрании «Общества любителей российской словесности» читал стихи племянника.

П. А. Вяземский писал К. Н. Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? чудо и все тут. Его Воспоминания вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровия и учения и в нем прок и горе нам. Задавит, каналья».

Жуковский прислал Пушкину в Лицей свои стихи с надписью: «Поэту-товарищу Ал. Серг. Пушкину от сочинителя». Это было всерьез и с полнейшим уважением.

«Арзамасцы» во главе с Жуковским нетерпеливо ожидали выхода Пушкина из Лицея. Они считали его своим и заранее придумали ему «арзамасское» прозвище — Сверчок. Это было очень метко. Лицейские стены скрывали Пушкина, он, как сверчок, был невидимкой, но его поэтический голос звучал звонко и явственно.

Пушкин знал, сколь большие надежды возлагают на него. Это волновало и радовало.

Чем же ознаменовать ему свое вступление в жизнь? Он начал большую комедию «Философ» и, перебирая тетради со стихами, вдруг подумал, что неплохо бы издать свои лицейские стихотворения.

Он взял лист, на котором написан был конец стихотворения «Пирующие студенты», и набросал на обороте план сборника: «Послания», «Лирическое и Пьески», «Элегии», «Эпиграммы и надписи»... Он наметил включить в сборник больше сорока стихотворений и начал их переписывать в тетрадь, озаглавленную: «Стихотворения Александра Пушкина». Переписывать помогали товарищи: Пущин, Илличевский, Горчаков, Ломоносов, Дельвиг, Кюхельбекер, Вольховский, Матюшкин, Яковлев, Корсаков, Есаков. Даже Мясоедов переписал одно. Он хотел идти в гусары, и стихотворение «Усы» — о гусарских усах — пришлось ему особенно по сердцу.

В плане будущего сборника стояло: «XV элегий». В 1816 году Пушкин с особым увлечением писал элегии, где воспевалась не-

Павильон «Китайская беседка» в Екатерининском парке.
Фотография.

счастная любовь, разлука с милой, увядающая молодость, страдания, слезы.

...Как непохожи они были на его прежние стихи, беззаботные и веселые. Что же с ним произошло? Он был подростком, а стал юношей. Многое понял, узнал, перечувствовал, другими глазами увидел жизнь и себя. И многое переоценил.

Не вечно нежиться в приятном ослепленьи:
Докучной истины я поздний вижу свет.
По доброте души я верил в упоеньи
Мечте шепнувшей: ты поэт, —
И, пре́зря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, я, трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами;
Мечтательных Дорид [1] и славил и бранил,
Иль дружбе плел венок, и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало.

Так думал он теперь. Что же вывело его из «приятного ослепленья?» Он считал, что открыл ему глаза «строгий опыт». Жизненный опыт его действительно увеличился. Лицейский мирок раздвинулся. Собственные наблюдения, чтение, беседы с товарищами и новыми друзьями, политические уроки Чаадаева, рассказы гусар... Этот «строгий опыт» изменил его взгляды на жизнь, на себя, на то, что писал он ранее. Нет, жизнь не праздник. Сколько в ней тяжкого. Даже любовь — «веселье жизни хладной» — и та таит в себе горести.

Как понимал он теперь Жуковского, его задушевные, грустные, меланхолические элегии, эти поэтические жалобы на окружающую жизнь.

И он стал писать элегии. В них учился показывать внутренний мир человека, его тревоги и горести, его сокровенные чувства. И, учась, делал удивительные успехи.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! Ле́ти, не жаль тебя,

[1] Дориды — нимфы. В греческой мифологии «почитались существами средними между богов и человеков». «Обыкновенное жилище их было пещеры... Были Ореады, или Нимфы гор; Наяды, Нереиды и Потеииды — Нимфы вод, морей и рек; Дриады — Нимфы лесов» (Кошанский).

Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!

Да, Жуковский уже имел полное основание называть юного лицеиста «поэтом-товарищем».

Перед выпуском

ще летом 1816 года сообщили новость: граф Разумовский с соизволения царя распорядился ускорить выпуск на четыре месяца. Выпуск состоится в будущем, 1817 году, не в октябре, а в июне.

Что заставило начальство торопиться с выпуском, — неизвестно. Вероятнее всего, царь был не прочь поскорее избавиться от беспокойных соседей, превратившихся из «веселых отроков» в независимых задорных юношей. От них было мало проку. Когда царь предложил посылать их во дворец дежурить при царице, Энгельгардт отговорился, что придворная служба отвлечет от занятий. Но куда их пристроить, когда они кончат Лицей?

О намерениях Сперанского сделать выпущенных лицеистов реформаторами России не могло быть и речи. Царь ничего не собирался ни менять, ни обновлять. Он уже не либеральничал. После Венского конгресса, где заключил он с прусским королем и австрийским канцлером Меттернихом «Священный союз» для борьбы с освободительным движением в Европе, его собственное лицо вырисовывалось все яснее. Он боялся. Боялся революций в Европе, боялся своих подданных.

Конечно, самое лучшее — выпустить лицейских в армию. Солдат не рассуждает, солдат повинуется.

Царь вызвал Энгельгардта.

— Есть между воспитанниками желающие в военную службу?

— Есть, государь. Не менее десяти.

— В таком случае их надо познакомить с фрунтом.

Познакомить с фрунтом... Услыхав эти слова, Энгельгардт испугался. Царь с большим удовольствием превратит Лицей в казарму.

Натянуто улыбаясь, Энгельгардт вынул из кармана садовый ножик.

— Вот единственное оружие, которым я владею. Мне придется оставить Лицей, если в нем будет ружье.

Царь настаивал. Энгельгардт отговаривался. Наконец порешили учредить для желающих класс военных наук.

Так появился среди лицейских профессоров инженерный полковник Эльснер. Когда-то он был адъютантом Тадеуша Костюшки — отважного борца за независимость Польши. Теперь преподавал лицеистам артиллерию, фортификацию и тактику.

Среди тех, кто посещал класс военных наук, были Пущин и Вольховский. Что привлекало их в военной карьере? Не усы, не мундир. Членам тайного общества, куда принял их Бурцев, предписывалось служить, чтобы разъяснять сослуживцам положение дел в России, подбирать единомышленников, воздействовать на умы. С этой благородной целью и шли они в армию.

Но большинство воспитанников предпочитало военной службе штатскую.

Горчаков, Ломоносов, Корсаков, Юдин, Гревениц решили идти «по дипломатике». Горчаков кроме французского и немецкого принялся за языки итальянский и английский. Он писал дядюшке, что их директор Энгельгардт, который долгое время служил в дипломатическом корпусе, помогает им готовиться к служебной карьере. Он раздобыл для них переписку берлинского и русского двора, будет учить их писать депеши, вести журнал, делать конверты без ножниц, различной формы пакеты и прочее, «...словом, будто мы в настоящей службе».

Моденька Корф и Лиса-Комовский тоже решили идти в чиновники. Кюхельбекер и на этот раз многих удивил. Он заявил решительно, что поедет школьным учителем куда-нибудь в провинцию. Дельвиг еще толком не знал, куда определиться. Пока что собирался к родным в Кременчуг.

А Пушкин? Как он решил свою судьбу? В голове его бродили гусарские мечты... Он пойдет в гусары, непременно в гусары. Там столько друзей... И почему бы не пойти? Он здоров, силен, ловок. Прекрасно ездит верхом. По фехтованию у Вальвиля он один из первых. Но без согласия отца ничего нельзя решить.

Сергей Львович сына выслушал, но согласия не дал.

Отца поддержали родные и друзья. Все в один голос отговаривали идти в военную службу. Отговаривал дядюшка Василий Львович, отговаривал генерал Алексей Федорович Орлов.

Пушкин сдался не сразу. С дядей спорил в стихах.

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне с гусаром...

Ты скажешь: «Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Все это оды не внушит,
А только душу иссушит. . .»

Доводы генерала Орлова были самыми вескими: гусарская служба — лямка. Это фрунт, муштра. Мученье для офицеров; унижения, побои, каторга для солдат.

Возражать было трудно. Пришлось согласиться.

Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!

Теперь по вечерам в лицейском зале только и толковали, что о будущем выпуске. А выпуск приближался. Это чувствовалось во всем.

Площадь у Калинкина моста через Фонтанку в Петербурге.
Литография Ф. Перро. 1840 г.

В декабре 1816 года впервые им разрешили на целую неделю, на все рождественские каникулы, уехать к родным в Петербург.

Сколько тут было ликования и радости! За Пушкиным приехал отец, и они укатили.

Родители жили в Коломне — неприглядной отдаленной части Петербурга, но и она показалась лицейскому затворнику райским уголком.

Стремительно взбежал он на второй этаж большого каменного дома на Фонтанке и очутился в объятиях сестры, бабушки, няни Арины Родионовны. Его обнимали, целовали, поворачивали, разглядывали. В этот вечер он заснул в совершенном упоении.

Планов было множество: навестить Жуковского и других знакомых, побывать в театре, побродить по городу.

К Жуковскому он отправился на следующее же утро, но дома не застал. Пришлось оставить записку и книги, которые Василий Андреевич привозил им с Кюхлей в Лицей. В шутливой записке Пушкин написал по-французски: «Мы возвращаем вам Вольтера... И сверх того г-н Кюхельбекер посылает вам 4 тома «Амфиона» [1]. Очень благодарен от себя. Мой милый господин Жуковский, надеюсь, что завтра я буду иметь удовольствие видеться с вами...

Пушкин».

Встречи, прогулки, театр... Неделя промелькнула как миг.

В первый день января 1817 года у дома на Фонтанке, где жили Пушкины, стоял нанятый извозчик: гостя провожали обратно в Лицей.

Пушкину было грустно, уезжать не хотелось. Но удивительное дело — всю дорогу, пока ехали, его не покидало странное чувство. Казалось, будто из гостей он возвращается домой. Чем ближе подъезжали к Царскому Селу, тем больше это чувство росло и крепло, тем сильнее хотелось поскорей увидеть товарищей.

Вот уж близко... Вот лицейское крыльцо.

— Стой, братец, стой!

Пушкин быстро расплатился и бегом к крыльцу.

На лестнице ему попался улыбающийся Данзас. И он обнял его с такой силой и горячностью, что Данзас посмотрел на него с испугом.

Пушкин снова был с друзьями.

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.

---

[1] «Амфион» — журнал, издававшийся в Москве.

Выпуск, скоро выпуск... Директор, профессора и воспитанники Лицея были заняты им и только им одним.

Пятнадцать экзаменов не шутка. И хотя в Лицее, как и во многих других учебных заведениях, экзамены скорее напоминали спектакль, чем настоящую проверку знаний, дела хватало всем. «Мы опять за книги, — писал Горчаков дядюшке. — Число занятий наших беспрестанно накопляется по мере приближения срока нашего выпуска».

Особенно заботили экзамены Энгельгардта. Ведь, ко всему прочему, ходили упорные слухи, что летом в Царское Село ожидаются австрийский император Франц I, прусский король Фридрих-Виль-

Кухонный пруд в Александровском парке.
Фотография.

Вильгельма Кюхельбекера вытаскивают из пруда.
Карикатура А. Илличевского.

гельм II, некоторые князья из Германии. Для них уже готовили дома и Александровский дворец, и все они — говорили и об этом — будут присутствовать на выпуске в Лицее. Энгельгардт просил Пушкина написать «Прощальную песнь воспитанников Лицея».

Пушкин отказался. По настоянию директора ему предстояло сочинить для экзамена стихотворение о безверии, о муках человека, не верящего в бога. С него довольно и этого. «Прощальную песнь» пусть пишет другой.

Все шло чинно-гладко. Лицей готовился к экзаменам. И вдруг происшествие: едва не утонул Кюхельбекер.

Виноват был Иван Малиновский. В столовой за обедом он так обидел Кюхлю, что тот в полном беспамятстве выскочил из-за стола, выбежал из Лицея и бросился в Кухонный пруд близ Александровского дворца.

Пруд был неглубок. Кюхельбекера сразу вытащили. Энгельгардт во избежание кривотолков поспешил сообщить министру: «Сегодня во 2-м часу пополудни воспитанник Кюхельбекер в припадке задумчивости, каковые с ним бывали и прежде неоднократно, после весьма мало-

значащей ссоры с некоторыми товарищами, выбежав из дома прежде, нежели побежавшие за ним люди успели его нагнать, и добежав до канала, кинулся в оный. Он немедленно был оттуда вытащен и приведен в чувство, и теперь находится в больнице, как кажется, в полном рассудке».

Очнувшись в больнице, Кюхельбекер ничего не помнил. Скоро он оправился и продолжал вместе с другими учить и повторять.

Пятнадцатого мая 1817 года выпускные экзамены в Лицее начались. Первый был по латинскому языку, второй — по закону божьему.

На второй экзамен прикатило из Петербурга множество черных ряс. Попов пригласил князь Голицын — новый министр народного просвещения. Был он известным святошей. Карамзин называл его министром народного затмения.

Семнадцатого мая на экзамене по российской словесности Пушкин читал свое стихотворение «Безверие» — о муках безбожника. Энгельгардт дал ему это задание не без умысла: ведь в сердце Пушкина не было веры в бога. Но Пушкин отнюдь не страдал от своего безверия и к вопросам религии относился легкомысленно. Он записал в альбом Илличевского:

Ах, ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.

Последний, пятнадцатый, выпускной экзамен по физике состоялся тридцать первого мая...

Экзамены окончились, а с ними окончились шесть лет ученья, шесть лет лицейской жизни. Впереди у Пушкина был Петербург, жизнь неизведанная, новая. Она влекла, она манила. Но к чувству освобождения и радости примешивалась грусть. Товарищи, Лицей...

Пушкину верилось и не верилось: неужто однажды, проснувшись поутру, он не услышит лицейский колокол, не увидит товарищей?.. С кем же грустить и радоваться, кому поверять заветное, «что душу волнует, что сердце томит», кому читать стихи?

Свобода радовала и не радовала. Лицей, Лицей...

Они обменивались посланиями. В изрисованном, исписанном альбоме Пущина появились стихи Пушкина:

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
   Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
   Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...

Что было и не будет вновь...
И с тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь,
Мой друг, она прошла... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!

Пушкин написал и Кюхельбекеру — дружба их неизменна, она навсегда.

Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

Сразу после экзаменов их отпустили в Петербург на три дня «для обмундирования» — заказать себе платье для выхода из Лицея.

В тот же день Конференция — профессора с Энгельгардтом — решала их будущее, составляла список, с каким чином и куда, в зависимости от желания, «благонравия и успехов в науках», выйдет каждый воспитанник.

Список не был еще составлен, а о нем уже сложили «национальную» песню, последнюю лицейскую «национальную» песню...

Этот список сущи бредни,
Кто тут первый, кто последний,
Все нули, все нули,
Ай люли, люли, люли!

Покровительством Минервы
Пусть Вольховский будет первый,
Мы ж нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Корф дьячок у нас исправный
И сиделец в классе славный,
Мы ж нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Поль [1] протекцией бояров
Будет юнкером гусаров,
Мы ж нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Дельвиг мыслит на досуге,
Можно спать и в Кременчуге,

---

[1] **П о л ь** — Павел Мясоедов.

Мы ж нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Не тужи, любезный Пущин,
Будешь в гвардию ты пущен,
Мы ж нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли! ..

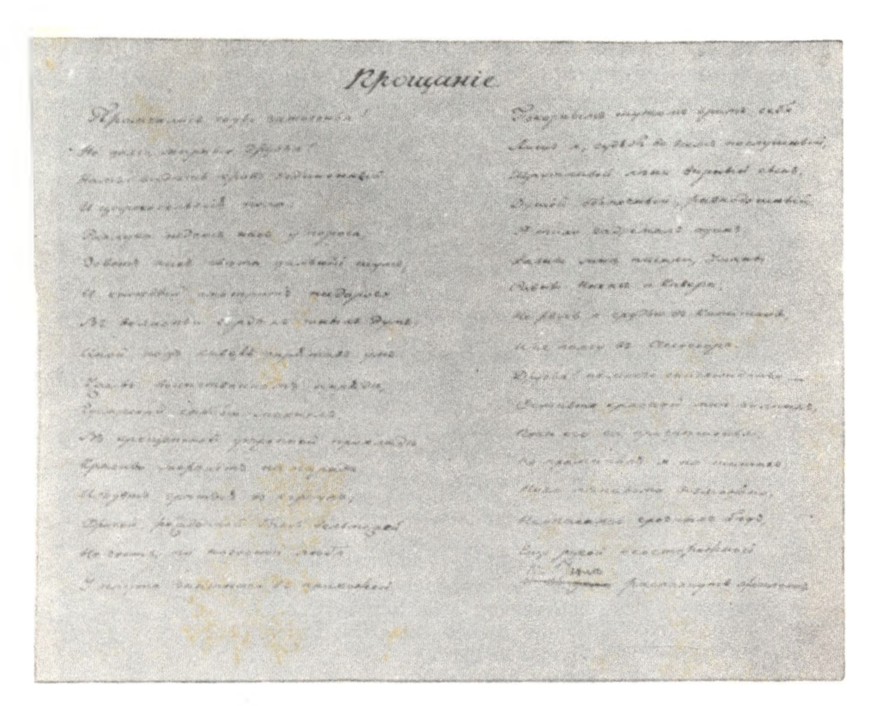
Пусть об них заводят споры
С Энгельгардтом профессо́ры,
И они те ж нули,
Ай люли, люли, люли!

Когда через три дня все вернулись в Лицей, список был уже готов. Кто ж в нем первый? Чье имя будет первым записано золотыми буквами на мраморной доске?

«Время близилось к выпуску, и начальство Лицея хотело, чтобы на мраморной доске золотыми буквами был записан Горчаков, по наукам соперник Вольховского, но большинство благомыслящих товарищей Вольховского просили, чтобы первым был записан Вольховский, потому говорили они: «Хоть у них отметки и одинаковые, но Вольховский больше старается и в поведении скромнее», тогда

Доски с именами воспитанников Лицея первого выпуска.

Прощание

«Товарищам» («Прощание»), стихотворение Пушкина.
Страница альбома А. Горчакова.

начальство Лицея решило так: записать их обоих — первым чтобы был Владимир Вольховский, вторым князь Александр Горчаков», — так рассказывал близкий друг и биограф Вольховского Е. А. Розен.

Первый Вольховский. . . Он выпущен в гвардию, представлен к награждению большой золотой медалью. Горчакову досталась малая золотая медаль.

Серебряными медалями наградили нескольких, в том числе Кюхельбекера. Учителем в провинцию мать его не отпустила. Не для того, говорила она, Вильгельм окончил Лицей.

Кюхельбекера, Горчакова, Ломоносова, Корсакова, Юдина, Гревеница и Пушкина зачислили на службу в Коллегию иностранных дел.

Пущин был «пущен» в гвардию. Малиновский тоже.

Всех воспитанников по успехам и поведению поделили на два разряда: в первый — лучших, во второй — остальных.

Александр Пушкин значился по второму разряду с маленьким чином коллежского секретаря. Он не огорчился, потому что был равнодушен к службе. На вопросы товарищей, доволен ли он, ответил стихами, которые так и назывались: «Товарищам».

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И Царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассесора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак...

Красный колпак, фригийская шапочка, — головной убор граждан времен Французской революции, символизировал вольность, поэтическую свободу. Пушкин выбрал этот путь. Его влекло нечто большее, чем чины и деньги.

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!

С такими мыслями выходил он из Царскосельского Лицея...

Последнее торжественное собрание перед разлукой — выпускной лицейский акт — состоялось девятого июня, через восемь дней после окончания экзаменов.

К огорчению Энгельгардта, все было тихо и скромно, без австрийского и прусского королей и иноземных князей.

№ 21.

Свидѣтельство

Воспитанникъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Александръ Пушкинъ, въ теченіи Шестилѣтняго курса обучался въ семъ заведеніи и оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ и Священной Исторіи, въ Логикѣ и Нравственной Философіи, въ Правѣ Естественномъ, Частномъ и Публичномъ, въ Россійскомъ Гражданскомъ и Уголовномъ Правѣ хорошіе; въ Латинской Словесности, въ Государственной Экономіи и Финансахъ весьма хорошіе; въ Россійской и Французской Словесности, также въ Фехтованіи превосходные; сверхъ того занимался Исторіею, Географіею, Статистикою, Математикою и Нѣмецкимъ языкомъ. Во увѣреніе чего и дано ему отъ Конференціи Императорскаго Царскосельскаго Лицея сіе свидѣтельство съ приложеніемъ печати. Царское Село Іюня 9 дня 1817 года.

Директоръ Лицея Егоръ Энгельгардтъ

Конференцъ Секретарь Профессоръ Александръ Куницынъ

Императорскаго Царскосельскаго Лицея печать. № 63.

Свидетельство об окончании Лицея, выданное Пушкину.

Лицейская наградная медаль.

Собрались в актовом зале. Явился царь в сопровождении одного лишь Голицына. Энгельгардт сказал речь. Куницын прочитал отчет Конференции. Голицын «по старшинству выпуска» представил окончивших «его величеству». Царь роздал награды — медали, похвальные листы.

На лицевой стороне лицейской медали изображены были «принадлежности наук и словесности»: сова — птица мудрости, лира, свиток и венки — лавровый и дубовый. Над ними надпись: «Для общей пользы».

Царь сделал воспитанникам «отеческое наставление». Затем запели хором «Прощальную песнь».

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

О матерь! вняли мы призванью,
Кипит в груди младая кровь!
Длань крепко съединилась с дланью,
Связала их к тебе любовь.
Мы дали клятву: все родимой,
Все без раздела — кровь и труд.
Готовы в бой неколебимо,
Неколебимо — правды в суд. . .

«Прощальную песнь» написал Антон Дельвиг. Написал превосходно. Музыка старика Теппера была тоже хороша.

Царь не стал слушать пение. Он ушел вместе с Голицыным. Пели не для них. Пели для себя, друг для друга. Пели — будто клялись в вечной дружбе, клялись хранить то лучшее, что им дал Лицей.

Простимся, братья! Руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

Друг на друге остановите
Вы взор с прощальною слезой!
Храните, о друзья, храните
Ту дружбу с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет,
В несчастьи — гордое терпенье,
И в счастьи — всем равно привет!

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!
Прощайтесь, братья, руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

Отъезд

После выпуска все собрались у Энгельгардта, чтобы вместе провести последний лицейский день.

Вечером был спектакль. Специально для него Мария Смит написала забавную пьеску. В спектакле участвовали выпускники и дети Энгельгардта. После представления Яковлев и Корсаков прочитали свои стихи. Разошлись очень поздно. На столе у Энгельгардта в большой алфавитной книге в кожаном переплете осталось множество записей — «последнее прости» директору и Лицею...

«Вспомните хоть по этой строке Сильверия Брольо».

«Егор Антонович! Пробегая листки эти, вспомните и об Вольховском...»

На странице с буквой «М» оставил рисунок и запись Федор

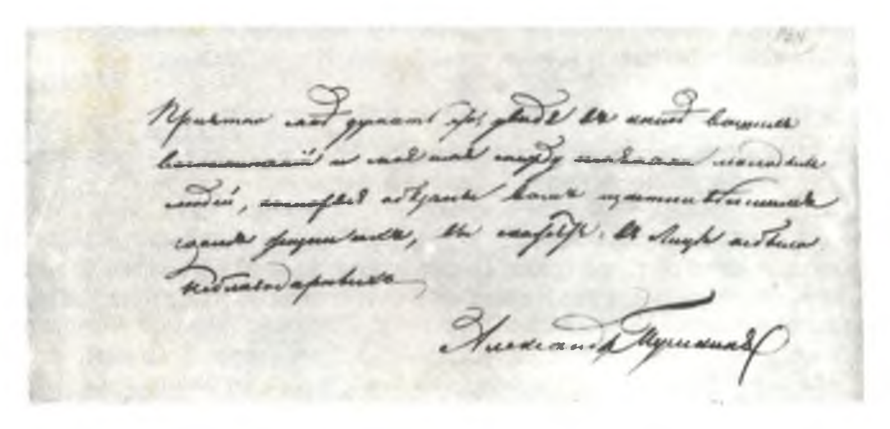
Матюшкин. Он мечтал стать моряком, скорей уйти в плаванье и нарисовал акварелью трехмачтовый корабль с распущенными парусами.

На странице с букой «П» написал несколько строк Пушкин: «Приятно мне думать, что, увидя в книге ваших воспоминаний и мое имя между именами молодых людей, которые обязаны вам счастливейшим годом жизни их, вы скажете: в Лицее не было неблагодарных. Александр Пушкин».

Воспитанники оставили в книге Энгельгардта свои записи, а он им на память как символ лицейской дружбы роздал чугунные кольца. И вместе с Энгельгардтом они воздвигли близ Лицея в ограде маленькой Знаменской церкви, там, где позднее устроен был лицейский садик, символический памятник — Гению, покровителю здешних мест. На дерновый холмик кубической формы положили каменную плиту с вырезанной на ней позолоченной латинской надписью: «Yenio loci primus cursus erxit», что по-русски значило: «Гению, покровителю здешних мест, первый курс воздвигнул».

Следующий день после выпуска прошел у Пушкина в сборах. В его лицейской келье, как и во всех других, царил беспорядок, везде валялись вещи, чемоданы, ящики. «Пахло отъездом»...

Некоторые уехали сразу. Пушкин задержался еще на один день. Получил свидетельство, в котором говорилось: «Воспитанник Императорского Царскосельского Лицея Александр Пушкин в течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в законе божием и св. истории, в логике и нравственной философии, в праве естественном частном и публичном, в российском гражданском и уго-

Запись Пушкина в Памятной книге Е. А. Энгельгардта.
Автограф. 1817 г.

ловном праве *хорошие;* в латинской словесности, в государственной экономии и финансах *весьма хорошие,* в российской и французской словесности так же и в фехтовании *превосходные.* Сверх того занимался историею, географиею, статистикою, математикою и немецким языком».

Одиннадцатого июня, через день после выпуска, Пушкин собрался. После обеда обошел весь Лицей. Постоял в библиотеке, в Газетной комнате, заглянул в больницу. Там, в полном одиночестве, под присмотром подлекаря, лежал прихворнувший Пущин.

— До скорой встречи на Мойке, господин юнкер.

— До скорой встречи на Фонтанке, господин коллежский секретарь.

Они обнялись. Уходя, Пушкин быстро и незаметно ухитрился написать мелом на дощечке над кроватью Пущина:

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима,
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

Прежде чем вернуться в свою комнату, Пушкин из больницы зашел в лицейский зал.

Многое здесь вспомнилось...

Он стоял у колонны и смотрел на себя в зеркало — невысокий, курчавый, стройный, с золотистым пушком над пухлой верхней губой. И уже не в лицейском — широкий черный фрак с нескошенными фалдами, темные панталоны.

И ему вдруг живо представилось: тот же зал, то же зеркало. Быстроглазый курчавый мальчик в первый раз с удовольствием оглядывает свой лицейский мундир...

Все давно было собрано. Прощай, студенческая келья, где являлась ему муза, где он радовался, смеялся, где мечтал и грустил... Кто-то будет здесь теперь?

Прибежал старик дядька.

— Извозчик дожидается... За вами, господин Пушкин.

— Спасибо, Прокофий. Сейчас иду.

Швейцар снял фуражку:

— Прощайте, господин Пушкин.

— Прощай, Василий.

Извозчик ждал у крыльца.

Пушкин сел, и поехали.

Старый дядька стоял на высоких ступеньках и все кланялся, кланялся...

«Прощай, Прокофий... Прощай, Лицей...»

Когда немного отъехали, Пушкин оглянулся. Лицея не было видно.

Лошадь бежала резво. Выехали на большую дорогу, ведущую в Петербург.

Пушкин опять оглянулся — вековые деревья парка, золоченые главы дворцовой церкви удалялись и таяли в сероватой вечерней мгле...

С Пущиным и Кюхельбекером он увидится в Петербурге. Дельвиг будет далеко. Он уедет на время на Украину к родным.

Милый Дельвиг... «Храните, о друзья, храните ту дружбу с тою же душой...»

Пушкин сел поудобнее и больше во всю дорогу ни разу не оборачивался. Но думал о том же: о друзьях, о Лицее.

«Храните, о друзья, храните ту дружбу с тою же душой...»

Первая годовщина

Они встретились на Невском, возле ресторана Талона. Пушкин обедал там со знакомым гусаром и, выходя, нос к носу столкнулся с проходившим мимо Пущиным.

Тот был великолепен в своем новом, с иголочки, гвардейском мундире.

— Пушкин!

— Жанно!

— Завтра едем вместе?

— В том случае, любезный друг, если отец раскошелится и даст денег на извозчика. Ежели не даст, мне придется отправиться в Царское пешком. У меня ведь...

Пушкин вынул и подбросил пустой кошелек.

Оба дружно рассмеялись.

— Не горюй, Александр, я тебя подвезу. Ну, до завтра. Спешу.

— До завтра, Жанно.

На следующий день, двадцать первого октября 1817 года, они вместе отправились в Царское Село.

Еще в июне, расставаясь, Пушкин и его товарищи положили каждый год собираться и торжественно праздновать день открытия Лицея.

И теперь те из них, кто служил в Петербурге, сговорились и нагрянули в Царское Село. Их собралось тринадцать: Пушкин, Пущин,

Пушкин в Царском Селе.
Рисунок Н. Ильина. 1936 г.

Кюхельбекер, Малиновский, Вольховский, Корсаков, Илличевский, Бакунин, Маслов, Стевен, Саврасов, Корнилов, Костенский...

Пушкин первым делом убежал один в парк.

Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень.
И для меня воскресла радость,
И душу взволновали вновь
Моя потерянная младость,
Тоски мучительная сладость
И сердца первая любовь...

В лицейском зале был спектакль и бал. Они сидели среди гостей как равные и не без зависти смотрели на подростков в синих мундир-

чиках. Те учились теперь в их классах, играли в их зале, жили в их кельях.

Бал еще не кончился, а тринадцать первенцев Лицея, уединившись с Энгельгардтом, вспоминали недавнее прошлое, говорили о тех, кого с ними не было.

Пушкин очень жалел, что нет с ними Дельвига. Дельвиг числился на службе в Департаменте горных и соляных дел, но служить не торопился. Гостил у родных.

— Он все еще ищет в Южной России каких-то каменных угольев и никому ни слова не пишет, — шутил Энгельгардт.

Вспоминали и Матюшкина.

Недавно проводили они его до Кронштадта, откуда на военном шлюпе «Камчатка» отправился он под командой капитана Головина в кругосветное плавание.

Пушкин рассказывал, как учил Матюшкина вести «Журнал путешествия». Наказывал записывать все подробности жизни, все обстоятельства встреч с разными племенами и характерные особенности природы.

Кюхельбекер читал стихи, что сочинил накануне отплытия Матюшкина:

Скоро, Матюшкин, с тобой разлучит нас шумное море:
Челн окрыленный помчит счастье твое по волнам!
Юные ты племена на брегах отдаленных чужбины,
Дикость узришь, простоту, мужество первых времен. . .
Но не забудешь друзей! Нашей мольбою храним,—
Ты не нарушишь обетов святых, о Матюшкин! в отчизну
Прежнюю к братьям любовь с прежней душой принесешь!

Кюхельбекер был верен себе и продолжал сочинять стихи своим излюбленным размером — гекзаметром. Энгельгардт писал Матюшкину: «Кюхельбекер живет как сыр в масле; он преподает русскую словесность в меньших классах вновь учрежденного Благородного пансиона при Педагогическом институте и читает восьмилетним детям свои гекзаметры; притом исправляет он должность гувернера; притом воспитывает он двоих молодых Тютчевых; . . . притом присутствует очень прилежно в Обществе любителей словесности и, при всем этом, еще в каждый почти номер «Сына отечества» срабатывает целую кучу гекзаметров. . . Кто бы подумал, когда он у нас в пруде тонул, что его на все это станет».

Педагогика Кюхли интересовала товарищей. Трудно было представить, как подобный чудак учит уму-разуму малых детей. Но Пушкин заверил всех: ему доподлинно известно от брата Левушки, который учится в Благородном пансионе, что Вильгельм Карлович превосходный педагог.

А что касается чудачеств... Кто нынче без чудачеств? И он, Пушкин, с чудачествами: службой манкирует, что ни день, то театры, дружеские сходки, балы. А поутру — стихи... Кто нынче без чудачеств? Разве Моденька Корф. Этот так занят службой, что не удосужился даже приехать в Лицей.

Было темно и поздно, когда Энгельгардт проводил шумную ватагу своих недавних питомцев обратно в Петербург.

Они распрощались с Лицеем до новой встречи.

Вторая годовщина

стречи с Лицеем бывали не только раз в году. Недавних выпускников тянуло в Царское. Но тот, кто приезжал сюда в одиночку, сразу остро чувствовал, что рядом нет товарищей. И стоило Кюхельбекеру летом 1818 года одному побывать в садах Лицея, как он тотчас же написал:

К ПУШКИНУ И ДЕЛЬВИГУ

(Из Царского Села)

Зачем же нет вас здесь, избранники харит? [1] —
Тебя, о Дельвиг мой, Поэт, мудрец ленивый,
Беспечный и в своей беспечности счастливый?
Тебя, мой огненный, чувствительный певец
　　Любви и доброго Руслана,
Тебя, на чьем челе предвижу я венец
Арьоста и Парни́, Петрарки и Баяна? —
О други! Почему не с вами я брожу?
Зачем не говорю, не спорю здесь я с вами,
Не с вами с башни сей на пышный сад гляжу?..

Вскоре они опять все вместе побывали в Лицее. Эту вторую после выпуска лицейскую годовщину Кюхельбекер описал в «Письме Лицейского Ветерана к Лицейскому Ветерану». Письмо было напечатано в журнале «Сын отечества».

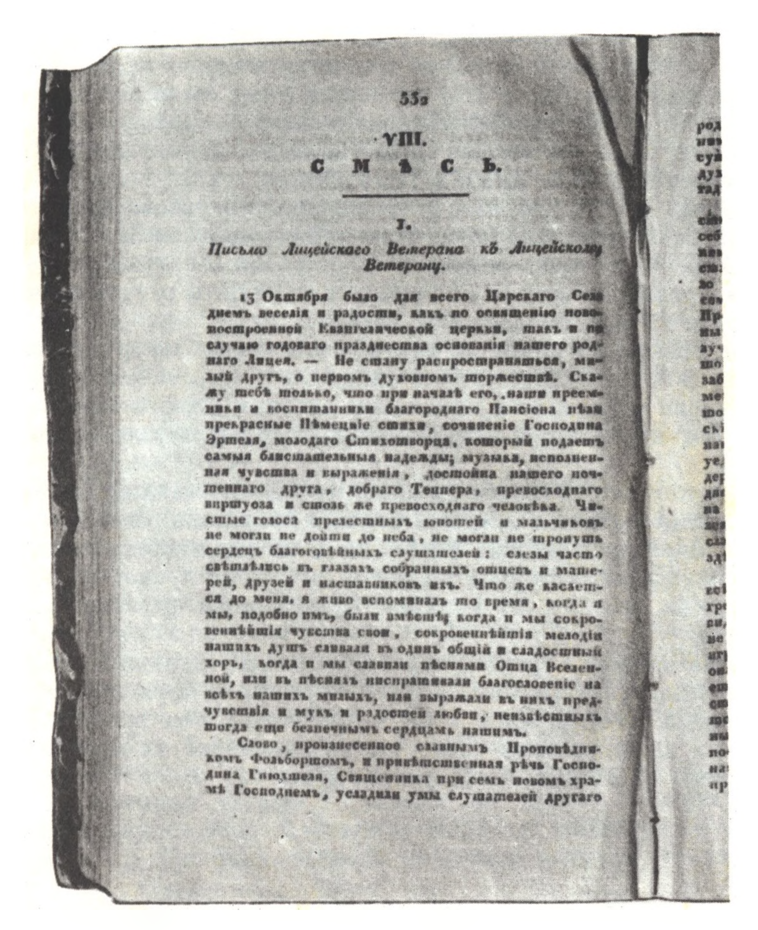
«13 октября, — говорилось в письме, — было для всего Царского Села днем веселья и радости». Далее Кюхельбекер рассказывал о том, как «ветераны» Лицея, живущие в Петербурге, собрались в этот день у Энгельгардта, отобедали в кругу его семьи, а затем перешли в Лицей. «Представьте, как многие из нас бродят по родным, незабвенным

---

[1] Хариты — музы.

Павильон «Концертный зал» в Екатерининском парке.
Фотография.

532

VIII.

СМѢСЬ.

I.

Письмо Лицейскаго Ветерана къ Лицейскому Ветерану.

13 Октября было для всего Царскаго Села днемъ веселія и радости, какъ по освященію новопостроенной Евангелической церкьи, такъ и по случаю годоваго празднества основанія нашего роднаго Лицея. — Не стану распространяться, милый другъ, о первомъ духовномъ торжествѣ. Скажу тебѣ только, что при началѣ его, наши преемники и воспитанники благороднаго Пансіона пѣли прекрасные Нѣмецкіе стихи, сочиненіе Господина Эртеля, молодаго Стихотворца, который подаетъ самыя блистательныя надежды; музыка, исполненная чувства и выраженія, достойна нашего почтеннаго друга, добраго Теппера, превосходнаго виртуоза и столь же превосходнаго человѣка. Чистые голоса прелестныхъ юношей и мальчиковъ не могли не дойти до неба, не могли не тронуть сердецъ благоговѣйныхъ слушателей: слезы часто свѣтилѣлись въ глазахъ собранныхъ отцевъ и матерей, друзей и наставниковъ ихъ. Что же касается до меня, я живо вспоминалъ то время, когда и мы, подобно имъ, были вмѣстѣ; когда и мы сокровеннѣйшія чувства свои, сокровеннѣйшія мелодіи нашихъ душъ сливали въ одинъ общій и сладостный хоръ, когда и мы славили пѣснями Отца Вселенной, или въ пѣсняхъ испрашивали благословеніе на всѣхъ нашихъ милыхъ, или выражали въ нихъ предчувствія и мукъ и радостей любви, неизвѣстныхъ тогда еще безпечнымъ сердцамъ нашимъ.

Слово, произнесенное славнымъ Проповѣдникомъ Фольбортомъ, и привѣтственная рѣчь Господина Гиюдшеля, Священника при семъ новомъ храмѣ Господнемъ, услаждали умы слушателей другаго

«Письмо Лицейского Ветерана» В. К. Кюхельбекера.
Журнал «Сын отечества». 1818 г., № 44.

местам, где провели мы лучшие годы своей жизни, как иной сидит в той же келье, в которой сидел шесть лет, забывает все, что с ним ни случилось со времени его выпуска, и воображает себе, что он тот же еще лицейский. . .»

Одни бродили по Лицею, заходили в свои бывшие комнатки, другие, как Пушкин и возвратившийся с Украины Дельвиг, убежали в парк: «Двое других, которых дружба и одинаковые наклонности

соединили еще в их милом уединении, навещают в саду каждое знакомое дерево, каждый куст, каждую тропинку, обходят пруд, останавливаются на Розовом поле... Но, любезный друг, было шесть часов: мы все собрались в одной из зал Лицея; музыка гремит, утихает, поднимают занавес, и мы видим два представления, каких, может быть, не всякому удастся видеть даже в Петербурге».

Игранных пьес Кюхельбекер не назвал, но рассказал о том, как после представления «ветераны» горячо благодарили Энгельгардта за то, что он их «преемников» воспитывает в том же духе, что и их самих, — «в правилах, которые научили нас любить отечество и добродетель более жизни, более крови своей».

После спектакля начался, как обычно, бал. «Заиграли Польское, и бал открывается в другом уже зале».

Они вновь танцевали в лицейском актовом зале, и невольно вспоминались им иные балы, когда столько сердец летело вслед милой Бакуниной...

Через много лет Кюхельбекер писал своей племяннице Саше Глинке: «В наше время бывали в Лицее и балы, и представь, твой старый дядя тут же подплясывал, иногда не в такт, что весьма бесило любезного друга его Пушкина, который, впрочем, ничуть не лучше его танцевал, но воображал, что он по крайней мере Cousin germain[1] госпожи Терпсихоры».

Гремела музыка, трещал паркет, не раз испытавший на себе танцевальные подвиги первенцев Лицея. Пушкин и Кюхельбекер танцевали беспечно, весело. Они и не подозревали, что пройдет немного времени — и злобная воля самовластья раскидает их далеко друг от друга, далеко от Лицея, от Царского Села...

„Пушкина надобно сослать в Сибирь“

арь был не в духе. Когда в аллее близ Большого дворца встретился ему Энгельгардт, он едва ответил на почтительный поклон и знаком приказал директору Лицея следовать рядом.

— Энгельгардт, — начал царь раздраженно, не стараясь, как обычно, скрывать свои чувства, — Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодежь наизусть их читает...

---

[1] Cousin germain *(французск.)* — двоюродный брат.

Энгельгардт насторожился. Он знал те стихи Пушкина, что царь назвал «возмутительными», то есть сеящими возмущение, смуту. Знал и не одобрял. Но не заступиться за лицейского питомца не мог.

— Воля вашего величества, но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника: в нем развивается необыкновенный талант, который требует пощады. Пушкин теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще большие на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека. Я думаю, что великодушие ваше, государь, лучше вразумит его.

Царь молчал. Он не склонен был прощать. Когда к делу примешивалось нечто личное, что касалось непосредственно его особы, он бывал неумолим. В стихах же Пушкина говорилось и о нем, притом весьма нелестно.

Царь разговаривал с Энгельгардтом в середине апреля 1820 года. Что же было до этого?

Вскоре после выхода из Лицея Пушкин стал писать политические стихи. В 1818 году написал он оду «Вольность», или «Оду на свободу», как тогда ее называли, ноэль «Сказки», послание «Чаадаеву». В следующем, 1819-м, по рукам уже ходили эпиграммы на Аракчеева и другие, стихотворение «Деревня».

В этих стихах звучали угрозы «тиранам мира» — царям, попирающим вольность народов, призыв не мириться с порабощением, ненависть к самовластью и крепостническому рабству, насмешки над фальшивыми посулами Александра I, рассказывающего своим подданным «сказки» о конституции, о свободе.

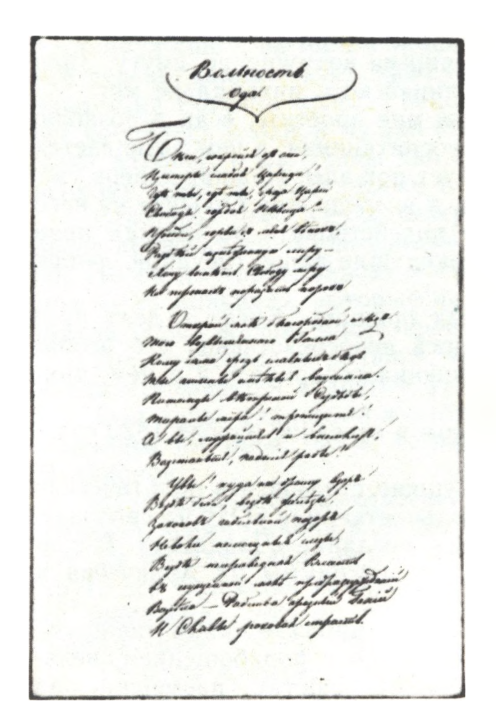
Вольнолюбивые стихи Пушкина были у всех на устах. «Тогда везде, — вспоминал Пущин, — ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! в Россию скачет. . .» Не было живого человека, который не знал бы его стихов».

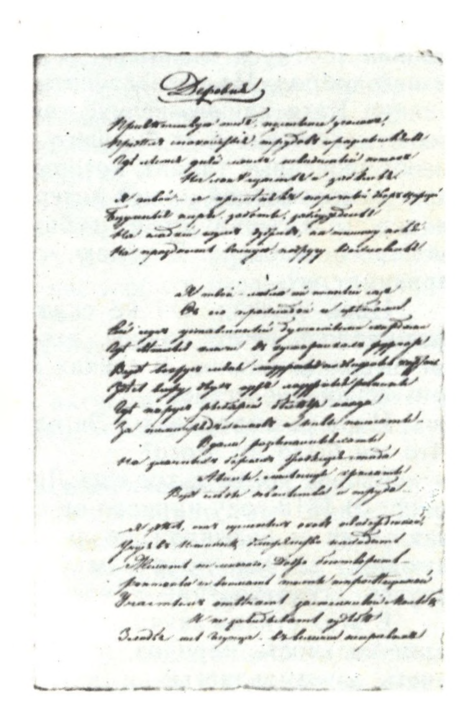
Пушкин стал властителем дум передовой молодежи. Реакционеров это бесило. Один из них, по фамилии Каразин, записал в своем дневнике: «Какой-то мальчишка Пушкин, питомец лицейский, в благодарность написал презельную[1] оду, где досталось фамилии Романовых вообще, а государь Александр назван кочующим деспотом. . . К чему мы идем?»

Вскоре тот же Каразин, измышляя способы истребить вольномыслие, настрочил и подал министру внутренних дел графу Кочубею злобный донос на вольнодумцев вообще и на поэта Пушкина в частности, на Лицей, на лицейскую дружбу. «Дух развратной вольности, —

---

[1] Презельную — преядовитую (от слова «зелье» — яд, отрава).

«Вольность» и «Деревня», стихотворения Пушкина.
Автографы.

доносил Каразин, — более и более заражает все состояния. Прошедшим летом на дороге из Украины и здесь в Петербурге я слышал от самых простых рабочих людей такие разговоры о природном равенстве и прочее, что я изумился: «Полно-де уже терпеть, пора бы с господами и конец сделать». Самые дворяне, возвратившиеся из чужих краев с войском, привезли начала, противные собственным их пользам и спокойствию государства. Молодые люди первых фамилий восхищаются французской вольностью и не скрывают своего желания ввести ее в своем отечестве. . . В самом Лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей. . . Это доказывают почти все вышедшие оттуда. Говорят, что один из них Пушкин по высочайшему повелению секретно наказан. Но из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом. . .»

Гнусное писание возымело действие. Кочубей доложил о доносе царю.

Девятнадцатого апреля 1820 года Н. М. Карамзин сообщал из Царского Села в Москву И. И. Дмитриеву: «Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное (это между нами): служа под знаменами либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей, и проч. и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий».

Следствия не замедлили бы сказаться, если бы не вмешательство друзей. Узнав о репрессиях, угрожающих Пушкину, Чаадаев начал действовать через генерала Васильчикова, уговорил Карамзина повлиять на царя. Поэт Гнедич бросился к президенту Академии художеств и директору Публичной библиотеки Оленину. Вмешались Жуковский и Александр Иванович Тургенев. В результате настоятельных и упорных хлопот Сибирь заменена была ссылкой на юг России.

Шестого мая 1820 года за Петербургскую заставу выехала кибитка. Рядом с ямщиком поместился верный слуга Пушкиных Никита Тимофеевич Козлов. Когда-то в Москве он был «дядькой» при маленьком Александре Сергеевиче.

В кибитке сидел сам Пушкин, а рядом с ним Дельвиг и брат Миши Яковлева — Павел. Они провожали друга в далекий путь.

Вместе доехали до Царского Села.

В Царском распрощались. И кибитка, увозившая Пушкина на юг, покатила, пыля, по Белорусскому тракту.

„Судьба, судьба рукой железной разбила мирный наш Лицей...“

етыре года провел Пушкин в ссылке на юге. Кавказ, берег Крыма, Кишинев, Одесса... Там писал он «Братьев-разбойников», «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Цыган», начал роман в стихах «Евгений Онегин».

Горные вершины в снегу. Вечно живое немолчное море, огромное, безбрежное. Ослепительный блеск полуденного солнца... Но не здесь он жил душой. Где бы ни был он, ему всюду виделось бледное небо далекого Севера, тихое озеро под сенью дерев, царскосельские сады и родной Лицей.

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,

А. С. Пушкин.
Гравюра Е. Гейтмана. Приложена к первому изданию поэмы «Кавказский пленник». 1822 г.

Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов! . .

Павильон «Грот» в Екатерининском парке.
Фотография.

Да вновь увижу я ковры густых лугов
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Лицей, товарищи... Ни время, ни расстояние не охладили к ним привязанности.

Пушкин писал Дельвигу 16 ноября 1823 года из Одессы в Петербург: «Мой Дельвиг, я получил все твои письма и отвечал почти на все. Вчера повеяло мне жизнию лицейскою, слава и благодарение за то тебе и моему Пущину».

Из Одессы его выслали в глухую псковскую деревню — село Михайловское. Он тосковал. Один в деревенской глуши со старушкой няней. Иногда ему думалось: он всеми брошен и всеми позабыт.

Пушкин и Пущин в с. Михайловском 11 января 1825 года.
Картина Н. Ге 1875 г.

И вдруг нечаянная радость — колокольчик на заре, на заснеженный двор с маху влетели крытые сани. Пущин! Жанно! Какой чудесный день провели они вместе. Говорили о многом. Пушкин жадно расспрашивал про Лицей, про товарищей. Жанно охотно рассказывал.

Но не все было радостным в его рассказе. Особенно то, что касалось Лицея.

Пушкин слышал кое-что. И на юг, и в Михайловское доходили тревожные вести.

Все началось с его, Пушкина, ссылки. Доносчик Каразин был не одинок, заявляя, что почти все лицейские первого выпуска вольнодумцы, что «дух развратной вольности» насквозь пропитал Царскосельский Лицей. В петербургских гостиных чиновные старцы, багровея, рассказывали, как один из младших лицейских, совсем несмышленыш, под строжайшим секретом признался матери, что у них заведено злословить государя Александра, называть его дураком. А кто расскажет про это, тому несдобровать от товарищей. Вот хваленое лицейское воспитание, вот лицейский дух...

Добровольные доносчики сообщали правительству: «В свете называется лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками... Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском знать все самые дерзкие и возмутительные стихи... Сверх того он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах; казаться неверующим...»

Лицейский дух, лицейское воспитание... В стране свирепствовала реакция. Облеченные доверием правительства ханжи и мракобесы громили университеты, изгоняли лучших профессоров. Зловещая тень реакции упала и на Лицей.

Энгельгардту не доверяли. Министр просвещения князь Голицын был им недоволен. Энгельгардт писал Матюшкину: «Князь мною весьма недоволен и, находя, что я весьма дурно воспитываю вверенную мне молодежь, предписал особым секретным ордером священнику Кочетову пещись об исправлении воспитанников, о искоренении в них зла и пр. Мне объявлено, что тесная дружеская связь между мною и воспитанниками моими никуда не годится; что открыть им дом и кабинет мой, как детям своим — не хорошо; что я должен знать их только в массе и в общей зале и пр. и пр.».

Лицей и его воспитанники попали под подозрение.

Вслед за Пушкиным наступил черед Кюхельбекера. Петербургским властям он был известен как «молодой человек с пылкой головой, воспитанный в Лицее». Накануне высылки Пушкина из Петербурга

Кюхельбекер публично, на заседании «Вольного общества любителей российской словесности», прочитал свое стихотворение «Поэты»:

О Дельвиг, Дельвиг! что награда
И дел высоких и стихов?
Таланту что и где отрада
Среди злодеев и глупцов?

И дальше уже прямо о Пушкине:

И ты — наш юный Корифей, —
Певец любви, певец Руслана!
Что для тебя шипенье змей,
Что крик и Филина и Врана?

«Филины» и «враны» ополчились и против Кюхельбекера. Он это чувствовал. И, чтобы избежать преследований, счел необходимым оставить службу; поступил секретарем к богатому вельможе Нарышкину и уехал с ним за границу.

«Прицепились к Пушкину, теперь прицепятся к Кюхельбекеру», — огорчался Энгельгардт.

После Кюхельбекера «прицепились» к профессору Куницыну. Куницын не преподавал уже в это время в Лицее, служил в Министерстве народного просвещения. В 1820 году он издал книгу «Право естественное». А спустя некоторое время Энгельгардт писал Матюшкину: «Ты, вероятно, уже слышал, что «Естественное Право» Куницына... конфисковано и запрещено, как книга пагубная, нарушающая веру христианскую и расторгающая все связи семейственные и государственные, что Куницын от всех должностей по министерству народного просвещения отставлен и запрещено ему что-либо и где-либо преподавать. Жаль, а Куницын умел учить и добру учил! А люди презрительные во всяком отношении — и ума и сердца — напр., Гауеншильды, Карцевы и им подобные, остаются и награждаются. Плохо, если это продолжится».

Это продолжилось.

В 1822 году Лицей из ведения министерства просвещения был передан в Управление военно-учебных заведений. Муштра и фрунт — вот наилучший способ искоренить «лицейский дух» — так решило высшее начальство.

Участь Энгельгардта была тоже предрешена. Письма его к Пущину и к другим бывшим воспитанникам становились все более тревожными и грустными. В 1823 году он получил отставку.

Директором Лицея назначили аракчеевского ставленника генерал-майора Гольтгойера.

Все лучшее в Лицее было уничтожено, разгромлено. . .

Сумрачно слушал Пушкин рассказ друга о Лицее.

Когда Пущин уехал из Михайловского, Пушкин, набрасывая строфы послания к нему — «Мой первый друг, мой друг бесценный», — с горечью писал:

Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы,
Скажи, что наши? что друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где ж молодость? Где ты? Где я?
Судьба, судьба рукой железной
Разбила мирный наш Лицей.

Их Лицея больше не существовало.

У судьбы было другое, более определенное название: российское самодержавие.

Возвращение

Лицейскую годовщину 1825 года Пушкин праздновал один в своем забытом богом Михайловском. На дворе стояла осень, сад почти совсем облетел, дождь и ветер хозяйничали на опустевших лугах и нивах, покрывая сердитой рябью гладь озер и Сороти. В пустых нетопленых комнатах старого ганнибаловского дома было неуютно и сыро. Только в кабинете у Пушкина пылал камин и на столе среди книг и бумаг стояла початая бутылка вина. Он пил один за здоровье товарищей.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один: вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Он вспоминал друзей... Пущин и Дельвиг недавно навестили его, побывали в Михайловском. Он слышал их голоса, чувствовал крепость дружеских объятий, теплоту их рук. Он думал о них.

...поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил...

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной

«19 октября», стихотворение Пушкина.
Автограф. 1825 г.

И ждал тебя, вещун пермесских дев [1],
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

Он вспоминал и других, ждал к себе Кюхельбекера. Из самых глубин его сердца рождались строки, прославлявшие их лицейский союз:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Как хотелось ему опять очутиться среди товарищей. И ему верилось, ему страстно хотелось верить, что скоро кончится заточенье и он вернется в ожидающий его дружеский круг.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний:
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

Он вернулся из ссылки раньше, чем предполагал. Но нерадостным было его возвращение...

Небывалые события потрясли все русское общество. После смерти «кочующего деспота» Александра I, четырнадцатого декабря 1825 года, члены тайного «Северного общества» в Петербурге вывели полки на Сенатскую площадь, чтобы изменить судьбу России. В тот же день восстание было подавлено, его участники схвачены. Более полугода длились допросы, следствие. И наконец — приговор: пятерых повесить, сто двадцать на каторгу, в Сибирь. Среди них — «государственные преступники» Иван Пущин и Вильгельм Кюхельбекер. Сослан на Кавказ и Владимир Вольховский.

А Пушкин... Новый царь Николай I — палач декабристов — счел выгодным «простить» знаменитого поэта. Пусть гуляет на свободе под надзором жандармов и полиции.

И вот — свобода.

---

[1] Вещун пермесских дев — поэт; пермесские девы — музы.

Уголок Екатерининского парка.
Фотография.

Семь долгих лет не видел Пушкин Петербурга. Приехал — и все показалось совсем иным, чем прежде, казенным, холодным, сумрачным. Жизнь как бы замерла, растрачиваясь по пустякам.

Будто вместе с декабристами были изгнаны из столицы благородство, дерзания, свобода мысли, красноречие, ум. «Что же мне вам сказать, сударыня, о пребывании моем в Москве и о моем приезде в Петербург, — писал Пушкин П. А. Осиповой, своей соседке по Михайловскому, — пошлость и глупость обеих наших столиц равны, хотя и различны...»

Из близких лицейских друзей он нашел в Петербурге одного только Дельвига. Вот когда наполнились трагическим смыслом строки их прощальной лицейской песни: «Судьба на вечную разлуку, быть может, здесь сроднила нас...»

Ему мучительно грустно было видеть Лицей, но его тянуло туда с непреодолимой силой. И всякий раз, наезжая в Петербург, отправлялся он в Царское на свидание со своей юностью. Шел туда пешком — любил пешие прогулки. Выходил чуть свет, на Средней Рогатке выпивал стакан вина и к обеду был на месте.

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.
В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословленный.
Воображал сии сады.
Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник Лицей,
И слышу наших игр я снова шум игривый
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я...

С волнением вступал он под сень царскосельских садов. Он чувствовал себя блудным сыном, возвратившимся наконец в родной дом. Со всех сторон его обступало прошлое. Он снова был в Царском Селе. Он вернулся.

„Я живу в Царском Селе в доме Китаевой на большой дороге“

середине февраля 1831 года Пушкин женился на Наталье Николаевне Гончаровой. Обвенчался в Москве, но поселиться постоянно решил в Петербурге. «Я не люблю московской жизни, — признавался Пушкин своему другу Плетневу. — Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка».

План у Пушкина был такой: зиму провести в Москве, весною двинуться в Петербург, пожить до осени на даче в Царском Селе, а к зиме обосноваться в северной столице. «Знаешь ли что? — писал Пушкин Плетневу, — мне мочи нет хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей. А домá вероятно ныне там недороги: гусаров нет, двора нет — квартер пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы я всякую неделю, с Жуковским также — Петербург под боком — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай об этом на досуге, да и перешли мне свое решение».

Плетнев одобрил план Пушкина и готов был помочь советом и делом. А Пушкину не терпелось покинуть Москву, зажить самостоятельно, «без тещи, без экипажа, следственно — без больших расходов и без сплетен».

«Ради бога, найми мне фатерку, — торопил он Плетнева, — нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем, разумеется, лучше — но ведь 200 рублей лишних нас не разорят. Садика нам не будет нужно, ибо под боком будет у нас садище. А нужна кухня да сарай, вот и все. Ради бога, скорее же! и тотчас давай нам и знать, что все-де готово, и милости просим приезжать». Отвечая на вопросы: где нужна квартира, на сколько времени, во сколько комнат — Пушкин приписал:

«1) На какой бы то ни было улице царскосельской.

2) До января, и потому квартера должна быть теплая.

3) Был бы особый кабинет — а прочее мне все равно».

Когда подходящая квартира была наконец найдена, Пушкин с женою уехал из Москвы.

В Петербурге остановились они в гостинице Демута на Мойке, но прожили там недолго. Перебрались в снятый для них домик в Царском Селе.

Первого июня 1831 года Пушкин писал в Москву Вяземскому: «Я живу в Царском Селе в доме Китаевой на большой дороге».

А. С. Пушкин.
Акварель П. Соколова. Начало 1830-х годов.

Домик Китаевой, где поселился Пушкин, стоял на углу двух улиц — Колпинской и так называемой Кузьминской дороги. Дом был одноэтажный, деревянный, с мезонином, открытой верандой, украшенной колоннами. Так, в стиле «ампир», любили в ту пору строить в Царском Селе.

Домик был новый, недавно отстроенный. Возвели его по приказу царя Николая I для его камердинера Якова Китаева. Проект составлял «архитекторский помощник» А. Горностаев под присмотром Василия

Н. Н. Пушкина.
Акварель А. Брюллова. 1831 г.

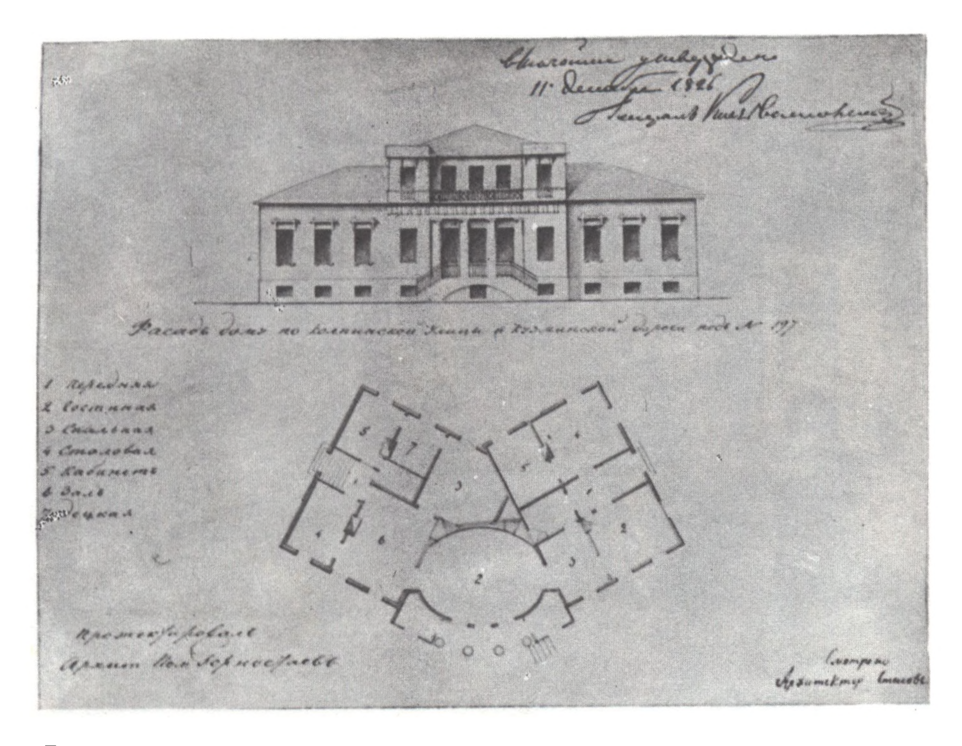
Стасова. Того самого Стасова, что перестраивал когда-то Новый флигель Большого дворца под Лицей.

Дом был вместительный. В одной его части, что выходила на Колпинскую улицу, было четыре комнаты. В другой, выходившей на Кузьминскую дорогу, — шесть. В каждой имелся отдельный вход со двора. На веранду попадали из палисадника, а также из гостиной — самой большой в доме комнаты необычной овальной формы.

Яков Китаев недолго владел этим домиком. Он умер, и все имущество перешло к его наследнице — вдове.

Пушкину домик нравился. Было приятно и ново после кочевой неустроенной холостяцкой жизни, скитаний по гостиницам, трактирам обрести свой уютный семейный угол, свой обед на столе, — одним словом, дом.

Расставили мебель, развесили гардины. Пришел из Москвы обоз с сундуками и книгами. В мезонине Пушкин устроил для себя кабинет. Там было уединенно, просторно, светло и солнечно. В той комнате, где работал, Пушкин не любил никаких украшений. Даже гардины не позволил повесить. В кабинете стоял диван, большой круглый стол с чернильницей и бумагами, на маленьком столике — графин с водой, лед, банка с крыжовенным вареньем и повсюду книги — на столе, на полках и даже на полу.

Дом Китаевой в Царском Селе.
Фасад и план. 1826 г.

Кабинет был прост, скромен. Да и другие комнаты не отличались пышным убранством. «В столовой красный диван, обитый кретоном, два кресла, шесть стульев, овальный стол и ломберный, накрываемый для обеда», — рассказывала приятельница Пушкина А. О. Россет.

Пушкин много времени проводил в кабинете. Наталье Николаевне нравилось сидеть в гостиной за маленьким столиком и вышивать.

Они обедали вдвоем, вдвоем ходили гулять. Их часто встречали в аллеях Екатерининского и Александровского парков. «Многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, — вспоминал современник, — как он гулял под руку с женою, обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в круглой шляпе, и на плечах свитая по-тогдашнему красная шаль».

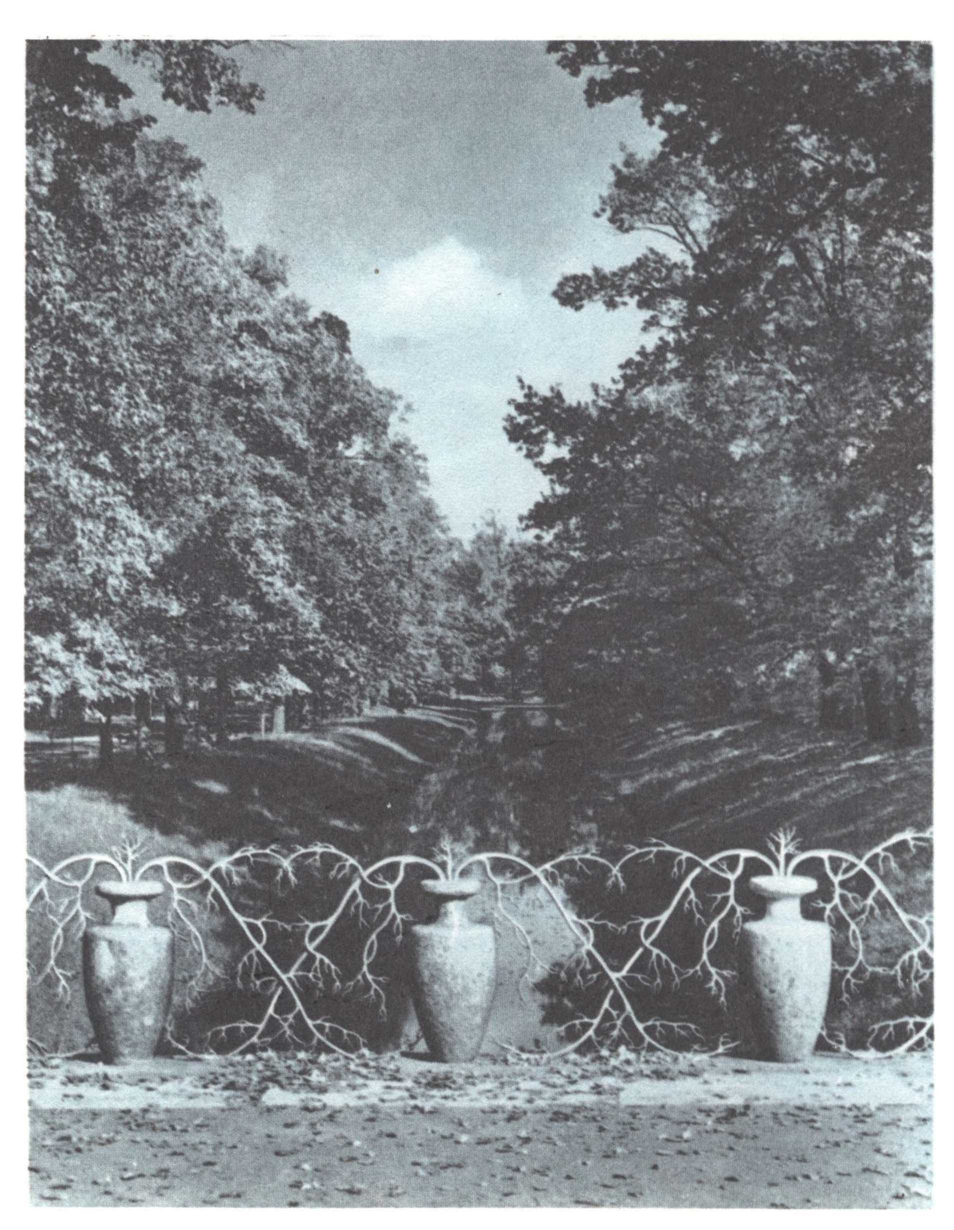
Музей-дача А. С. Пушкина в доме Китаевой. Гостиная.
Фотография.

Пандус (спуск без ступеней) в Екатерининском парке.
Фотография.

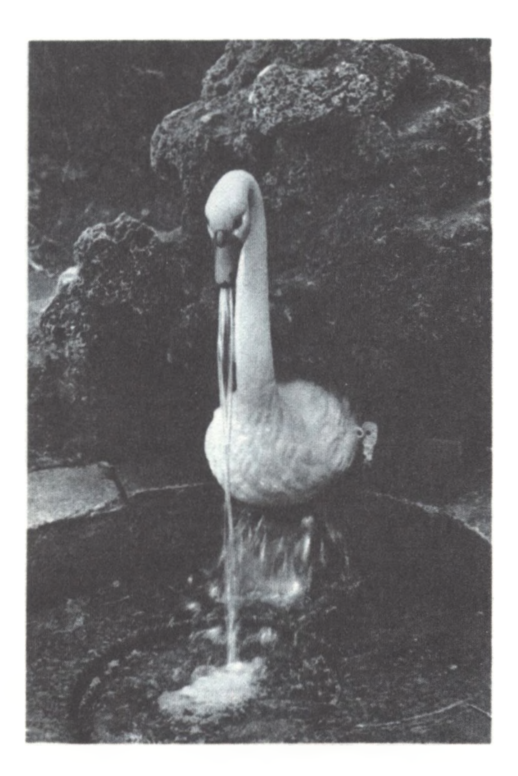
Пушкин был знаменит, восемнадцатилетняя Наталья Николаевна необычайно красива. Понятно, что их появление в парках привлекало всеобщее внимание.

В парках Пушкин встречался со знакомыми. Дочь известного художника графа Федора Толстого рассказывала: «В царскосельском саду, около самого спуска без ступеней, было в том году излюбленное царскосельскою публикою местечко, что-то вроде каменной террасы, обставленной чугунными стульями, куда по вечерам тамошний beou-mond (высший свет) собирался посидеть и послушать музыку. В один прекрасный день на этой террасе собралось так много народу, что даже не достало стульев двум пожилым дамам. Я, как девочка вежливая, приученная всегда услуживать старшим, сейчас же сбегала в сад, захватила там еще такие два стула и подала их барыням. Папенька с Пушкиным в это время стояли недалеко от террасы и о чем-то

Крестовый канал в Александровском парке.
Фотография.

разговаривали. Вдруг Александр Сергеевич схватил отца моего за руку и громко воскликнул: «Граф, видели вы, что девочка сделала?» — «Что она сделала?» — «Да вот такие два чугунные стула подхватила, как два перышка, и отнесла на террасу». Папенька позвал меня и представил Пушкину... «Очень приятно познакомиться, барышня, — крепко пожимая мне руку, смеясь сказал Александр Сергеевич: — а который вам год?» — «Тринадцать», — ответила я. «Удивительно!» И они оба с папенькой начали взвешивать на руке тяжелые чугунные стулья, потом заставили меня еще раз поднять их. «Удивительно! — повторил Пушкин. — Такая сила мужчине впору. Поздравляю вас, граф, это у вас растет Илья Муромец».

Фонтан «Лебедь» у входа в Екатерининский парк. Отсюда в 1831 году носили Пушкину воду для питья.
Фотография.

Прогулки, встречи с немногочисленными знакомыми несколько разнообразили уединенную размеренную жизнь, которая чрезвычайно нравилась Пушкину. «Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской; насилу до нас и вести доходят...»

Но подобная жизнь продолжалась недолго. «Индийская зараза» — холера, которая бродила по полуголодной огромной и нищей России, добралась до Петербурга. Царское Село, куда не дошла еще эпидемия, оцепили. Всюду установили карантины. Выезжать и въезжать дозволялось лишь по особому разрешению. Письма приходили проколотые и окуренные. И вскоре — неприятная для Пушкина новость: спасаясь от холеры, Николай I и двор его бежали из Петергофа в Царское Село.

Тихая жизнь кончилась.

„Двор приехал, и Царское Село закипело"

В начале июля Пушкин с досадой писал Плетневу: «Двор приехал, и Царское Село закипело и превратилось в столицу».

Теперь на широких царскосельских улицах было словно на Невском проспекте — кареты, шитые золотом мундиры, роскошные туалеты знатных дам.

В аллеях старинных парков прогуливались отныне не только простые смертные, но и само «августейшее семейство»: царь Николай I — рыжеусый, рослый, бравый, с тяжелым взглядом оловянно-серых навыкате глаз — и царица, его жена, бесцветная Александра Федоровна.

Пушкин с Натальей Николаевной встречали их не однажды. Красота Натальи Николаевны была сразу замечена. Сестра Пушкина, Ольга, писала мужу: «Моя невестка очаровательна; она вызывает удивление в Царском, и императрица хочет, чтоб она была при дворе».

И на Пушкина обращено было «высочайшее» внимание. Как-то, встретившись с ним в царскосельском парке, Николай спросил поэта, почему тот не служит.

— Я готов, но, кроме литературной службы, не знаю никакой.

Тогда царь, надеясь «приручить» Пушкина, предложил ему должность историографа. Ту, что ранее занимал покойный Карамзин. Должность была почетной, давала постоянное жалованье. А Пушкин был небогат, жил своим трудом и теперь, женившись, особенно нуждал-

На улицах Царского Села.
Литография А. Мартынова. Около 1820 г.

ся в деньгах. «Женясь, — говорил он, — я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро». Казенное жалование, пять тысяч рублей в год, было очень кстати. К тому же — и это особенно привлекало — должность открывала доступ во все государственные архивы и давала возможность писать «Историю Петра I», о чем Пушкин мечтал. «Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем», — сообщал поэт друзьям.

Летом Пушкин писал немного. Ждал осени. Осень он любил. И погожую, сухую, с холодными утренниками, с серебристой изморозью на еще зеленой траве, и дождливую, серую, с туманами и ветрами. Осенью хорошо работалось. К тому же он надеялся, что в эту пору Царское Село опустеет и вновь превратится в спокойный городок.

Холера шла на убыль, и были все основания предполагать, что двор здесь не задержится.

Но пока что, летом, в Царском Селе было шумно и людно. «Царское Село оглушительно», — жаловался Пушкин. Хорошо еще, что среди великосветской толпы имелись люди, с которыми приятно было встретиться и потолковать по душам.

Вместе с двором приехал Жуковский. Приехала приятельница Пушкина — фрейлина императрицы, смуглая, черноглазая красавица Александра Осиповна Россет — «черноокая Россети», как называл ее Пушкин. Он ценил в молодой и красивой фрейлине здравый ум, простоту, образованность. Он любил с ней беседовать, читал ей свои стихи.

Позднее Россет рассказывала: «Когда мы жили в Царском Селе, Пушкин каждое утро ходил купаться, после чая ложился у себя в комнате... По утрам я ходила к нему. Жена его так уж и знала, что я не к ней иду.

Александровский дворец.
Фотография.

А. О. Россет.
Акварельный портрет работы неизвестного художника. 1831 г.

— Ведь ты не ко мне, а к мужу пришла, ну и поди к нему.

— Конечно, не к тебе, а к мужу. Пошли узнать, можно ли войти?

— Можно.

С мокрыми курчавыми волосами лежит, бывало, Пушкин в коричневом сюртуке на диване. На полу вокруг книги, у него в руках карандаш.

— А я вам приготовил кой-что прочесть, — говорит.

— Ну, читайте.

Пушкин начинал читать (в это время он сочинял все сказки). Я делала ему замечания, он отмечал и был очень доволен».

Наталья Николаевна при таких разговорах не присутствовала. Она скучала, когда говорили о литературе. Ей, светской московской барышне, были непонятны и чужды интересы Пушкина, и она сердилась на него за то, что он столько времени уделяет стихам. И ревновала его к тем, с кем ему бывало интересно. «Жена его ревновала ко мне, — вспоминала Россет. — Сколько раз я ей говорила: «Что ты ревнуешь ко мне? Право, мне все равны: и Жуковский, и Пушкин, и Плетнев, — разве ты не видишь, что ни я не влюблена в него, ни он в меня». — «Я это очень хорошо вижу, — говорит, — да мне досадно, что ему с тобой весело, а со мной он зевает».

Чтобы развлечь и позабавить Наталью Николаевну, Александра Осиповна по вечерам возила ее кататься на придворных дрожках. Пушкин тоже участвовал в этих прогулках. Он садился впереди на перекладине и под мерное покачивание коляски напевал, думая о своем.

Александровский дворец и парк.
Литография по рисунку Ж. Мейера.

Пушкин был от души благодарен «черноокой Россети», что она занимала его скучающую жену. Александра Осиповна рассказывала Наталье Николаевне о светских развлечениях и, глядя на ее оживившееся лицо, с грустью думала: «Ужасно жаль, что она так необразованна».

Молодая фрейлина нередко и обедала у Пушкиных. Ей запомнились зеленый суп с крутыми яйцами, большие рубленые котлеты со шпинатом или щавелем, на сладкое — варенье из белого крыжовника, которое Пушкин любил и предпочитал всем другим.

Кроме Александры Осиповны бывали за столом у Пушкиных еще гости. Особенно часто Жуковский и начинающий писатель Николай Васильевич Гоголь — молодой, худощавый, застенчивый, с оригинальным остроносым лицом.

Жуковский — воспитатель наследника престола, будущего царя Александра II, жил со своим двенадцатилетним воспитанником в Александровском дворце.

Вновь, как в былые годы, Пушкин и Жуковский часто виделись. Жизненные и творческие пути их разошлись, но дружба и взаимная привязанность оставались прежними. «Пушкин мой сосед, и мы видаемся с ним часто, — рассказывал Жуковский в письме А. И. Тургеневу. — Женка его очень милое творение. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше».

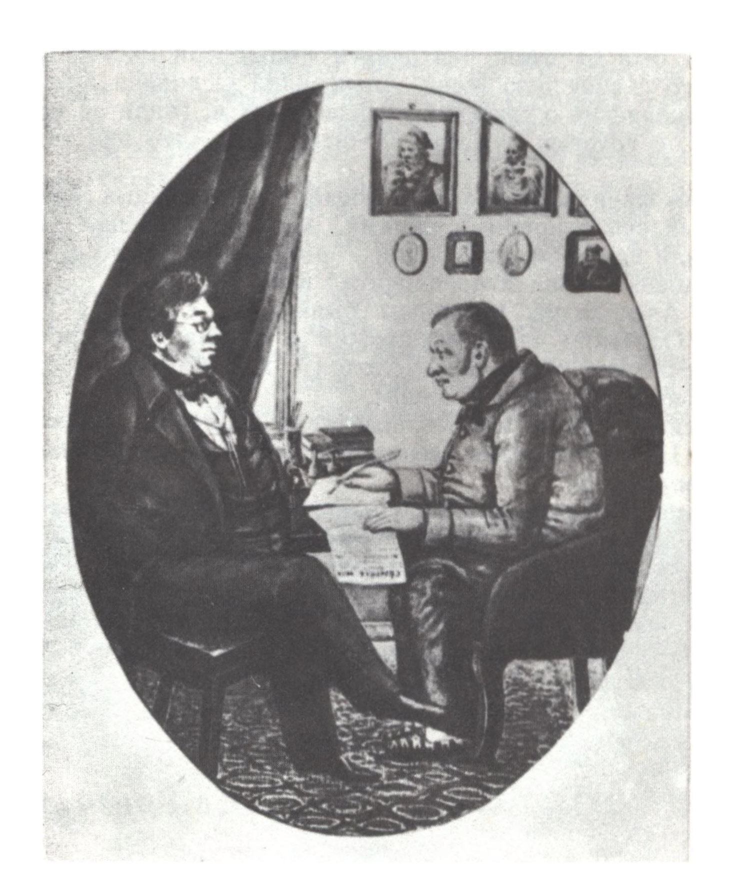
„Осенью займусь литературой..."

ушкин и друзья его собирались в домике Китаевой, у Жуковского в Александровском дворце, в Камероновой галерее, где внизу вместе с другими фрейлинами жила и Александра Осиповна Россет.

Собираясь, толковали о последних политических событиях. Событий было много. Год выдался тяжелый. Холера уносила тысячи жизней. Народ волновался. То здесь, то там вспыхивали «холерные бунты» — громили лазареты, убивали начальство, истребляли лекарей. Бунтовали солдаты, загнанные в каторжные военные поселения, бунтовали измученные голодные мужики.

Пушкин рассказывал о своем недавнем путешествии по России — из Москвы в Нижегородскую губернию, в село Болдино, и обратно. Холера свирепствовала. Народ был раздражен и подавлен, и причиной тому не одна лишь холера.

Булгарин и Греч.
Шарж неизвестного художника.

Говорили и спорили о польском восстании. Во французской палате депутатов темпераментные ораторы призывали Англию и Францию вмешаться с оружием в руках в дела России и Польши. Пушкин, внимательно следивший за политическими событиями, был огорчен и встревожен.

— Да разве вы не понимаете, — говорил он друзьям, — что теперешние обстоятельства чуть ли не так же важны, как в тысяча восемьсот двенадцатом году?

Он понимал, что если вмешается Европа, то России снова не

миновать кровопролитной войны. Он выразил свои чувства в стихотворении «Клеветникам России». Обращаясь к горячим головам на Западе, советовал им не вмешиваться в семейные споры славян и помнить, чем кончаются военные походы в Россию.

Конечно, много толковали и о литературе. В ту пору в петербургской журналистике хозяйничали «литераторы» Булгарин и Греч. Добровольные агенты политической полиции, они пресмыкались перед правительством, а Пушкина, Дельвига и других независимых и талантливых писателей обливали грязью. Зато беззастенчиво расхваливали один другого. Иван Андреевич Крылов высмеял их в басне «Кукушка и Петух». Пушкин отхлестал их в памфлетах «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем». Оба памфлета были подписаны псевдонимом «Феофилакт Косичкин» и вскоре напечатаны в журнале «Телескоп».

Кроме Булгарина и Греча в разговорах часто упоминался граф Хвостов. Его нелепые стихи смешили всех. Пушкина и Жуковского особенно смешили две строчки Хвостова о пении артистов Лисянской и Пашкова:

Лисянская и Па́шков там
Мешают странствовать ушам.

— Вот видишь, — поддразнивал Пушкин Жуковского, — до этого ты уж никак не дойдешь в своих галиматьях. — «Галиматьями» назывались шуточные стихи самого Жуковского.

Жуковский пробовал возражать, но где ему было переспорить Пушкина! Его никто не мог переспорить ни в шутку, ни всерьез. «Никого не знала я умнее Пушкина», — вспоминала Россет. А она знала многих.

— Ты, брат Пушкин, — добродушно смеялся Жуковский, — черт тебя знает, какой ты — ведь вот и чувствую, что вздор говоришь, а переспорить тебя не умею, так ты нас... в дураки и записываешь.

Пушкин читал свои стихи и памфлеты, Жуковский — стихи и «галиматьи», Гоголь — «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Гоголь жил в это время на даче в Павловске, в аристократическом семействе Васильчиковых, у которых воспитывал слабоумного сына. Чуть не каждый день приходил он пешком в Царское и читал своим знаменитым друзьям веселые украинские повести, над которыми работал. Читал превосходно, как настоящий актер: задушевно, лирично, с юмором, тонко передавая все особенности характеров действующих лиц. Пушкин слушал и смеялся — заразительно, от души. «Вот настоящая веселость, — писал он вскоре, — искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая

чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился».

Пушкин радостно приветствовал появление нового яркого таланта и, как мог, старался его поддержать.

Так проходило время.

В середине августа Гоголь уехал в Петербург. Вскоре Пушкин написал ему: «Жуковский расписался; я чую осень и собираюсь засесть».

Осень близилась, и Пушкин усиленно принялся за работу. Третьего сентября он уже рассказывал в письме Вяземскому, что написал сказку «в тысячу стихов».

Пушкин, Жуковский и Гоголь в Царском Селе летом 1831 г.
Картина П. Геллера.

Это был своеобразный поэтический турнир — Пушкин и Жуковский оба писали сказки.

Пушкин дал Жуковскому свою запись народной сказки, сделанную в псковской деревне, и тот на основе этой записи сочинил «Сказку о царе Берендее». Сам же Пушкин писал «Сказку о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». Это и была сказка «в тысячу стихов». Он слышал ее в селе Михайловском от своей старой няни Арины Родионовны.

Гоголь рассказывал в письме приятелю: «О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами написанная: «Кухарка» («Домик в Коломне»), в которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кроме того, сказки русские народные — не то, что «Руслан и Людмила», но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая! У Жуковского тоже русские народные сказки, одни гекзаметрами, другие просто четырехстопными стихами. . .»

Пушкин писал новое, приводил в порядок старое, написанное ранее. Кроме «Сказки о царе Салтане» написал он «Письмо Онегина к Татьяне», чтобы закончить наконец свой многолетний труд — роман в стихах «Евгений Онегин». Начал в прозе роман «Рославлев» из времен Отечественной войны 1812 года и «Роман на Кавказских водах». Подготовил к печати и отправил в Петербург с Гоголем «Повести Белкина». Дал просмотреть Жуковскому то, что написал прошлой осенью в Болдине, когда сидел там в карантине: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Домик в Коломне».

Большой круглый стол в кабинете был завален рукописями. . . Камердинер Пушкина Никифор Федоров вспоминал: «Вот уж подлинно труженик-то был Александр Сергеевич! Бывало, как бы поздно домой ни вернулся, и сейчас писать. Сядет это у себя в кабинетике за столик, а мне: «иди, Никеша, спать»: Никешей звал. И до утра все сидит. Смерть любил по ночам писать. Станешь это ему говорить, что, мол, вредно, а он: «не твое дело». Встанешь это ночью, заглянешь в кабинет, а он сидит, пишет и устами бормочет, а то так перо возьмет в руки и ходит, и опять бормочет».

Затихал поздним вечером «казенный городок», погружался в сон домик на Кузьминской дороге, и лишь окна мезонина его были долго освещены — на столе у Пушкина горели свечи. Он работал. До утра работал.

„В кругу милых воспоминаний"

В конце лета, двадцать седьмого августа, Пушкин получил от Жуковского записку: «Приходи ко мне в половине первого; пойдем в Лицей: там экзамен истории».

Пушкин отправился в Лицей. Он прекрасно знал — Лицей уже не тот. Не случайно царь Николай выразил надежду, что «ученики, подобные выпущенным во вкусе Энгельгардта, не будут более выходить из Лицея». И все же «милые воспоминания» влекли Пушкина туда, где прошли шесть лет его жизни, те шесть лет, что, отдаленные временем, после стольких утрат и разочарований, рисовались теперь самыми безмятежными и счастливыми. Пушкин шел в Лицей. . .

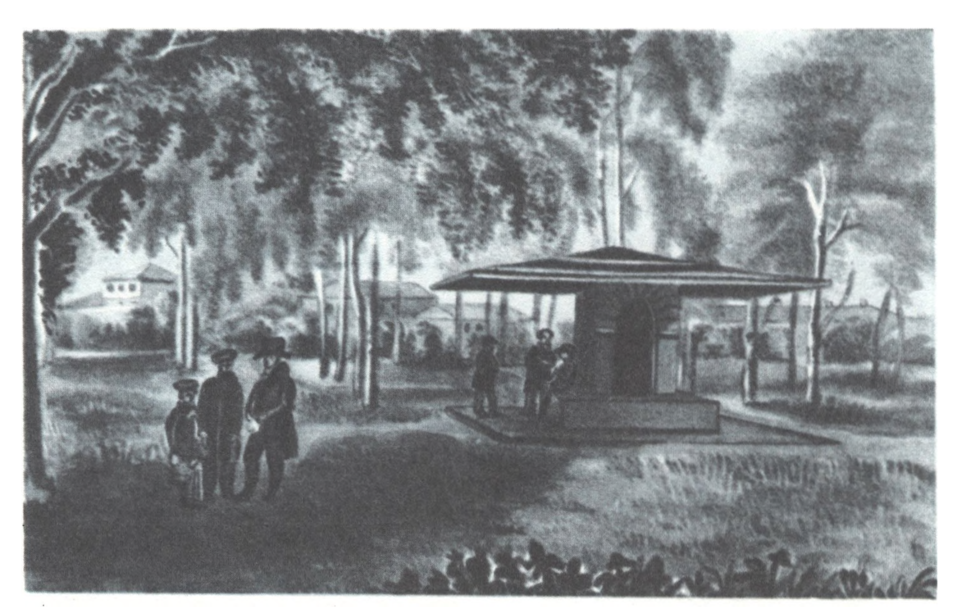
С тех пор как их выпустили, кое-что в городке изменилось. Появились новые прекрасные здания, построенные Василием Стасовым и другими зодчими. На Садовой улице близ Лицея перестроены были Большая оранжерея, Манеж. Александровский парк украсили Арсенал, Белая Башня, «Шапель». У самого Лицея, на месте

Лицей.
Рисунок Пушкина на рукописи VIII главы романа «Евгений Онегин».

Башня «Шапель» в Александровском парке.
Фотография.

Лицейский садик.
Литография В. Лангера. 1820 г.

церковной ограды, разбит был еще при Энгельгардте лицейский садик. Да, кое-что изменилось. . .

И все же это было то самое Царское, о котором Пушкин вполне бы мог воскликнуть вместе с Кюхельбекером: «Да что же и не примечательно для меня в Царском Селе? В Манеже мы учились ездить верхом; в саду прогуливались; в кондитерской украдкою лакомились; в директорском доме против самого Лицея привыкали несколько к светскому обращению и к обществу дам. Словом сказать, тут нет места, нет почти камня, ни дерева, с которыми не было сопряжено какое-нибудь воспоминание, драгоценное для сердца всякого бывшего воспитанником Лицея».

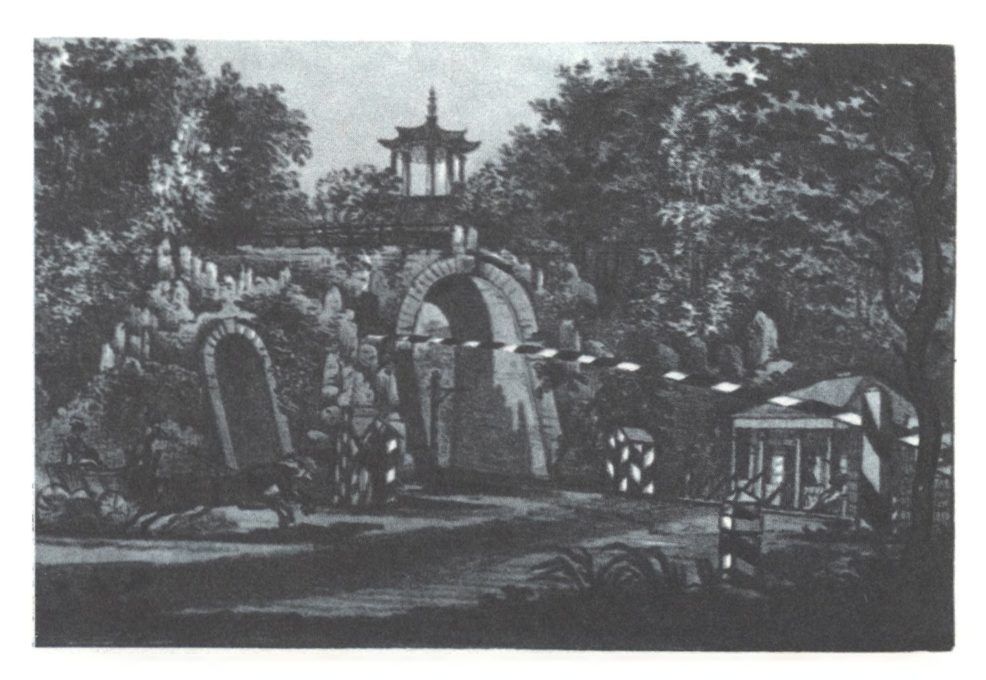
В Лицее Пушкина встречали восторженно. «Никогда не забуду восторга, с которым мы его приняли, — рассказывал один из лицеистов, впоследствии академик Яков Грот. — Как всегда водилось, когда приезжал кто-нибудь из наших «дедов», мы его окружили всем курсом и гурьбой провожали по всему Лицею. Обращение его с нами было совершенно простое, как со старыми знакомыми; на каждый вопрос он отвечал приветливо, с участием расспрашивал о нашем быте, по-

казывал нам свою бывшую комнату и передавал подробности о памятных ему местах... Он присутствовал у нас на экзамене из истории».

Окруженный молодежью, Пушкин ходил по Лицею, отвечал на вопросы, улыбался. А глаза его туманились. Ему виделся иной Лицей, другие лица... Ему виделись товарищи, на разлуку с которыми обрекла его судьба. Они не придут в их Лицей. Он знал, что они не придут. Но как хотелось ему, чтобы они пришли!..

Пускай, друзья, пустеет место их.
Они придут; конечно, над водами
Иль на холме под сенью лип густых
Они твердят томительный урок,
Или роман украдкой пожирают,
Или стихи влюбленные слагают,
И позабыт полуденный звонок.
Они придут!..

Распростившись с воспитанниками, Пушкин ушел бродить по парку. Милые воспоминания сопровождали его и здесь.

Беседка «Большой каприз» у въезда в Екатерининский парк.
Литография В. Лангера. 1820 г.

Вот Камеронова галерея, откуда любил он с товарищами смотреть сверху на парк. Вот озеро. Тех лебедей, верно, нет... На Розовом поле пусто. Лицейские резвятся теперь в своем саду. А вот и беседка. Она тоже памятна. Как-то раз во время бала он провел здесь несколько минут наедине с Бакуниной. Боже, как стучало его сердце, как хотелось сказать... Он ничего не сказал. Только после сочинил «Надпись к беседке»:

С благоговейною душой
Приближься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге сладостном погас,
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

Как давно это было...

Беседка ныне пуста. Подле нее полосатая будка и часовой с ружьем. Часовых в парке много. Когда Пушкин проходит мимо, они, как по команде, вытягиваются. Почему? Он и сам не знает. «Разве потому, — шутит он, — что я с палкой».

Лицеисты часто видят, как он гуляет по парку — то один, то с женой, то с Жуковским. Им до смерти хочется подойти, поздороваться и заговорить. Но они не решаются и следят за ним издали. Лишь один из них, встретив как-то Пушкина, подошел и заговорил. Он сам рассказывал об этой незабываемой встрече: «Я пошел парком, войдя в него с той стороны, где он углом вдается на улицу против Лицея. Не сделал я двадцати шагов, как вышел из-за деревьев на ту же дорогу человек среднего роста, с толстой палкой в руках. Он шел мне навстречу скоро, большими шагами. Хотя он был еще далеко от меня, по походке и бакенбардам не трудно было узнать в нем Александра Сергеевича. Я не спускал с него глаз и решился подойти к нему. За несколько шагов сняв фуражку, я сказал ему взволнованным голосом: «Извините, что я вас останавливаю, Александр Сергеевич, но я внук вам по Лицею и желаю вам представиться». — «Очень рад, — отвечал он, улыбнувшись и взяв меня за руку, — очень рад». Непритворное радушие видно было в его улыбке и глазах. Я сказал ему свою фамилию... «Ну, что у вас делается в Лицее? Если вы не боитесь усталости, — прибавил он, — то пойдемте со мной». Мы пошли так же скоро и теми же большими шагами. Я не чувствовал ни прежнего волнения, ни прежней боязни. При всей своей славе Александр Сергеевич был удивительно прост в обхождении. Гордости, важности, резкого тона не было в нем ни тени, оттого и нельзя было не полюбить его искренно с первой же минуты... «Ну, а литература у вас процветает?» — спросил он. «Мы, по крайней мере, об ней хлопочем: у нас

Беседка «Большой каприз» в Екатерининском парке.
Фотография.

издаются журналы и газеты». — «Принесите их мне: ну, а что Сергей Гаврилович Чириков?» Я отвечал, что он у нас гувернером в старшем курсе, по-прежнему добрейший человек, но под старость лет у него явилась охота к пенью. «Каким это образом?» — «Он с нами поет в рекреационное время, по вечерам, разные арии из Сбитенщика и Водовоза; он запевает, а мы ему хором подтягиваем». Александр Сергеевич от души засмеялся. «А мы в нем и не подозревали голоса, — сказал он, — пригласите его когда-нибудь ко мне». — «Что ваш сад и ваши палисадники? А памятник в саду вы поддерживаете? Видаетесь ли вы с вашими старшими? Выпускают ли теперь из Лицея в военную службу? Есть ли между вами желающие? Какие теперь у вас профессора? Прибавляется ли ваша библиотека? У кого она теперь на руках? Что Пешель? Боится ли он холеры?» На эти вопросы Александра Сергеевича я едва успевал отвечать».

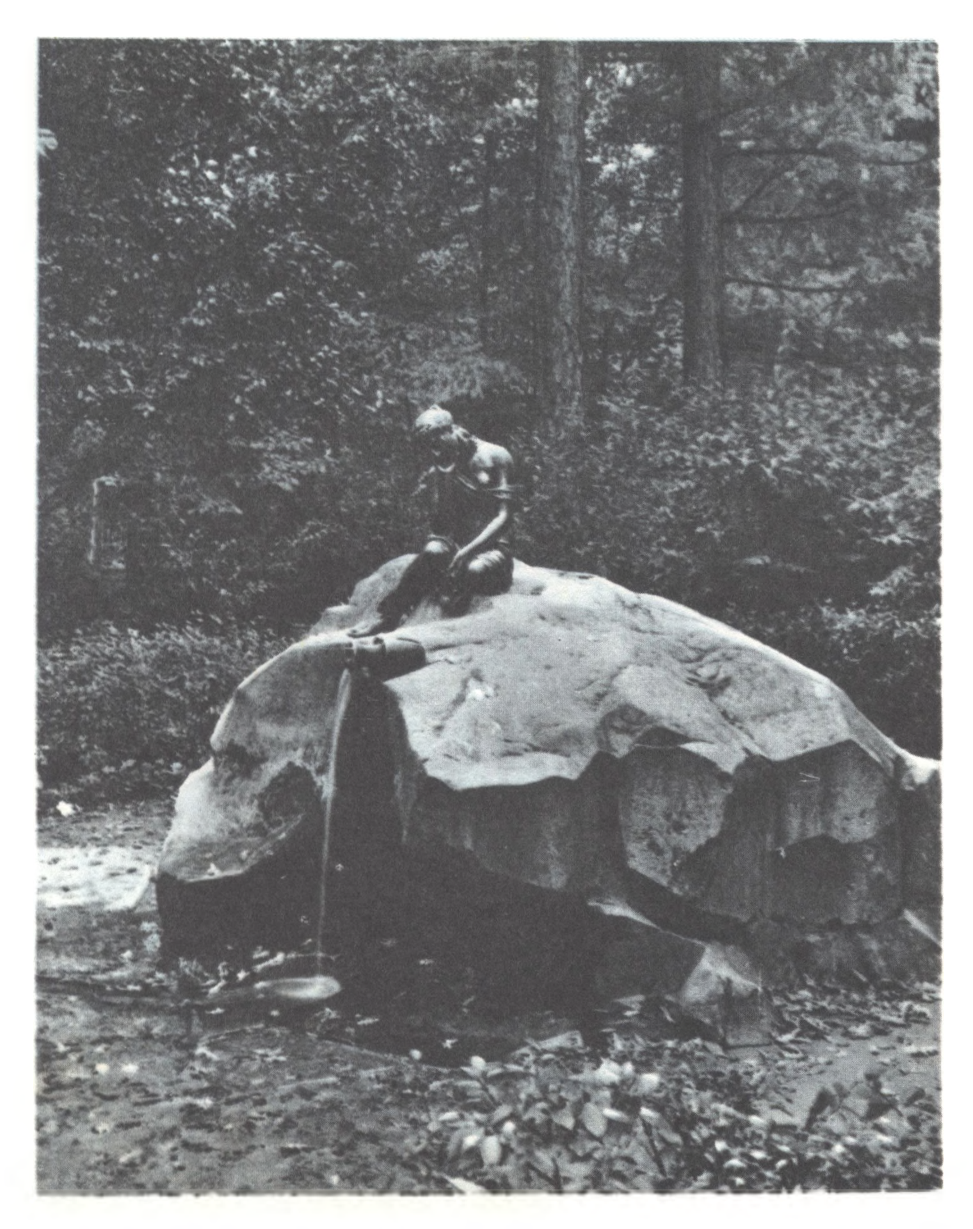
Тишина, уединение и «милые воспоминания» долго удерживали Пушкина в ту осень в Царском Селе. Опустели расцвеченные всеми оттенками багреца и золота царскосельские парки, а его все еще видели гуляющим возле озера. Он бродил по дорожкам и задумчиво ворошил своей толстой палкой облетевшую листву.

Приближалась лицейская годовщина — 19 октября. Двадцать лет прошло с тех пор, как открыт был Лицей. Уж давно в этот день его первые питомцы собирались не в Царском, а в Петербурге у кого-нибудь из товарищей. 19 октября 1828 года собрались они у Тыркова. Был с ними и Пушкин. «Собрались на пепелище... курнофеиуса Тыркова (по прозвищу Кирпичного бруса) 8 человек... а именно: Дельвиг — Тося, Илличевский — Олосенька, Яковлев — Паяс, Корф — дьячок-мордан, Стевен — Швед, Тырков (смотри выше), Комовский — лиса, Пушкин — француз (смесь обезианы с тигром)...» — так записано было рукою Пушкина в шутливом протоколе.

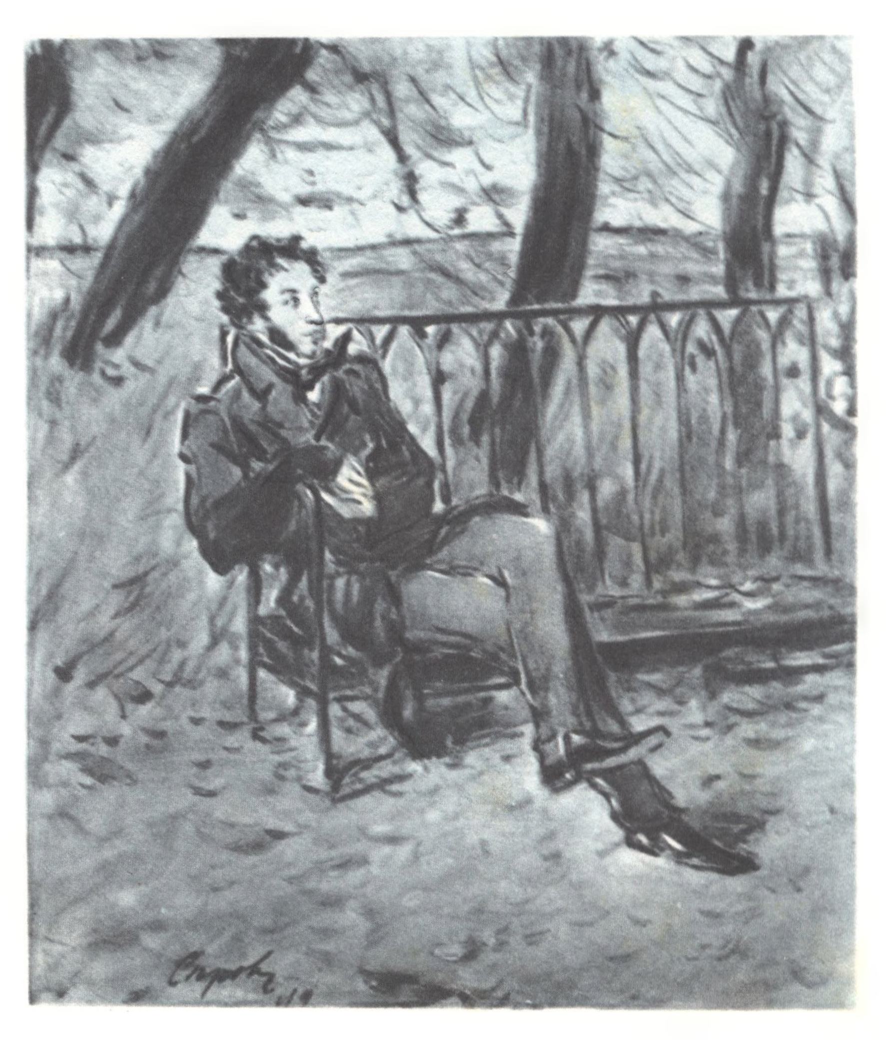
На этот раз, в 1831 году, сговорились собраться у «лицейского старосты» Миши Яковлева. Пушкин не знал, пойдет он или нет. Умер Дельвиг. И было слишком мучительно встречаться с товарищами.

Дельвиг умер неожиданно. Незадолго до того его вызвал к себе шеф жандармов Бенкендорф. Он кричал, угрожал, топал ногами: как посмел Антон Дельвиг в своей «Литературной газете» напечатать стихи Казимира де ла Виня, посвященные погибшим участникам июльской революции во Франции?! Дельвиг вышел потрясенный: с ним, русским литератором, обращаются как с холопом... Вскоре он заболел и его не стало.

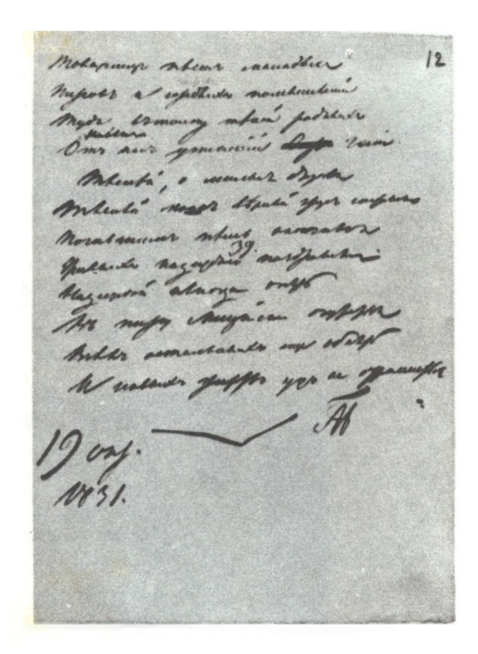
Петербургский профессор А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Публика в ранней кончине барона Дельвига обвиняет Бенкендорфа».

Фонтан «Девушка с урной» в Екатерининском парке.
Фотография.

Пушкин в парке.
Рисунок В. Серова. 1899 г.

«Чем чаще празднует Лицей» (на 19 октября 1831 г.), стихотворение Пушкина. *Автограф.*

Весть о смерти Дельвига застала Пушкина в Москве. «Ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось... Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели».

После смерти Дельвига чувство страшного одиночества охватило Пушкина.

Затеряны где-то в бескрайней Сибири Пущин и Кюхельбекер. Теперь умер Дельвиг... Нестерпимая боль утраты то нарастала, то слабела, но никогда уже с тех пор не оставляла его.

Он не знал, пойдет ли к Яковлеву, но в эти октябрьские дни думал о лицейских товарищах — живых, мертвых, тех, что заживо погребены «во глубине сибирских руд». Думал, мысленно беседовал с ними, изливал им свою душу в удивительных стихах.

Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,

Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим.
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

Пушкин верил в жизнь, верил в будущее. И как ни бывало ему подчас мучительно грустно, никогда не давал он унынию овладеть им до конца.

Во второй половине октября Пушкин с женой переехал из Царского Села в Петербург. Больше в Царском Селе он не жил; бывал здесь лишь наездами.

сли ехать в город Пушкин по шоссейной дороге, то у самого въезда, у Египетских ворот, стоит памятник Пушкину работы скульптора Л. Бернштама. К невысокому обломку стены прислонился задумчивый Пушкин. Он не юноша. Он многое испытал, и здесь, в Царском Селе, отрадной и грустной чередой проходят перед ним милые воспоминания.

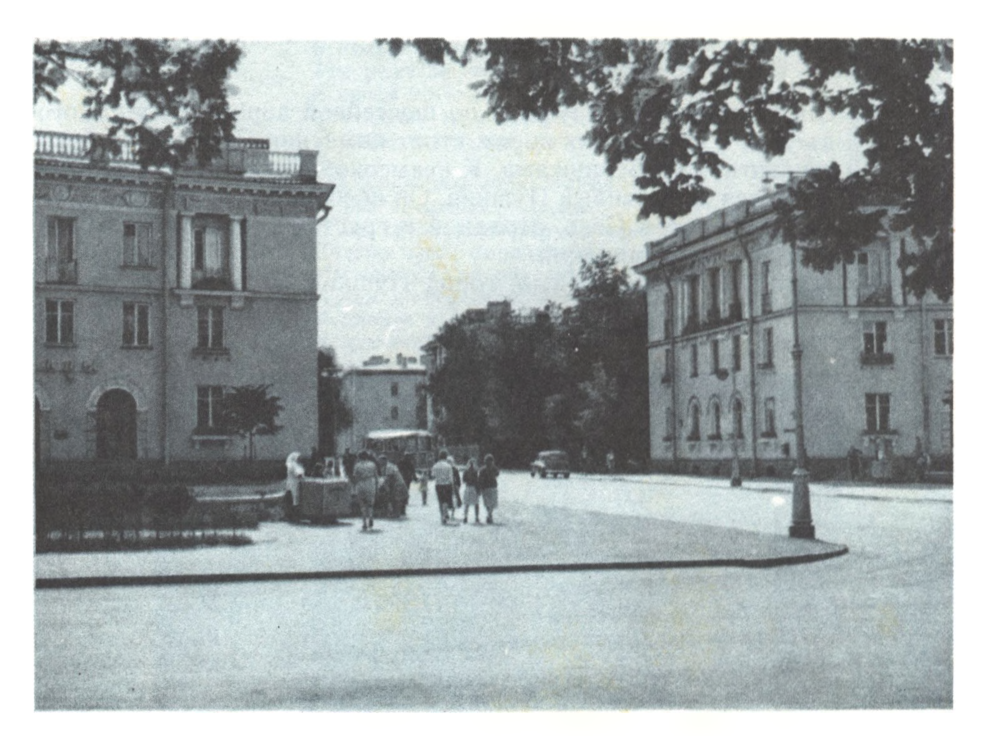
Царское Село, Детское Село, город Пушкин.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
СОЮЗА ССР

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ
100 ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СО ДНЯ
СМЕРТИ ВЕЛИЧАЙШЕГО РУССКОГО
ПОЭТА А. С. ПУШКИНА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ СОЮЗА ССР
ПОСТАНОВЛЯЕТ:
ПЕРЕИМЕНОВАТЬ
ГОРОД ДЕТСКОЕ СЕЛО В ГОРОД
ПУШКИН.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦИК СОЮЗА ССР
МОСКВА КРЕМЛЬ
9 ФЕВРАЛЯ 1937 г.
М. КАЛИНИН

Доска на здании Городского совета депутатов трудящихся г. Пушкина.

Город Пушкин сегодня. Первомайская улица.
Фотография.

Очистительный вихрь социалистической революции изменил лицо России, облик Царского Села. Безвозвратно канули в прошлое самодержавные властители из династии Романовых. Как пугающие тени, промелькнули они в царскосельских дворцах и парках, промелькнули и исчезли. Совершилось то, о чем мечтали лучшие люди России. И здесь, в Царском Селе, «на обломках самовластья» написали имя Пушкина.

На старинном здании, где помещается Совет депутатов трудящихся города Пушкина, белеет мраморная доска. На ней золотыми буквами высечена надпись:

«В ознаменование 100-летней годовщины со дня смерти величайшего русского поэта А. С. Пушкина Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: переименовать город Детское Село в город Пушкин».

Памятник Пушкину у Египетских ворот.
Скульптор Л. Бернштам. 1912 г.

Город Пушкин — это уютный зеленый городок, где так много огромных живописных деревьев, где на широких улицах нет-нет, да и встречаются невысокие домики с фронтонами, мезонинами, колоннами — свидетели юности поэта; это городок, где неповторимо прекрасны творения прошлых веков — великолепные дворцы и разнообразные парки... И тут же рядом — новое: новые дома, сады, бульвары, памятники. Автобусы, асфальт... Над пышными кронами старожилов-деревьев стрелы башенных кранов.

Мирный зеленый городок... Даже не верится, что и здесь прошла война. Но они здесь были, фашистские варвары.

Когда морозным январским днем 1944 года советские воины освободили городок, у Египетских ворот их встретил расстрелянный фашистскими пулями бронзовый Пушкин.

Бывший дом Китаевой, ныне мемориальный музей-дача А. С. Пушкина. *Фотография.*

Городок лежал в развалинах. Там, где недавно сверкал лазоревый фасад Екатерининского дворца, чернели обгорелые стены, занесенные снегом. В изрытых, искалеченных «садах Лицея» на месте павильонов, беседок, мостиков лежали груды камней и исковерканного железа.

Но удивительное дело — Лицей и многие пушкинские уголки уцелели. Будто пламя войны не посмело их коснуться. И как символ бессмертия всего, что прекрасно, взвился над пушкинским Лицеем в тот январский день первый красный флаг...

От памятника Пушкину у Египетских ворот широкий тенистый Октябрьский бульвар ведет к Пушкинской улице. Раньше называлась она Колпинской. На углу этой улицы и улицы Васенко (бывшая Кузьминская дорога) и поныне стоит одноэтажный деревянный дом с застекленной верандой и мезонином. Это домик Китаевой, тот самый, в котором летом и осенью 1831 года жил на даче Пушкин.

С 1958 года здесь открыт небольшой, но интересный музей. В четырех его комнатах собраны документы, рисунки, картины, портреты, рассказывающие о жизни Пушкина в этом домике, о произведениях поэта, написанных здесь, о Царском Селе того времени.

Одна из комнат — столовая, как и при Пушкине, обставлена мебелью красного дерева: диван, стулья, кресла, круглый стол, ломберные столики. Здесь обедали вдвоем Пушкин с Натальей Николаевной, здесь бывали «черноокая Россети», Жуковский, Гоголь.

И в гостиной тоже старинная мебель. У окна — маленький столик для вышивания. Здесь, склонившись над пяльцами, поджидала Наталья Николаевна, когда же наконец Пушкин кончит работать и спустится вниз из своего кабинета.

Против дачи-музея начинается Александровский парк.

Знаменитые парки города Пушкина, залечившие раны, нанесенные войной, пленяют своей разнообразной прелестью. Хороши они весною, когда сквозь зеленое кружево первой листвы светит гладь прудов и большого озера, вырисовываются контуры павильонов, монументов... Хороши они и осенью в ярком зареве листвы, когда с высокого неба льет на них свой спокойный свет уже по-осеннему холодное солнце...

Сады Лицея и теперь вдохновляют поэтов.

Как и во времена Пушкина, парки

> ...населены чертогами, вратами,
> Столпами, башнями, кумирами богов,
> И славой мраморной, и медными хвалами.

Из-за зелени вековых деревьев видны лазоревые стены Большого дворца. Снаружи он полностью восстановлен.

Бывший дом Теппера.
Фотография.

Посреди озера возвышается воспетая некогда юным лицеистом Чесменская колонна; осененный ветвями сосен, стоит Кагульский обелиск; на Морейской колонне так же значится имя покорителя Наварина бригадира Ганнибала... Как и в те далекие годы, рвутся к небесам «огромные чертоги» — Камеронова галерея, и столь же прекрасный вид открывается с высоты на холмистый луг с кудрявыми купами деревьев, живописный берег озера, по водяной глади которого медленно скользит стая белых лебедей. И по-прежнему видится здесь, в садах Лицея, кудрявый отрок с раскрытой книгой в руках. Здесь живет его поэзия...

Вдоль южной границы Екатерининского парка протянулась бывшая Садовая улица, сохранившая свой старый, пушкинский облик. Здания Большой оранжереи, Манежа, Нижних конюшен принадлежат теперь Ленинградскому сельскохозяйственному институту. Сохрани-

лись старинные «кавалерские домики», и тот из них, в котором жил Карамзин и где бывал у него Пушкин. На углу Комсомольской улицы и Лицейского переулка, как и полтораста лет назад, стоит дом, где жили директора Лицея — Малиновский, а затем Энгельгардт. Против лицейского садика, на улице Коммунаров, сохранился домик Теппера. Снаружи он точно такой, каким был при Пушкине. Теперь здесь помещается городская детская библиотека.

И, наконец, самое главное — Лицей... Сколько раз это строгое величавое здание видело Пушкина. Эти стены — свидетели его «первой весны». Они слышали, как шептал он свои первые строфы.

Много превратностей испытало это здание.

В 1842 году, через пять лет после гибели Пушкина, Николай I заявил директору Лицея: «Я думаю перевести вас в Петербург; семья моя год от году увеличивается».

Мемориальный музей Лицей. Актовый зал.
Фотография.

В 1843 году Е. А. Энгельгардт писал в Сибирь Пущину: «Скажу тебе лицейскую новость: *Царскосельского* Лицея не стало: Лицей переведен сюда на Петербургскую сторону в здание Александровского сиротского дома и называется *Александровским* Лицеем... нашего *Царскосельского Лицея* не стало».

Их Царскосельского Лицея не было уже давно. Теперь отняли и здание... Оно снова перешло в дворцовое ведомство. «Августейшему семейству» было тесно в Екатерининском, Александровском и других многочисленных загородных дворцах — ему понадобился Лицей.

С тех пор здание Лицея много раз переделывалось и перестраивалось внутри. Будто царское правительство стремилось уничтожить все, что говорило о Лицее, «лицейском духе», о Пушкине.

Только в 1899 году, в столетнюю годовщину со дня рождения поэта, на здании Лицея была установлена мраморная доска с надписью: «Здесь воспитывался Александр Сергеевич Пушкин. 1811—1817 гг.». И через двенадцать лет, в 1911 году, когда исполнилось сто лет со дня основания Лицея, появилась еще доска: «В сем здании с 1811 по 1843 год находился Императорский Лицей».

Равнодушно преданное забвению, много лет прозябало историческое здание. И лишь теперь, в наши дни, по воле советского народа здесь создан один из самых привлекательных пушкинских музеев страны — мемориальный (памятный) музей Лицей.

Актовый зал. Классы. Проходная и Газетная комнаты. Библиотека, комнатки-спальни воспитанников. Сколько событий и образов воскрешают они. Все здесь проникнуто Пушкиным.

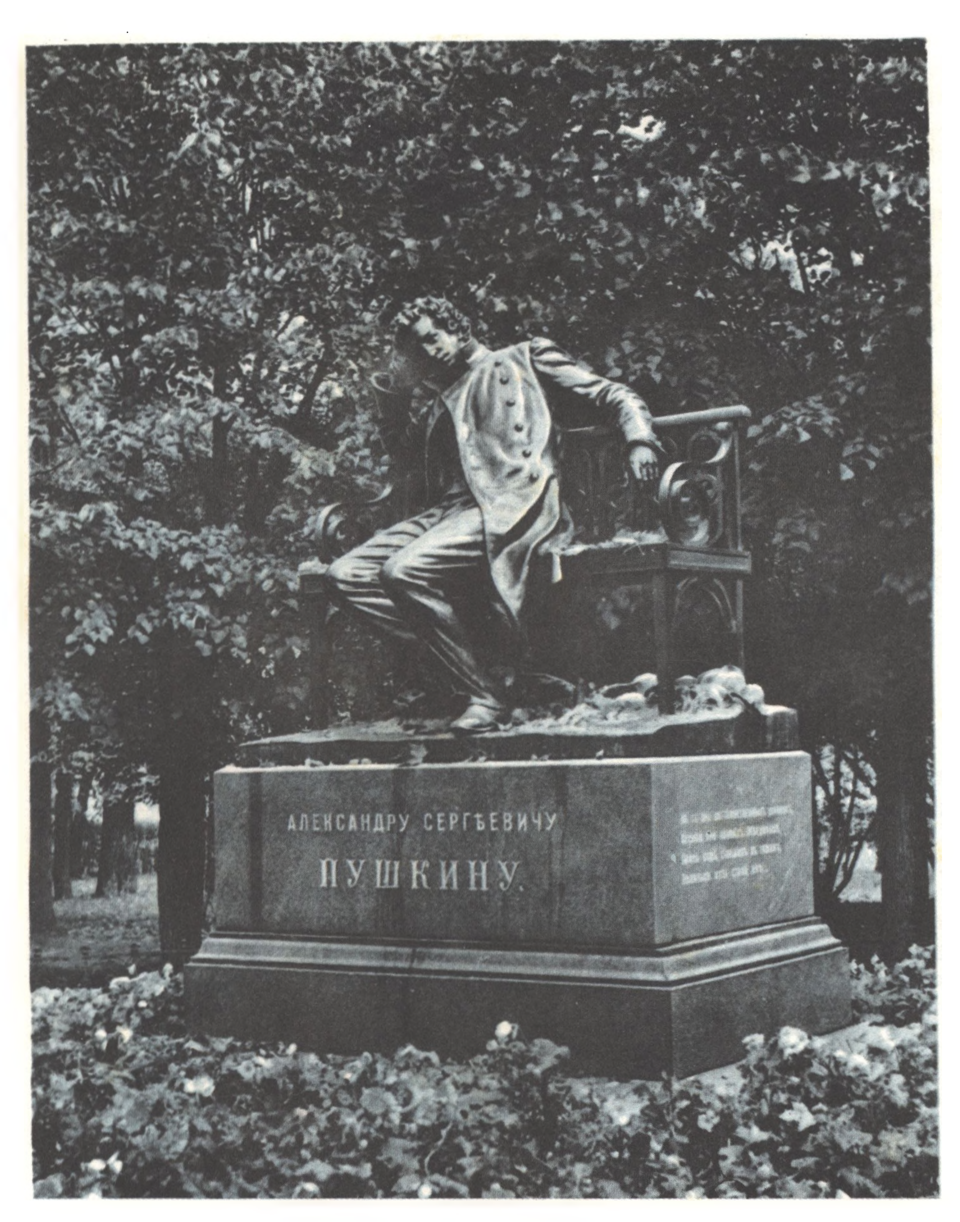
В Актовом зале теперь так же, как и раньше, в год открытия Лицея: входы-арки, расписной потолок и роспись на стенах, колонны, по обе стороны окна, блестящий паркет. На длинном столе, покрытом красной суконной скатертью с золотыми кистями, под стеклом — Устав Лицея. Тот самый Устав, что лежал здесь 19 октября 1811 года.

В Газетной комнате тоже прежнее убранство. Круглый стол, еще столик, несколько стульев, карта мира.

В арке — как и некогда — библиотека. Шесть книжных шкафов стоят на прежних местах. Тут же стол, стулья (все старинное, конца XVIII века). На столе — свечи в подсвечниках, щипцы для снятия нагара, чернильница. В книжных шкафах много подлинных книг из лицейской библиотеки.

В музыкальном классе старинный клавесин. В рисовальном — гипсовые слепки с античных скульптур, рисунки лицеистов. В физическом кабинете — приборы, глобусы.

Широкая каменная лестница с чугунными перилами ведет в жилой четвертый этаж, в «кельи» лицеистов.

Памятник Пушкину в лицейском садике.
Скульптор Р. Бах. 1900 г.

Длинный коридор из конца в конец, через все здание. По обе его стороны комнатки-спальни. Над дверями черные дощечки с фамилиями. «№ 11, Владимир Вольховский», «№ 12, Федор Матюшкин», «№ 13, Иван Пущин», «№ 14, Александр Пушкин». В нескольких кельях — все, как в те давние годы: узкая кровать, покрытая светлым байковым одеялом, конторка, комод, умывальный столик. На единственном стуле у окна висит лицейский мундир с красным воротником.

Это был нелегкий труд — воссоздать подлинный облик зал и комнат Лицея. Изучались документы, хранящиеся в архивах, воспоминания и записки современников, труды ученых, рисунки и другие материалы. Собирали по крупицам, долго, тщательно. И как воодушевляли и волновали сотрудников Всесоюзного музея Пушкина каждая находка, каждое, самое маленькое, открытие. Как обрадовало известие, что после долгих поисков найдены наконец книги лицейской библиотеки. В 1920 году они были переданы Уральскому университету в Свердловске и теперь возвратятся на свое старое место.

Заново восстановленный музей Лицей открылся к шестому июня 1974 года, к стосемидесятипятилетию со дня рождения Пушкина. Но восстановление этого самого пушкинского уголка города поэта продолжается.

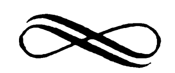
У «музейных следопытов» еще много работы. Еще многое предстоит им искать и находить.

В лицейском садике на бронзовой скамье мечтает юный Пушкин.

О чем он думает? Сочиняет стихи, вспоминает взволнованные речи Чаадаева, вызывает в памяти черты Бакуниной? Он исполнен сил, надежд и стремлений. У него все впереди... Сколько он совершит!

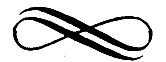
Шумят старые деревья, осеняя бронзовый памятник. На курчавую голову лицеиста упали блики солнца.

По дорожкам, усыпанным песком, проходят дети, взрослые. А он погружен в свои мысли и никого не замечает. Но он здесь, с нами. Он всегда с нами, наш юный Пушкин, близ своего Лицея, в своем старом и таком молодом городке, который лучше не назовешь, чем он назван, — Пушкин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оформление
Г. П. ГУБАНОВА

Фронтиспис —
РИСУНОК В. А. ФАВОРСКОГО.
1935 г.

Фотоиллюстрации
М. А. ВЕЛИЧКО

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Басина Марианна Яковлевна

ГОРОД ПОЭТА

Ответственный редактор
С. М. Туркова.
Художественный редактор
А. В. Карпов.
Технический редактор
З. П. Коренюк.
Корректоры
К. Д. Немковская и
Л. Л. Бубнова.

Сдано в набор 2/I 1975 г. Подписано к печати 11/V 1975 г. Формат 70×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 17. Уч.-изд. л. 14,44. Усл. печ. л. 19,89. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1. Цена 1 р. 87 к. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2, Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Басина М. Я.

Б 27 Город поэта. Документальная повесть. Издание 2-е. Л., «Дет. лит.», 1975.

270 с. с ил. (По дорогим местам.)

Книга о лицейских годах великого русского поэта А. С. Пушкина.

8Р1 (092)

1 р. 87 к.